

ЗВЕЗДЫ МИРОВОЙ ФАНТАСТИКИ

РОБЕРТ
ХАЙНЛАЙН

Звезды мировой фантастики (Азбука)

Роберт Хайнлайн

**Достаточно времени для любви,
или Жизнь Лазаруса Лонга**

«Азбука-Аттикус»

1973, 2003

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445

Хайнлайн Р. Э.

Достаточно времени для любви, или Жизнь Лазаруса Лонга /
Р. Э. Хайнлайн — «Азбука-Аттикус», 1973, 2003 — (Звезды
мировой фантастики (Азбука))

ISBN 978-5-389-15644-9

Роман Роберта Хайнлайна необычен как по сюжету, так и по своему построению. Это роман-симфония. Не пугайтесь, уважаемые любители фантастики, в нем есть все, что должно вам понравиться, и фантастика в том числе. Просто он сделан по музыкальным канонам — прелюдия, контрапункт, интермедии, есть даже вариации на тему. Лазарус Лонг, известный читателям со времен раннего произведения Хайнлайна «Дети Мафусаила», долгожитель, мало того — старейший представитель человеческой расы (на момент романного действия — 4325-й земной год — ему уже перевалило за две тысячи (!!!) лет), прошедший путь (год рождения 1912) от кадета ВМФ США до... Межпланетный торговец, один из богатейших людей в галактике, успешный колонизатор, щедрый, любвеобильный муж — и, несмотря на это, человек, готовый рискнуть всеми своими связями, всем состоянием, чтобы участвовать в эксперименте со временем и вернуться во времена детства... Перевод романа публикуется в новой редакции.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445

ISBN 978-5-389-15644-9

© Хайнлайн Р. Э., 1973, 2003

© Азбука-Аттикус, 1973, 2003

Содержание

Достаточно времени для любви, или Жизнь Лазаруса Лонга	8
Введение	9
Предисловие к исправленному изданию	15
Прелюдия	16
Прелюдия	28
Контрапункт	39
Контрапункт	43
Вариации на тему	47
Вариации на тему	52
Вариации на тему	69
Контрапункт	96
Вариации на тему	98
Конец ознакомительного фрагмента.	110

Роберт Хайнлайн

Достаточно времени для любви, или Жизнь Лазаруса Лонга

Robert A. Heinlein

TIME ENOUGH FOR LOVE

Copyright © 1973 by Robert A. Heinlein,

2003 by the Robert A. & Virginia Heinlein Prize Trust

All rights reserved

Издательство выражает благодарность С. В. Голд (swgold) за активную помощь при подготовке книги.

© Ю. Р. Соколов, перевод, 2018

© С. В. Голд, послесловие, 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2018

Издательство АЗБУКА®

***

Роберт Энтон Хайнлайн (1907–1988)

Наряду с Айзеком Азимовым и Артуром Кларком входит в большую тройку писателей-фантастов и носит титул гранд-мастера. Автор знаменитых романов «Двойная звезда», «Звездный десант», «Кукловоды», «Чужак в стране чужой» и многих других, писатель – рекордсмен по числу литературных наград, включая такие престижные, как премия «Хьюго», «Небьюла» и т. д. По опросам, проводимым журналом «Локус» среди читателей, Роберт Хайнлайн признан лучшим писателем-фантастом всех времен и народов.

***

Полвека не покладая рук он работал в фантастике, выпустил в свет 54 книги – романы, сборники рассказов и т. д. – общим тиражом 40 миллионов экземпляров. За три первых года работы он, на взлете таланта, создал несколько книг, живы и сегодня не просто как любопытные опыты довоенной фантастики, а как совершенно современные произведения. И когда я говорю о том, что Хайнлайн – создатель современной американской фантастики, я имею ввиду именно свежесть, актуальность его работы – каждая из его повестей могла быть опубликована сегодня, и мы бы восприняли ее как сегодня написанную.

Кир Булычев

***

Уже после первого опубликованного рассказа Хайнлайна признали лучшим среди писателей-фантастов, и он сохранил этот титул до конца жизни.

Айзек Азимов

Что бы не говорили плохого об идеологии этого автора, его нельзя обвинить в фарисействе, разве только в простодушной наивности.

Станислав Лем

Хайнлайн верил, что фантастический рассказ имеет смысл только в том случае, если его корни уходят в самую настоящую действительность, в то же время проникая в мир воображения. Он был убежден, что выдуманная действительность не может быть опрокинута на читателя в первых же абзацах произведения, а должна проявляться постепенно, прорастая сквозь реальность.

Роберт Сильверберг

Достаточно времени для любви, или Жизнь Лазаруса Лонга

Посвящается Биллу и Лоси

Жизнеописание Старейшего из Семейств Говарда (Вудро Уилсона Смита, Эрнста Гиббонса, капитана Аарона Шеффилда, Лазаруса Лонга, Счастливого Дэйза¹, его ясности Серафина Младшего, верховного первосвященника Единого Бога во всех Его ипостасях и судии на земле и на небесах, заключенного № 83М2742, мистера Джастиса Ленокса, капрала Теда Бронсона, доктора Лейфа Хуберта и прочих), старейшего представителя человеческой расы. Сие свидетельство опирается большей частью на собственные слова Старейшего, записанные в разное время во многих местах, главным образом в клинике омоложения Говарда и резиденции администратора в Новом Риме на планете Секундус в 2053 году от Великого расселения (4272 год по григорианскому летоисчислению старой Земли), дополненные письмами и показаниями очевидцев, а затем упорядоченные, сжатые, переработанные и согласованные (где возможно) с официальной историей и мемуарами современников под руководством попечителей Фонда Говарда и изложенные лично Говардовским почетным архивариусом. Результат этих трудов имеет уникальное историческое значение, несмотря на решение архивариуса оставить в тексте вопиющую ложь, откровенный нарциссизм и не предназначенные для юных читателей многочисленные непристойные анекдоты.

---

¹ От *англ. daze* – оглушить ударом, ошеломить. – *Примеч. С. В. Голд.*

Введение

О написании исторических трудов

История имеет такое же отношение к истине, как теология к вере, а именно – никакого.

Л. Л.

Великое расселение человеческой расы началось более двух тысячелетий назад, когда был обнаружен принцип действия привода Либби – Шеффилда. Оно продолжается и поныне, не обнаруживая никаких признаков угасания. По этой причине написание единого исторического повествования, равно как и многих согласующихся между собой трудов, представляется невозможным. Уже к двадцать первому веку по григорианскому календарю² на Древней Земле наша раса была способна каждое столетие трижды удваивать свою численность – были бы только сырье и пространство.

Звездный двигатель предоставил людям и то и другое. Раса *H. Sapiens* распространилась по доступному сектору Галактики быстрее скорости света и начала расти как на дрожжах. Если бы темпы удвоения рода людского и впредь сохранили потенциал двадцать первого столетия, нас сейчас было бы примерно $7 \times 10^9 \times 2^{68}$. Подобное число совершенно не укладывается в голове, им могут оперировать только компьютеры:

$$7 \times 10^9 \times 2^{68} = 2\,066\,035\,336\,255\,469\,780\,992\,000\,000\,000,$$

иначе говоря – чуть более двух тысяч миллионов миллиардов триллионов людей.

Или, если прикинуть общую массу, – в двадцать пять миллионов раз тяжелее нашей родной планеты Сол-III, Старого отечества то есть.

Абсурд.

И это было бы действительно абсурдно, если бы не Великое расселение. Наша раса, достигнув потенциала, при котором она могла удваиваться трижды за столетие, оказалась в кризисе, не позволяющем удваиваться даже единожды. Мы попали на ту ветвь закона роста дрожжевых клеток, где популяция может поддерживать неустойчивую стабильность с нулевым приростом, только убивая своих же собственных представителей с достаточной скоростью, – иначе выделяемые ею яды отравят ее или же она погубит себя в тотальной войне или скатится в какую-то иную форму мальтузианского окончательного решения.

Но численность человеческой расы не достигла (как мы полагаем) этой чудовищной величины, потому что базовая величина к началу расселения составила не семь миллиардов, а на несколько миллионов меньше. Отток населения продолжался, и его величина, вначале незначительная, но постоянно возрастающая, с тех пор достигла сотен миллионов. Две тысячи лет люди мигрировали с Земли, а затем и из земных колоний во все более удаленные уголки Вселенной.

И мы уже не стремимся дать разумную оценку численности рода людского, мы можем только предположить, что существует более двух тысяч колонизированных планет и более пятисот миллиардов человек во Вселенной. Возможно, планет окажется раза в два больше, а людей – в четыре. Кто знает.

Поэтому изучение демографических аспектов историографии сделалось невозможным. Данные поступают к нам уже устаревшими и всегда далеки от полноты – но при этом они так многочисленны и так различны в плане достоверности, что мне приходится держать пер-

---

² Земной григорианский календарь распространен шире, чем любой другой календарь, в том числе галактический стандартный. Тем не менее он известен ученым далеко не на всех планетах, и переводчикам следует для ясности добавлять даты по местному календарю. – *Дж. Ф. 45-й.*

сонал в несколько сотен человек/компьютеров, которые пытаются эту информацию анализировать, сопоставлять, интерполировать и экстраполировать и сверять с другими источниками, прежде чем их включают в общую базу данных. Мы пытаемся обеспечить девяностопятипроцентную достоверность скорректированных данных, в худшем случае – восьмидесятипятипроцентную; реально же способны достичь соответственно восьмидесяти девяти и восьмидесяти одного процента, и положение с каждым разом все ухудшается.

Поселенцев мало заботит то, что дома ждут их отчетов; они заняты другими делами: выживают, рожают детей, уничтожают все на своем пути. Обычно в колонии успевают смениться четыре поколения, прежде чем в этот офис начинают поступать хоть какие-то сведения.

(Иначе и быть не может. Колонист, который слишком интересуется статистикой, сам становится статистической единицей – в качестве трупа. Я и сам намерен мигрировать, и, когда это случится, мне будет решительно все равно, станет отслеживать меня статистика или нет. Почти на столетие я застрял на этой, по сути, бесполезной работе, отчасти из-за материальных соображений, отчасти из генетической предрасположенности: я ведь прямой и улучшенный потомок самого Эндрю Джексона Калькулятора Либби³. Но с другой стороны, я происхожу от Старейшего и унаследовал, как мне кажется, часть его беспокойной натуры. Я хочу последовать за дикими гусями и посмотреть, что из этого получится; хочу опять жениться, наплодить с дюжину потомков на новенькой малолюдной планете, а потом, возможно, двинуться дальше. Теперь, когда я записал мемуары Старейшего, попечители могут, как он сам выражается в своей архаичной манере, принять сей труд и засунуть его себе куда им будет угодно.)

Кто же он, этот Старейший, – мой предок, да и ваш, наверное, тоже; безусловно, самый старый из ныне живущих, единственный активный участник событий времен кризиса человеческой расы и преодоления его с помощью Расселения?

Мы перевалили через вершину. Теперь наша раса могла бы, потеряв пятьдесят планет, плотнее сомкнуть ряды и двинуться дальше. Наши галантные дамы возместят потери за одно поколение. Но едва ли подобное случится; до сих пор нам не удалось повстречаться ни с одной расой, такой же упрямой, подлой и беспощадной, как наша. Консервативная оценка свидетельствует, что приведенного выше невероятного числа мы достигнем всего за несколько поколений и отправимся к другим галактикам, так и не освоив до конца свою собственную. И в самом деле, отчеты, поступающие издалека, свидетельствуют о том, что межгалактические корабли уже несут колонистов-людей сквозь бесконечные просторы Вселенной. Сообщения эти пока не проверены, поскольку самые отважные колонии, как обычно, располагаются вдалеке от многолюдных центров. Остается ждать.

Итак, в лучшем случае историю трудно осознать; в худшем – невозможно, поскольку она представляет собой безжизненное нагромождение сомнительных сведений. Оживает она лишь в словах очевидцев, но только один из них своими глазами видел все двадцать три столетия кризиса и Расселения. Согласно теории вероятности, можно предположить, что где-то живет человек в полтора раза старше возрастом, но и математика, и история утверждают, что, кроме него, людей, родившихся в двадцатом столетии, в настоящем не существует⁴.

---

³ *Калькулятор Либби* – герой рассказа Р. Хайнлайна «Неудачник», назван в честь Эндрю Джексона (1767–1845), генерала и седьмого президента США (1829–1837), который заслужил в народе прозвище «Старый Гикори», что на русский язык можно перевести (не буквально, но по смыслу) двояко – и как «Старый Дуб», и как «Старая Дубина»; происхождением своим прозвище это, говорят, было обязано консервативным взглядам и упрямому характеру президента.

⁴ Когда члены Семейства Говарда захватили звездолет «Новый фронтир», мало кому из них было больше одного с четвертью столетия; все из этой малой горстки, кроме Старейшего, уже умерли – места и даты их смерти известны. (Я исключаю странный и, по-видимому, мифический случай «жизни и смерти», происшедший со Старейшей Мэри Сперлинг.) Несмотря на генетическое преимущество и использование продлевающих жизнь методов, известных ныне как «комплекс бессмертия», последний из них умер в 3003 году по григорианскому календарю. Судя по записям, причиной смерти в основном был отказ от очередной процедуры омоложения. В современной статистике эта причина занимает второе место. – *Джс. Ф. 45-й.*

Кто-то, возможно, и усомнится в том, что этот «Старейший» действительно тот самый член Семейств Говарда, который родился в 1912 году и под именем Лазаруса Лонга увел Семейство из Старого отечества в 2136 году и так далее, – на том основании, что все древние методы идентификации (отпечатки пальцев, рисунок сетчатки и прочие) теперь можно подделать. Это, конечно, так, но для своего времени эти методы были вполне надежны. Фонд Говарда имел особые причины пользоваться ими с осторожностью: так что «Вудро Уилсон Смит», рождение которого Фонд зарегистрировал в 1912 году, вне сомнения, является «Лазарусом Лонгом» 2136 и 2210 годов. Прежде чем старые методики утратили свою надежность, их результаты были подтверждены современными, абсолютно надежными тестами, основывавшимися поначалу на использовании клонированных трансплантатов, а потом на абсолютно точной идентификации по генетическому профилю. (Интересно отметить, что три столетия назад здесь, на Секундусе, объявился самозванец, которому пересадили сердце из клонированного псевдотела Старейшего, но оно убило дураковатого претендента.) И тот Старейший, слова которого я привожу здесь, обладает генетическим профилем, идентичным тому, что установлен по образцам мускульной ткани, которые были взяты у «Лазаруса Лонга» доктором Гордоном Харди на звездолете «Новый фронтир» примерно в 2145 году и сохранены им в культуре для исследований феномена долголетия. Q. E. D.⁵

Что он за человек? Судите об этом сами. Сокращая его мемуары до удобочитаемого объема, я опустил многие вполне достоверные исторические инциденты (исходную информацию ученые могут получить в архивах), но сохранил заведомую ложь и маловероятные факты, основываясь на том, что ложь, исходящая из уст человека, характеризует его в большей степени, чем правда.

Вне всяких сомнений, человек этот – варвар и мошенник по меркам цивилизованного общества.

Но не детям судить своих родителей. Качества, которые сделали его тем, кем он стал, – как раз из тех, что позволяют выжить в джунглях и на границах цивилизации. Не будем же забывать своего долга перед ним – генетического и исторического.

Чтобы понять, в чем состоит наш исторический долг перед ним, необходимо обратиться к древней истории – как к преданию или мифам, так и к фактам, таким же непреложным, как убийство Юлия Цезаря. Фонд Семейств Говарда был учрежден согласно завещанию Айры Говарда, скончавшегося в 1873 году. Он завещал попечителям Фонда использовать его средства для «продления человеческой жизни». Таков факт.

Предание же утверждает, что причиной учреждения Фонда послужило недовольство Говарда собственной судьбой, когда он обнаружил, что умирает от старости в сорок лет. В возрасте сорока восьми лет он скончался, будучи холостяком и не оставив потомства. Так что никто из нас не несет в себе его гены, бессмертны лишь его имя и его идея – идея о том, что смерть можно преодолеть.

В те времена смерть в сорок восемь лет не была чем-то особенным. Хотите верьте, хотите нет, но средняя продолжительность жизни тогда составляла около тридцати пяти лет! Но умирали не от старости. Причиной смерти были болезни, голод, несчастные случаи, убийства, войны, роды и прочие неприятности, которые сокращали жизнь большинства людей задолго до того, как они начинали стареть. Но всякий, кому удавалось избежать этих бед, мог рассчитывать на смерть от старости в возрасте от семидесяти пяти лет до ста. Через столетний рубеж переваливали немногие, тем не менее в каждой группе населения имелись свои крошечные меньшинства «долгожителей». Существует легенда о Старом Томе Парре, скончавшемся в 1635 году предположительно в возрасте ста пятидесяти двух лет. Верна эта легенда или нет

---

⁵ Q. E. D. – Quod erat demonstrandum – что и требовалось доказать (*лат.*).

– неизвестно, но анализ демографических данных той эпохи свидетельствует: действительно некоторые индивидуумы проживали по полтора века. Но их было немного.

Фонд начал свою работу с донаучных селекционных экспериментов; о генетике тогда ничего не знали, а просто всячески поощряли браки между потомственными долгожителями. В качестве поощрения использовались деньги Фонда.

Понятно, что такое поощрение отлично срабатывало. Так же понятно, что такие эксперименты приносили результаты. Ведь это был эмпирический метод, которым животноводы пользовались не одно столетие до появления генетики: положительные характеристики усиливались скрещиванием, неудачные варианты отсеивались.

В архивах Семейств отсутствуют сведения о том, как на ранних этапах отбраковывались неудачники; в них просто указывается, что некоторых со всеми их потомками, всеми корнями и ветвями исключали из числа Семейств за непростительный грех – смерть от старости в слишком юном возрасте.

Ко времени кризиса 2136 года средняя продолжительность жизни членов Семейств Говарда составляла полтора века, а некоторые даже пережили этот возраст. Причина кризиса ныне кажется нам невероятной, но ее подтверждают как записи, сохранившиеся в Семействах, так и сторонние источники. Угроза Семействам Говарда исходила от прочего человечества – только потому, что они жили слишком «долго». Почему так случилось, пусть решают психологи, а не хранитель архива – но в причине усомниться нельзя. Их схватили и поместили в концентрационный лагерь, чтобы пытками вырвать «секрет вечной молодости» – или замучить до смерти. Это факт – а не миф.

И тогда на арене появился Старейший. Дерзость, умение убедительно лгать и, как сказали бы сегодняшние люди, детская склонность к приключениям ради приключений помогли ему осуществить величайший побег из тюрьмы из когда-либо известных. Похитив древний звездолет, он бежал из Солнечной системы со всеми членами Семейств Говарда – тогда их было около 100 000 мужчин, женщин и детей.

Если вы считаете подобное невозможным, вспомните – первые звездные корабли были намного больше тех, которыми мы пользуемся ныне. Это были самодостаточные искусственные мирки, способные провести в космосе много лет: они передвигались со скоростью меньше световой и не могли не быть огромными.

Старейший был не единственным героем этого Исхода. Но все зачастую противоречивые и разнородные источники сходятся в одном: движущей силой был именно он. Он был нашим Моисеем, который вывел свой народ из рабства. Он привел его обратно – три четверти столетия спустя, в 2210 году, но уже не в рабство. Дата эта, первый год стандартного галактического календаря, отмечает начало Великого расселения, вызванного огромным популяционным давлением в Старом отечестве, а также ставшего возможным в результате двух открытий: парадвигателя Либби – Шеффилда (это не двигатель в истинном смысле слова, а средство, позволяющее манипулировать с n -мерными пространствами), а также первого (и простейшего) из эффективных методов продления жизни – с помощью искусственной крови.

Первопричиной этих открытий послужило бегство Семейств Говарда. Маложивущие жители Земли, полагая, что долгожители-беглецы унесли с собой некий секрет, попытались самостоятельно решить проблему путем широкомасштабных и систематических исследований; и усердие, как это всегда бывает, оказалось вознагражденным по-царски. Не вымышленным «секретом», но ценностью не меньшей. Была создана методика, постепенно превратившаяся в систему методик продления жизни и сохранения энергии, активности и способности к продолжению рода.

Так Великое расселение сразу сделалось и возможным, и необходимым.

В числе главных талантов Старейшего (помимо умения лгать быстро и убедительно) с давних времен числилась редкая способность предвидеть перспективу любой ситуации, а

потом использовать ее в собственных интересах. (Сам он говорит так: «Вы должны чувствовать, зачем прыгает лягушка».) Изучавшие его психометристы утверждают, что Старейший наделен огромными пси-способностями, которые выражаются в «умении предвидеть» и «везении», но он сам отзывается о исследователях значительно менее лестно. (Как архивариус я воздержусь от личного мнения.) Старейший сразу подметил, что «вечная молодость», обещанная всем и каждому, неминуемо достанется лишь власти имущим и их прихвостням. А миллиарды илотов не смогут себе позволить жить больше обычной продолжительности; на Земле для них не было места, пока человечество не устремилось к звездам, где каждый мог найти себе уголок и жить столько, сколько заблагорассудится. Не всегда ясно, как Старейший пользовался этой возможностью: похоже, что он время от времени менял имена и лица. Принадлежавшие ему корпорации находились под контролем Фонда, а потом были ликвидированы, чтобы обеспечить перемещение Фонда и Семейств Говарда на Секундус, но, по собственному его утверждению, он приберег «лучшие объекты недвижимости» для своих родственников и потомков. Шестьдесят восемь процентов говардианцев, живших в те времена, отправились к новым горизонтам.

Наш генетический долг перед Старейшим делится на прямой и косвенный. Косвенный долг заключается в том, что миграция – это механизм селекции, принудительного дарвиновского отбора, при котором лучшая часть отправляется к звездам, а выбраковка остается дома и умирает. Это верно даже тогда, когда перемещение производится насильственно (как было в двадцать четвертом и двадцать пятом столетиях), только в этом случае отбор производился уже на новой планете. Там, на неосвоенных просторах, слабаки и неудачники вымерли, выжили лишь крепкие. Даже те, кто мигрирует добровольно, проходят этот жесткий вторичный отбор. Семейства Говарда прошли его три раза.

Наш прямой генетический долг перед Старейшим доказать еще проще, с помощью простой арифметики. Если вы обитаете где угодно, кроме Старого отечества Древней Земли – а в этом трудно сомневаться, учитывая жалкое нынешнее состояние «прохладных зеленых холмов Земли», – и можете назвать среди своих предков кого-нибудь из членов Семейств Говарда – это может сделать почти любой, – значит, скорее всего, вы произошли от Старейшего.

Согласно официальной генеалогии Семейств эта вероятность составляет 87,3 %. Конечно же, среди ваших предков числятся и другие члены Семейств Говарда, родившиеся в двадцатом столетии. Но я веду речь лишь о Вудро Уилсоне Смите, Старейшем. Ко времени кризиса 2136 года почти десятая часть молодого поколения Семейств Говарда «законным» образом вела свой род от Старейшего, то есть родственные связи были отражены в анналах Семейств и биологически подтверждены известными в те времена методами. (В то время, когда начались эксперименты с брачными парами, не было известно даже деление крови на группы, но процесс отбраковки весьма повлиял на женскую способность не сходить с пути истинного – по крайней мере, не выходить за пределы круга Семейств.)

Сейчас, как я уже сказал, сия вероятность близка к восьмидесяти семи целым и трем десятым процента, если у вас есть какой-то говардовский предок, но, если этот родич принадлежит к одному из недавних поколений, вероятность возрастает до ста процентов.

Будучи статистиком, я имею причины предполагать (опираясь на результаты компьютерного анализа групп крови, типов волос, цвета глаз, формы зубов, типов энзимов и прочих характеристик, доступных для генетического обобщения, а это весьма веские аргументы): Старейший породил множество потомков, не занесенных в официальные списки, как внутри Семейств, так и за их пределами.

Иначе говоря, бесстыжий старый козел засеял своим семенем весь этот уголок Галактики.

Возьмем хотя бы годы Исхода, после того как он украл «Новый фронтир». Долгие годы Старейший не был женат, и в корабельных журналах и мемуарах того времени встречаются

намеки, что он, как говорили древние, был «мизогинистом» – иначе говоря, женоненавистником.

Может быть, и так. Но биостатистические записи в отличие от генеалогических свидетельствуют о том, что он вовсе не был настолько неприступным. Анализировавший этот вопрос компьютер даже предложил мне пари, утверждая, что за это время наш герой породил более сотни потомков. (Я отказался: этот компьютер постоянно обыгрывает меня в шахматы, даже с форой в одну ладью.) Учитывая почти патологическое стремление к долголетию в те времена, распространившееся среди Семейств, я не нахожу в этом ничего удивительного. И старейший мужчина, сохранивший свои способности – а так оно и было, – конечно же подвергался многочисленным искушениям, женщины стремились родить отпрыска от производителя, доказавшего свое «превосходство». В Семействах Говарда уважали только этот критерий. Можно предположить, что брачные узы при этом во внимание не принимали; все браки внутри Семейств Говарда заключались лишь для удобства – по воле покойного Айры Говарда, – и они редко заключались на всю жизнь. Удивляет другое: как мало репродуктивных женщин сумели воспользоваться его услугами, ведь хотели-то многие тысячи. Но он всегда умел быстро убежать.

Когда сегодня я встречаю человека со светло-рыжей шевелюрой, крупным носом, обезоруживающей открытой улыбкой и жестким взглядом серо-зеленоватых глаз, я всегда начинаю прикидывать, когда Старейший посетил этот уголок Галактики. Если незнакомец приближается ко мне, я всегда инстинктивно хватаюсь за кошелек. А если пытается заговорить – стараюсь не заключать с ним пари и не давать никаких обещаний.

Но как случилось, что Старейший, принадлежавший всего лишь к третьему поколению Семейств Говарда, ухитрился прожить свои первые триста лет без искусственного омоложения?

Конечно же мутация – но слово это обозначает лишь то, что мы ничего не знаем. Хотя во время нескольких циклов омоложения мы кое-что узнали о его внутренних органах. У Старейшего необычно большое сердце, которое бьется чрезвычайно медленно. У него только двадцать восемь зубов, не подверженных кариесу, и, похоже, иммунитет ко всем инфекциям. Операциям он не подвергался – за исключением хирургии при ранениях и процедурах омоложения. Чрезвычайно быстрые рефлексy, но всегда проявляющиеся осмысленно, так что даже приходится усомниться в возможности использования здесь слова «рефлекс». Зрение его никогда не требовало коррекции – ни дальновзоркости, ни близорукости. Слух усваивает частоты необыкновенно низкие и высокие и необычайно острый во всем диапазоне. Может различать индиго-вый цвет. Родился без крайней плоти, без червеобразного отростка и, по-видимому, без совести.

Я рад, что имею такого предка.

*Джастин Фут 45-й,
главный архивариус Фонда Говарда*

Предисловие к исправленному изданию

Приложение к настоящему сокращенному популярному изданию печатается отдельно, дабы здесь можно было наиболее подробно изложить описание жизни Старейшего после того, как он оставил Секундус, и вплоть до его исчезновения. Апокрифический и, очевидно, совершенно невероятный рассказ о последних событиях его жизни печатается по настоянию первого редактора настоящих мемуаров, но его не следует воспринимать всерьез.

*Каролин Бриггс,
главный архивариус*

Примечание. Моя очаровательная и высокоученая преемница не представляет, о чем говорит. Когда речь идет о Старейшем, возможно самое невероятное.

*Джастин Фут 45-й,
почетный главный архивариус*

Прелюдия

I

Дверь в кабинет распахнулась, и человек, мрачно глядевший в окно, обернулся:

– И кто вы, черт побери, такой?

– Я Айра Везерел из Семейства Джонсонов, предок. Исполняющий обязанности председателя собрания Семейств.

– Ждать заставляешь. И не зови меня предком. А почему только исполняющий обязанности? – недовольно прорычал человек в кресле. – Что, председатель слишком занят, чтобы повидаться со мной? Или я не стою его внимания?

При этом он даже не почесался, чтобы встать или предложил гостю присесть.

– Прошу прощения, сэр. Я и есть высшее должностное лицо в Семействах. Но уже довольно давно – несколько столетий – принято использовать термин «исполняющий обязанности председателя»... на случай, если вы вдруг обнаружите желание объявиться и снова занять это место.

– М-да? Смешно. Я не вел собраний попечителей Фонда уже тысячу лет. А «сэр» звучит ничуть не лучше, чем «предок», – так что лучше зови меня по имени. Я послал за тобой два дня назад. Ты что, путешествовал по живописным местам? Или мое право встречаться с председателем уже отменили?

– Я не помню такого правила, Старейший, – должно быть, оно существовало еще до того, как я вступил в должность, но для меня любая встреча с вами – долг, честь и удовольствие. Я рад, что удостоен чести обращаться к вам по имени, только скажите, какое имя вы сейчас носите. Что касается задержки: я получил ваше распоряжение тридцать семь часов назад и посвятил их изучению древнеанглийского, так как мне сообщили, что вы отказываетесь общаться на каком-либо ином языке.

Старейший немного смутился.

– Правильно, я не слишком горазд в здешней тарабарщине – память меня подводит в последнее время. Должно быть, и отвечаю как-то невпопад, даже если понял вопрос. Имя... черт, под каким же именем меня здесь записали? Мм... Вудро Уилсон Смит – так меня в детстве звали. Собственно, долго-то и не пришлось им пользоваться. Думаю, Лазарус Лонг – имя, которое я использовал чаще всего, – вот и зови меня Лазарусом.

– Благодарю вас, Лазарус.

– За что? Не нужно этих дурацких формальностей. Ты же не дитя, а председатель. Сколько тебе? И ты в самом деле выучил мой «молочный» язык, чтобы поговорить со мной? Да еще меньше чем за два дня? С нуля? А мне вот, чтобы освоить новый язык, нужна хотя бы неделя, а потом еще одна, чтобы избавиться от акцента.

– Мне триста семьдесят два года, Лазарус, уже под четыре сотни по земным стандартам. Классический английский я выучил, когда приступил к своей нынешней работе, но в качестве мертвого языка, чтобы в оригинале читать старые записи Семейств. И, получив ваше распоряжение, я всего лишь попрактиковался: поучился говорить и понимать слова на слух. Североамериканский двадцатого столетия, ваш «молочный язык», как вы сказали, – поскольку лингвоанализатор заключил, что вы говорите именно на этом диалекте.

– Умная машина. Наверное, я говорю так, как в детстве; говорят, мозг не в состоянии забыть первый язык. И мой выговор, как и у всех уроженцев кукурузного пояса, похож на визг ржавой пилы... А ты тянешь слова по-техасски, да еще в английско-оксфордской манере. Странно. Я полагал, что машина просто выбирает наиболее близкий вариант из всех заложенных в нее.

– Наверное, так оно и есть, Лазарус, но я не специалист в технике. А вы с трудом меня понимаете?

– Вообще нет. С произношением у тебя все в порядке; оно куда ближе к речи образованного американца, чем тот диалект, который я выучил ребенком. Но я пойму всякого, от австралийца до йоркширца: произношение для меня не проблема. Очень мило с твоей стороны. Душевно.

– Рад слышать. У меня есть некоторые способности к языкам, так что особых хлопот и не было. Стараюсь разговаривать с каждым из попечителей Фонда на его родном языке. И привык быстро осваивать новые варианты.

– Да? Но все равно очень любезно с твоей стороны, а то я уже чувствую себя животным в зоопарке, которого никто не понимает. Эти болваны, – Лазарус кивнул в сторону двух техников, облаченных в защитные костюмы и зеркальные шлемы, они держались в стороне от Лазаруса и его гостя и в разговор не вступали, – английского не знают. С ними не поговоришь. Нет, длинный кое-что понимает, но запросто с ним не поболтаешь. – Лазарус свистнул и ткнул пальцем в высокого. – Эй, ты! Кресло для председателя, быстро!

И жестом подкрепил сказанное. Высокий техник притронулся к пульту управления ближайшего к нему кресла. Оно покатилося, развернулось и остановилось перед Лазарусом. Айра Везерел поблагодарил – Лазаруса, не техника, – уселся и вздохнул, когда кресло, ощутив его присутствие, погрузило гостя в свои мягкие объятия.

– Удобно? – спросил Лазарус.

– Вполне.

– Хочешь перекусить – или выпить? Закурить? Боюсь, тогда тебе придется поработать моим переводчиком.

– Нет, благодарю вас. А вы не хотите что-нибудь заказать?

– Не сейчас. Меня тут кормят, как гуся, один раз даже насильно кормили, черти. Ну, раз все в порядке, приступим к беседе. – Лазарус вдруг взревел: – КАКОГО ЧЕРТА Я ДЕЛАЮ В ЭТОЙ ТЮРЬМЕ?!

– Это не тюрьма, Лазарус, – спокойно ответил Везерел. – Это номер для весьма важных персон в клинике омоложения Говарда, что в Новом Риме.

– А я говорю – тюрьма. Только тараканов не хватает. Это окно – его ломом не разбить. А дверь – открывается на любой голос, кроме *моего*. Пойдешь в сортир – один из этих болванов стоит у тебя над душой. Черт, не знаю даже, мужик передо мной или баба... и это мне тоже не нравится. Готовы на руках держать, когда я делаю пи-пи. Черт знает что!

– Я посмотрю, что можно сделать, Лазарус. Но техников тоже можно понять. Получить травму в ванной комнате можно легко – а они знают, что, если вы получите травму, пусть и не по вине персонала, дежурный техник будет жестоко наказан. Они добровольцы, им хорошо платят. Вот и стараются.

– Значит, я прав – это тюрьма. А если это палата для омоложения... ГДЕ ТОГДА КНОПКА ДЛЯ САМОУБИЙСТВА?!

– Лазарус, «каждый человек имеет право на смерть».

– Да это мои собственные слова! И кнопка должна быть вот здесь. Видишь от нее даже след остался... Итак, я без суда заключен в тюрьму и лишен при этом самого главного права. Почему? Парень, я взбешен. Понимаешь, в каком опасном положении ты оказался? Никогда не дразни старого пса, – может быть, у него хватит сил тяпнуть тебя в последний раз. Да при всей моей старости я ж тебе руки переломлю, пока эти болваны очухаются.

– Ломайте, если это доставит вам удовольствие.

– Да? – Лазарус Лонг призадумался. – Нет, не стоит усилий. Они ведь отремонтируют тебя за тридцать минут. – Он вдруг ухмыльнулся. – Но я вполне способен свернуть тебе шею и разбить череп за то же самое время. С такой травмой они не справятся.

Везерел не шевельнулся и смотрел совершенно спокойно.

– Не сомневаюсь в ваших способностях, – проговорил он. – Но едва ли вы станете убивать одного из своих потомков, не дав ему возможности поторговаться за свою жизнь. Вы, сэр, – мой далекий пращур по семи различным линиям.

Лазарус пожевал губами и с несчастным видом сказал:

– Сынок, у меня столько потомков, что кровное родство уже не имеет значения. Впрочем, ты прав. За всю жизнь я никого не убивал просто так. Вроде бы. – Он опять ухмыльнулся. – Но если мне не вернут ту самую кнопку, я могу сделать исключение – персонально для тебя.

– Лазарус, если хотите, я прикажу немедленно установить ее: но можно сначала сказать десять слов?

– Хм, – недовольно проворчал Лазарус. – Хорошо. Пусть будет десять. Только не одиннадцать.

Помедлив мгновение, Везерел стал загибать пальцы:

– Я-выучил-ваш-язык-чтобы-объяснить-насколько-нуждаюсь-в-вас.

– Десять, все честно, – согласился Лазарус. – Но в них намек на то, что тебе нужно еще пятьдесят. Или пятьсот. Или пять тысяч.

– Или ни одного, – добавил Везерел. – Вы можете получить свою кнопку без всяких объяснений. Обещаю вам.

– Тьфу! Айра, старый пройдоха, ты сейчас действительно убедил меня, что мы с тобой родственники. Ты прекрасно знаешь, что я не покончу с собой, не узнав, что у тебя на уме... тем более что ты выучил мертвый язык для одного короткого разговора. Хорошо, говори. И первым делом объясни, что я здесь делаю. Я знаю – знаю! – что никакого омоложения не заказывал. Но, проснувшись, я обнаруживаю, что дело наполовину сделано. И тогда я зову председателя. Итак, зачем я здесь?

– Может быть, мы вернемся чуточку назад? И вы объясните мне, чем занимались в той ночлежке в трущобах старого города?

– Что я там делал?! Я там *умирал*. Спокойно и благопристойно, как загнанный конь. Пока твои зануды не схватили меня. Или ты думаешь, что для этого можно найти лучшее место, чем ночлежка, если человек не желает, чтобы его тревожили? Заплатил им вперед – и они тебя не трогают. О, они стянули все, что у меня было, даже ботинки. Но я ожидал этого: окажись я на их месте, точно так же поступил бы в подобных обстоятельствах. А обитатели ночлежек обычно добры к тем, кому приходится хуже, чем им самим, – там всякий подаст напиток больному. Вот чего я хотел – остаться в одиночестве и свести все счета по-своему. Так и было, пока не явились твои топтуны. Скажи, как они меня разыскали?

– Лазарус, меня удивляет не то, что мои спецфорс... как это называется, «копы»? Да, «копы» – что мои копы нашли вас, а то, что они потратили столько времени на поиски, идентификацию и задержание. За это начальник отдела вылетел с работы. Я не терплю неумех.

– Значит, ты его выгнал? Дело твое. Но почему? Я же прибыл на Секундус с Окраины и, кажется, не оставил следов. Все так переменилось с тех пор, когда я в последний раз имел дело с Семействами... когда обманом прошел омоложение на Супреме. Значит, теперь Семейства обмениваются информацией и с Супремой?

– Боже мой, Лазарус, нет, конечно, – и вежливым словом не обменялись. Среди членов Фонда существует сильное меньшинство, которое полагает, что, вместо введения эмбарго, Супрему следует попросту уничтожить.

– Что ж... если звездная бомба⁶ поразит Супрему, скорбь моя дольше тридцати секунд не продлится. Но у меня были причины пройти омоложение именно там, хотя пришлось изрядно переплатить за ускоренное клонирование. Но это совсем другая история. Так как же, сынок, вы меня обнаружили?

---

⁶ Звездная бомба — бомба, основанная на эффекте «новой» (см. повесть «Бездна»). – Примеч. С. В. Голд.

– Сэр, приказ всеми силами разыскать вас уже семьдесят лет исполняется не только здесь, но и на каждой планете, где Семейства держат свои представительства, а что касается того, как мы это сделали... вы помните прививку от лихорадки Рейбера, которую в обязательном порядке делают всем иммигрантам?

– Помню. Досадный пустяк, не стоило поднимать шума, ведь я знал, что меня ждет ночлежка. Айра, я понимал уже, что умираю. И все было в порядке – я был готов к смерти. Только не хотелось умирать в одиночестве, в космосе. Хотелось слышать человеческие голоса, ощущать запахи тел. Ребячество, конечно. Да и ко времени приземления я был уже достаточно плох.

– Лазарус, лихорадки Рейбера не существует. Если на Секундус прибывает человек, которого не удастся идентифицировать никаким способом, то под видом прививки от «лихорадки Рейбера» или иной несуществующей болезни у него берут образец мышечной ткани, пока в тело вводится стерильный физиологический раствор. Без идентификации генетического профиля вас бы просто не выпустили из космопорта.

– Ах вот как! А что вы делаете, когда прибывает корабль с десятком тысяч иммигрантов?

– Загоняем в карантинные бараки и проверяем. Но теперь при такой скудости матушки Земли это случается не часто. А вы, Лазарус, прибыли один, на частной яхте стоимостью от пятнадцати до двадцати миллионов крон.

– Тридцать.

– ...стоимостью тридцать миллионов крон. Сколько человек в Галактике способны позволить себе такое? А сколько из них предпочитают путешествовать в одиночку? Да в порту все сразу же должны были засуетиться. А они просто взяли у вас образчик тканей и, поверив вам, что вы остановитесь в Ромулус-Хилтоне, отпустили вас... Не сомневаюсь, что до темноты у вас уже были другие документы.

– Безусловно, – подтвердил Лазарус. – А твоим копам следовало бы знать, что подделка документов поставлена на широкую ногу. Если бы я так не устал, сам бы подделал свои документы. Так безопаснее. Значит, на этом я и попался? Ты все выжал из торговца бумажками?

– Нет, мы его так и не нашли. Кстати, не скажете ли, кто он, чтобы...

– А если не скажу? – резко оборвал его Лазарус. – Одним из условий сделки было не закладывать его. И плевать мне на то, сколько ваших правил он там нарушил. Кстати – кто знает? – быть может, придется снова воспользоваться его услугами. Ну если не мне, так кому-то другому, также избегающему внимания твоих шпигов. Айра, я не сомневаюсь, что ты действуешь из лучших побуждений, но мне не нравится любой строй, который требует удостоверений личности. Уж лет сто назад я взял за правило держаться подальше от перенаселенных мест, где требуются такие вещи, и в основном соблюдал его. Надо было и на этот раз не изменять привычке. Но я просто не рассчитывал дотянуть до какого-то там установления личности. Еще дня два – и я бы помер. Наверное. Как ты засек меня?

– С трудом. Узнав, что вы на планете, я все перевернул вверх дном. Тот начальник отдела оказался не единственным пострадавшим. Ты скрылся таким незатейливым способом, что поставил в тупик всех. Мой начальник службы безопасности даже предположил, что вас убили, а тело уничтожили. Я ответил, что если он окажется прав, то может подумать о том, чтобы перебраться на другую планету.

– Быстрее! Я хочу знать, как меня одурачили?

– Я не стал бы употреблять последнего слова, Лазарус, так как вас безуспешно разыскивали все копы и шпики этой планеты. Но я знал, что вы живы. Конечно же, на Секундусе случаются убийства, особенно в Новом Риме. Но все они обычно дела семейные: муж убивает жену – или наоборот. Рост таких преступлений у нас заметно снизился, когда я ввел за них равное наказание и велел проводить казни в Колизее. В любом случае, я не сомневался – человек, проживший две тысячи лет, не даст убить себя в темном переулке. Поэтому я предполо-

жил, что вы живы, и спросил себя: а где бы спрятался ты, Айра, будь ты Лазарусом Лонгом? Я погрузился в глубокую медитацию и начал думать. Потом попытался проследить ваш путь, коль скоро мы обнаружили ваши следы. Кстати... – Исполняющий обязанности отбросил назад накидку, достал большой конверт и протянул Лазарусу. – Эту вещь вы оставили в абонентном ящике в Тресте Гарримана.

Лазарус взял конверт.

– Его вскрывали.

– Это сделал я. Согласен, что поторопился, – но вы адресовали его мне. Я прочел, но никому не показывал. А теперь просто забуду о нем. Хочу лишь сказать: меня не удивило то, что вы завещали свое состояние Семействам... но я весьма тронут тем, что яхту вы оставили лично председателю. Чудесный кораблик, Лазарус, и мне даже чуть-чуть хочется им обладать, но не настолько, чтобы стремиться поскорее унаследовать его от вас. Но я собирался объяснить, почему мы так нуждаемся в вас, – и позволил себе уклониться от темы.

– Айра, я не спешу. А ты?

– Я? Сэр, у меня не может быть обязанности более важной, чем беседа со Старейшим. К тому же мои сотрудники управляют этой планетой куда более эффективно, если я не опекаю их слишком плотно.

Лазарус кивнул.

– Так поступал и я, когда позволял вовлечь себя в дела. Прими на себя весь груз, а потом по возможности быстро перераспусти его между сотрудниками. Как сейчас обстоят дела с демократами? Много хлопот доставляют?

– С демократами? О, вы, должно быть, имеете в виду уравнителей. Я было подумал, что вы говорите о церкви Святого Демократа. Церковь мы оставили в покое, они нам не мешают. Но движение уравнителей проявляется каждые несколько лет и всякий раз под новыми названиями: партия свободы, Лига угнетенных – но от названий ничего не меняется, потому что они неизменно требуют изгнать негодяев, начиная с меня, и посадить на освободившиеся места своих негодяев. Мы с ними не связываемся, только следим, а как-нибудь под утро берем главарей вместе с семьями и высылаем. Депортируем. «Жить на Секундусе – привилегия, а не право».

– Ты цитируешь меня.

– Совершенно верно. Это ваши слова из договора, согласно которому Секундус передается Фонду. В нем говорится, что на этой планете не будет никакой системы управления, кроме законов, которые действующий председатель сочтет необходимыми для поддержания порядка. Мы выполнили свое соглашение с вами, Старейший. Сейчас я здесь единственный босс до тех пор, пока попечителям не захочется меня сместить.

– Да, так я и задумывал, – согласился Лазарус. – Но, сынок, дело, конечно, твое, и сам я на это место больше не сяду – но я сомневаюсь, что следует избавляться от всех смутьянов. Чтобы испечь булку, нужны дрожжи. Общество, освободившееся от своих бузотеров, непременно начинает катиться под гору. Это овцы. В лучшем случае – покорные строители пирамид, в худшем – выродившиеся дикари. Не исключено, что ты таким образом избавляешься от созидателей – от творческой десятой доли процента. От дрожжей.

– Боюсь, что вы правы, Старейший, и это одна из причин, почему вы так нужны нам.

– Я же сказал – я не вернусь!

– Не угодно ли выслушать меня до конца, сэр? Мы не собираемся просить вас об этом, хотя по древнему обычаю сие право, безусловно, принадлежит вам – если только вы захотите. Но я мог бы воспользоваться вашими советами...

– Я не даю советов – люди никогда им не следуют.

– Очень жаль. Меня устроила бы просто возможность поговорить о своих проблемах с человеком более опытным, чем я. А что касается смутьянов... Мы же не истребляем их,

как прежде, – все они в основном живы. Изгнать человека на другую планету – способ более надежный, чем казнить его по обвинению в предательстве; таким образом избавляешься от бузотера, не озлобляя его соседей. В то же время мы не теряем его... их... все они ссылаются на одну и ту же планету... ее мы окрестили Счастливой. Слышали о ней?

– Не под этим названием.

– Я полагаю, на нее можно натолкнуться только случайно, сведения о ней мы держим в тайне, сэр, чтобы не потерять возможность использовать ее в качестве Ботани Бэй⁷. Планетка не так хороша, как следует из названия, но в целом напоминает Землю-матушку – до того как человечество погубило ее, – или же Секундус – когда мы здесь обосновались. Условия там достаточно суровые, чтобы испытать людей и избавиться от слабаков, но и достаточно мягкие, чтобы прокормить семью, если хватит сил и мужества.

– Похоже, неплохое местечко. Быть может, за него стоит держаться. Туземцы есть?

– Протодоминирующая раса представляла собой свирепых дикарей, если они еще уцелели. Не знаю, мы даже не учредили там разведывательной службы. У туземцев не хватило ума, чтобы принять цивилизацию, и кротости – чтобы смириться с рабством. Быть может, они могли бы эволюционировать дальше и достичь кое-каких успехов, но им не повезло – с *Homo Sapiens* они встретились чересчур рано. Но эксперимент наш состоит не в этом. Депортируемые, конечно, победят в таком соревновании – не с пустыми же руками мы их туда посылаем. Дело в том, Лазарус, что эти люди полагают, что они сумеют создать идеальное правительство с помощью мажоритарного принципа⁸.

Лазарус фыркнул.

– Возможно, они действительно сумеют, сэр, – настаивал Везерел. – Я не могу утверждать обратное. В этом и заключается суть эксперимента.

– Сынок, ты что – дурак? Да нет, конечно, нет, иначе попечители уже освободили бы тебя от этой должности. Но... сколько, ты говоришь, тебе лет?

– Сэр, я моложе вас на девятнадцать столетий, – невозмутимо ответил Везерел, – и не стану ни в чем оспаривать ваше мнение. Но мой личный опыт не позволяет мне заранее утверждать, что эксперимент не удастся: я ни разу в жизни не видел демократического правительства, даже на других планетах, а их я посетил немало. Я только читал о них. И на основании прочитанного мог заключить, что подобные правительства никогда прежде не создавались народом, искренне верящим в демократическую теорию. Поэтому я не знаю, что у них получится.

– Гм. – Лазарус казался разочарованным. – Айра, я собирался запихнуть тебе в глотку все свои знания о таких правительствах. Но ты прав: здесь ситуация новая – и мы не знаем, чем она разрешится. О, конечно, у меня есть определенные и достаточно обоснованные предположения – но тысяча мнений не стоит единственного опыта. Это доказал еще Галилей, и у нас нет причин сомневаться. Мм... все так называемые демократии, с которыми мне приходилось встречаться или слышать о них, были учреждены либо свыше, либо же сам плебс потихоньку начинал соображать, что голосованием можно добиться для себя и хлеба, и зрелищ – правда ненадолго, ибо такие системы обычно рушатся. Извини, но я не могу предвидеть исхода твоего эксперимента. Я подозреваю, что из этого получится самая суровая тирания, какую только можно себе представить; мажоритарная система предоставляет сильным бессовестным личностям прекрасную возможность для угнетения ближних. Впрочем, не знаю. А сам ты как думаешь?

– Компьютеры утверждают...

---

⁷ *Ботани Бэй* – место ссылки английских каторжников в Австралии в XVIII–XIX веках.

⁸ *Мажоритарный принцип* – власть, основанная на воле большинства. – *Примеч. С. В. Голд.*

– Не слушай компьютеры, Айра; самая сложная машина, которую способен построить человеческий разум, несет в себе все его ограничения. Всякий, кто этого не понимает, забывает о Втором законе термодинамики. Меня интересует твое собственное мнение.

– Сэр, я не могу сформировать свое мнение, у меня не хватает данных.

Лазарус хрюкнул.

– Сынок, ты начинаешь стареть. Чтобы чего-то достичь, да просто чтобы долго прожить, человек должен угадывать, и угадывать правильно... снова и снова, даже не имея достаточных данных для логического решения. Ты, кажется, рассказывал мне, как сумел меня обнаружить.

– Да, сэр. Документ этот, то есть ваше завещание, дал мне понять, что вы намерены умереть. Тогда, – помедлив, Везерел криво усмехнулся, – мне не пришлось «правильно угадывать, не имея достаточных данных». Два дня у нас ушло на поиски магазина, где вы купили одежду – чтобы понизить свой общественный статус и обрести здешний облик. Думаю, что поддельные документы вы купили как раз после этого.

Он сделал паузу. Лазарус молчал, и Везерел продолжил:

– Еще полдня ушло на то, чтобы разыскать магазин, где вы снизили свой статус еще больше и, похоже, перестарались: торговец помнил, что деньги у вас были. А еще он вас запомнил потому, что поношенную одежду вы выбрали такую, что и новой-то она была бы хуже того, что было надето на вас. О, разумеется, он притворился, что принял вашу историю – дескать, для маскарада, – и закрыл рот на замок. Кстати, в его лавке сбывается краденое.

– Верно, – признал Лазарус. – Я постарался убедиться в этом, прежде чем войти в магазин. Но ты сказал, чтобы он держал рот на замке?

– Пока мы не освежили его память. У барыги свои сложности, Лазарус: ему нужно иметь постоянный адрес. Иногда это вынуждает их быть честными.

– Да, я не осуждаю доброго дядюшку. Вина здесь моя, я допустил промах. Я устал, Айра, да и возраст давал о себе знать – вот я и расслабился. Еще сотню лет назад я подошел бы к проблеме более творчески – я всегда знал, что куда сложнее убедительным образом понизить свой статус, нежели возвысить его.

– Думаю, вам нечего стыдиться проделанной работы, вы подошли к ней достаточно творчески, Старейший, ведь вы водили нас за нос почти три месяца.

– Сынок, этот мир не ценит лучших намерений. Продолжай.

– А потом мы применили грубую силу, Лазарус. Лавка эта находится в самой бедной части города. Мы оцепили весь район и нагнали туда тысячу человек. Долго трудиться не пришлось: вас нашли в третьем клоповнике. Я сам обнаружил вас, потому что был в одном из отрядов. Потом генетический профиль подтвердил вашу личность. – Айра Везерел чуть заметно улыбнулся. – Но новую кровь мы начали вливать в ваши жилы еще до того, как генетический анализатор выдал результаты. Вы были в очень плохом состоянии, сэр.

– Какое там, к черту, «плохое состояние» – я умирал, занимался своим собственным делом. Пример, достойный подражания, Айра. Ты понимаешь, какую грязную штуку со мной сотворил? Человеку не полагается умирать дважды, а я уже прошел все самое худшее и был готов к концу. И тут влезаешь ты. Мне еще не приходилось слышать, чтобы кого-нибудь подвергали омоложению насильно. Если бы я знал, что ты здесь переиграл все правила, я бы и близко не подошел к этой планете. Теперь мне придется все повторить заново: либо с помощью этой кнопки – а я всегда презирал идею самоубийства, – либо естественным путем. На это теперь потребуется много времени. Как там с моей старой кровью? Сохранили?

– Я выясню это у директора клиники, сэр.

– Ох! Это не ответ, и не пытайся мне лгать. Айра, ты ставишь меня перед дилеммой. Даже без полной обработки я чувствую себя много лучше, чем за последние сорок лет или даже больше... А значит, мне опять придется долгие годы влачить это скучнейшее существование или же нажать эту кнопку, когда тело перестанет протестовать. Негодяй, по какому праву

ты вмешался в... хотя, нет, права-то у тебя есть. Какие этические принципы заставили тебя помешать мне умереть?

– Потому что вы нужны нам, сэр.

– Это чисто прагматическая причина, к этике не имеющая отношения. Потребность в этом не была взаимной.

– Старейший, я внимательнейшим образом изучил вашу жизнь, насколько это возможно было сделать по архивным материалам. Похоже, вам часто случалось руководствоваться прагматическими причинами.

Лазарус ухмыльнулся.

– Ну точно – мой мальчик. Я-то уже гадал, хватит ли у тебя нахальства, подобно какому-то проповеднику, ткнуть меня носом в высокий моральный принцип. Я не верю людям, говорящим об этике, когда они собираются обчистить мои карманы. Но с теми, кто действует в собственных интересах и признает это, я обычно мог договориться.

– Лазарус, если вы позволите нам завершить процедуру омоложения, вам снова захочется жить. Вы это сами знаете – ведь не в первый раз находитесь в подобной клинике.

– С какой целью, сэр, спрошу я вас. У меня было две тысячи лет, чтобы все тут пере-пробовать. Я видел столько планет, что они смешались у меня в памяти. У меня было столько жен, что я забыл их имена. «А под последнюю посадку, судьба, мне шарик мой пошли...» – черт, даже это не для меня, ибо моя родная зеленая планета состарилась больше меня самого, возвращаться туда – горе, слезы, и ни капли радости. Нет, сынок, несмотря на все омоложения, рано или поздно наступает время, когда остается одно: выключить свет – и на покой. А ты, черт бы тебя побрал, лишил меня и этого права!

– Мне жаль... Нет, мне не жаль. Но я прошу прощения.

– Что ж, возможно, ты его получишь. Но не сейчас. Так для какого же дела я тебе понадобился? Я понял, что оно не связано с этими депортированными смутьянами.

– Безусловно, они не заставили бы меня нарушить ваше право на смерть, с ними я управляюсь – так или иначе. Я полагаю, что Секундус становится слишком перенаселенным и слишком цивилизованным...

– Айра, я в этом не сомневаюсь.

– И поэтому я считаю, что Семействам следует снова переселиться.

– Согласен, хотя лично мне до этого нет дела. Есть одно простое правило: когда на планете появляются миллионные города, население ее приближается к критической массе. Через пару столетий тут будет невозможно жить. Ты уже подыскал планету? И думаешь, что попечители согласятся? А Семейства последуют за попечителями?

– «Да» – по первому вопросу, «может быть» – по второму, и «вероятно, нет» – по третьему. Я подыскал планету. Называется Терциус⁹. Она не хуже, а может быть, и получше Секундуса. Я полагаю, что многие из попечителей согласятся с моими аргументами, но не уверен во всеобщей поддержке, которой требует подобное мероприятие: жить на Секундусе так удобно, что большинство людей не способны увидеть в этом неминуемую опасность. Что же касается Семейств – нет, едва ли мы сумеем переубедить большинство из них сняться с места... Но хватит и нескольких сотен тысяч. Отряд Гедеона...¹⁰ Вы следите за моей мыслью?

– Опережаю ее. Миграция всегда способствует селекции и улучшению. Все элементарно. Если они согласятся. Если Айра, я потратил чертову пропасть времени, объясняя эту идею Семействам, когда мы перебрались сюда в двадцать третьем веке. И так и не справился бы, не

---

⁹ Названия планет взяты из списка порядковых числительных на латыни: первый – примус, второй – секундус, третий – терциус... – *Примеч. С. В. Голд.*

¹⁰ *Гедеон* – библейский герой, с маленьким отрядом победивший многочисленных врагов (см. Книга Судей, гл. 6–8). Так же называлось подразделение, отправленное Корпусом времени в 1941 год для предотвращения падения Британии (см. «Уплыть за закат», гл. 27). – *Примеч. С. В. Голд.*

превратись Земля к тому времени в довольно гнусное место. Желаю удачи – она тебе потребуется.

– Лазарус, я не жду успеха. Я просто хочу попробовать. А в случае неудачи уйду в отставку и эмигрирую. На Терциус, если удастся сколотить группу, достаточную для создания жизнеспособной колонии; если нет – на любую малонаселенную планету.

– Айра, ты действительно решился на это? Или же, когда придет время, начнешь водить себя самого за нос – дело, мол, прежде всего? Если у человека есть желание властвовать – а без него ты бы не занял это место, – уйти в отставку непросто.

– Я решился, Лазарус. Конечно, я люблю распоряжаться и знаю об этом. Я надеюсь возглавить третий Исход Семейств, но не очень рассчитываю на это. Полагаю, что сумею подобрать подходящий контингент для создания жизнеспособной колонии – молодежь лет по сто, не старше двухсот – и без помощи Фонда. Но если и тут меня постигнет неудача, – он пожал плечами, – мне остается только эмиграция, Секундусу больше нечего предложить мне. В чем-то я могу вас понять, сэр. Я не намереваюсь всю свою жизнь быть исполняющим обязанности. Я и так уже сотню лет занимаю эту должность. Хватит.

Лазарус молчал и, казалось, думал. Везерел ждал.

– Айра, установи здесь эту кнопку. Только завтра, не сегодня.

– Да, сэр.

– А ты не хочешь узнать зачем? – Лазарус взял большой конверт со своим завещанием. – Если ты убедишь меня, что собираешься эмигрировать – в ад, под воду, куда угодно, и не оглядываясь на попечителей, – я хочу переписать это. Мои вложения и наличность – если никто не спер их, пока я ими не занимался, – могут изменить ситуацию. Возможно, их будет достаточно, чтобы стимулировать миграцию. Если попечители не поддержат ее. А они не сделают этого.

Везерел не ответил. Лазарус свирепо взглянул на него.

– Тебя мама не научила говорить «спасибо»?

– За что, Лазарус? За то, что вы отпишете мне после смерти ненужный вам капитал? Если вы поступите так, то ради собственного тщеславия, а не потому что хотите доставить мне удовольствие.

Лазарус ухмыльнулся.

– Да, черт побери. Я хотел бы, чтобы планету назвали моим именем. А как еще я могу обеспечить соблюдение этого требования? Хорошо, мы друг друга поняли. И я думаю... Ты уважаешь хорошую технику?

– А? Да. Настолько же, насколько презираю машины, которые не делают то, ради чего их, по идее, создали.

– Мы по-прежнему понимаем друг друга. Я полагаю, что могу завещать «Дору» – мою яхту – лично тебе, а не исполняющему обязанности председателю, если ты запустишь миграцию.

– Ах, Лазарус, вы заставляете меня благодарить.

– Не стоит. Лучше будь добр с ней. Хороший кораблик, она ничего не видела, кроме добра. Из нее получится хороший флагман. После небольшого переоборудования – это можно сделать через бортовой компьютер – она сможет принять на борт человек двадцать или тридцать. В ней можно садиться на планеты, производить разведку и вновь стартовать – твои транспорты наверняка не способны на это.

– Лазарус... мне не нужны ни ваши деньги, ни яхта. Позвольте им закончить омоложение и собирайтесь с нами. Я отойду в сторону, вы станете боссом. Или же – если хотите – не будете иметь никаких обязанностей, но присоединяйтесь!

Лазарус мрачно усмехнулся и покачал головой.

– Если не считать Секундуса, я участвовал в колонизации шести девственных планет. Причем открытых мною же. Но уже несколько столетий назад забросил и это дело. Со временем

надоедает совершенно все. Или ты думаешь, что Соломон обслуживал всю тысячу своих жен? Что же тогда досталось последней? Бедная девочка! Придумай для меня нечто совершенно новое – и я не прикоснусь к этой кнопке и отдам все, что у меня есть, для твоей колонии. Вот это будет честный обмен. А это половинное омоложение меня не устраивает: и помереть не можешь, и чувствуешь себя плохо. Я застрял на полпути между кнопкой и полной обработкой. Я похож на осла, который сдох от голода между двумя охапками сена. Но только это должно быть нечто действительно новое, Айра, такое, чего я еще не делал. Как та старая шлюха, я слишком часто поднимался по этой лестнице – ноги болят.

– Я обдумаю эту проблему, Лазарус. Самым тщательным и систематическим образом.

– Ставлю семь против двух, что тебе не удастся найти такое, чего мне не приводилось уже делать.

– Я постараюсь. А вы не воспользуетесь кнопкой, пока я буду думать?

– Не обещаю. Но в любом случае сначала я изменю завещание. Ты доверяешь председателю местного суда? Может понадобится кое-какая помощь... Это завещание, – он постучал по конверту, – согласно которому все отойдет Семействам на Секундусе, останется законным, сколько бы в нем ни было недостатков. Но если я оставлю состояние каким-то конкретным лицам, тебе например, некоторые из моих потомков – а ты понимаешь, их сущая горстка – немедленно поднимут вой и попытаются оспорить его под любым предлогом. Они продержат завещание в суде, Айра, пока все состояние не уйдет на издержки. Давай-ка попробуем избежать этого, а?

– Это можно. Я изменил правила. На нашей планете человек перед смертью имеет право отдать завещание на апробацию, и в случае наличия сомнительных мест суд обязан помочь клиенту сформулировать их так, чтобы завещание наиболее полно отвечало целям. После выполнения подобной операции суд не принимает протестов, а завещание автоматически вступает в силу после смерти завещателя. Конечно же, если он изменит текст – новый документ должен также подвергнуться апробации, так что изменять завещание – дело накладное. Зато теперь нам не нужны адвокаты, чтобы составить завещание, даже в самых сложных случаях. И тем более они не нужны после этого.

Глаза Лазаруса округлились от удовольствия.

– А ты не огорчил горсточку адвокатов?

– Я успел огорчить столько, – сухо ответил Айра, – что на каждом транспорте, улетавшем на Счастливую, было полно добровольных эмигрантов. Что же касается юристов, то многие из них огорчили *меня* настолько, что отправились в эмиграцию не по своей воле. – Исполняющий обязанности кисло усмехнулся. – Пришлось однажды даже сказать верховному судье: «Уоррен, мне пришлось отменить чересчур много ваших решений. Вы занимались казуистикой, неправильно толковали законы, игнорировали право справедливости с тех пор, как заняли это место. Ступайте домой. Вы будете находиться под домашним арестом до старта „Последнего шанса“. Днем в сопровождении стражи вы можете уладить свои личные дела».

Лазарус хихикнул:

– Надо было повесить. Ты знаешь, чем он занялся? Открыл лавочку на Счастливой и занимается политикой. Если его уже не линчевали.

– Это их проблема, а не моя, Лазарус, я никогда не казню человека за то, что он просто дурак. Но если он еще и несносен, я его высылаю. Если вам необходимо завещание, нет смысла потеть над новым. Вы просто продиктуете его со всеми условиями и пояснениями, какие посчитаете нужными. Потом мы пропустим текст через семантический анализатор, который перескажет все безукоризненным юридическим языком. Если оно удовлетворит вас, можете передать завещание в Верховный суд; если вы захотите, он сам придет к вам – и проведет апробацию. После этого завещание можно оспорить лишь по приказу нового исполняющего обязанности, что я считаю маловероятным, ибо попечители не допускают несолидных людей на это место. –

Везерел помолчал, потом добавил: – Надеюсь, это отнимет у вас достаточно много времени, Лазарус. Мне бы хотелось отыскать для вас нечто новое, способное вновь пробудить интерес к жизни.

– Хорошо, но не тяни. И не заговаривай мне зубы, как Шахерезада. Пусть мне доставят записывающее устройство – скажем, завтра утром.

Везерел хотел что-то сказать, но промолчал. Лазарус впился в него взглядом:

– Наш разговор записывается?

– Да, Лазарус. И звук, и голоизображение всего, что здесь происходит. Но – прошу прощения, сэр! – все материалы идут прямо ко мне на стол и не попадают в архив без моего одобрения. Пока еще ничего туда не попало.

Лазарус пожал плечами:

– Забудем об этом, Айра, я уже много столетий назад понял, что в обществе, многолюдном настолько, что в нем заведены удостоверения личности, не может быть личной свободы. Законы, защищающие частную жизнь, всего лишь гарантируют, что жучки – микрофоны, объективы и прочее – просто более надежно спрятаны. До сих пор я не задумывался об этом, поскольку прекрасно знал, что в подобных местах подслушивают повсюду. И теперь я не обращаю внимания на такие пустяки, если только не приходится заниматься делами, приходящими не по вкусу местным законникам. Тогда я прибегаю к более скрытной тактике.

– Лазарус, эту запись можно стереть. Она предназначена лишь для того, чтобы я мог убедиться: Старейшему было оказано должное внимание – а отвечаю за это я сам.

– Я же сказал – забудем. Но меня удивляет твоя наивность. Человек, занимающий такой пост, не может думать, что запись поступает только к нему. Могу поспорить – на любую сумму, – что она попадает еще в два-три места или даже больше.

– Если вы правы, Лазарус, и я смогу установить это, Счастливая пополнится новыми колонистами, но сначала им придется провести несколько неприятных часов в Колизее.

– Айра, это не важно. Если какой-то болван желает полюбоваться, как старик кряхтит на горшке или принимает ванну, – на здоровье. Ты сам способствуешь такому положению дел, считая, что засекреченная информация предназначена лишь для тебя одного. Службы безопасности всегда шпионят за своими боссами и ничего не могут поделать с собой – этот синдром неразлучен с их работой. Ты обедал? Если у тебя есть время, мне доставило бы удовольствие твое общество.

– Отобедать со Старейшим – честь для меня.

– Оставь это, приятель. Старость – не добродетель, она просто не сразу приходит. Я бы хотел, чтобы ты остался потому, что мне приятно твое общество. Эти двое мне не компания, я даже не уверен в том, что они люди. Может быть, это роботы. К тому же на них напялены водолазные костюмы и блестящие шлемы. Я предпочитаю видеть лицо собеседника.

– Лазарус, это снаряжение полностью изолирует их. Для того, чтобы предохранить вас – не их – от инфекции.

– Какой инфекции? Айра, если меня укусит микроб, он тут же сдохнет. Ладно, если они в комбинезонах, почему ты явился в простой одежде?

– Не совсем, Лазарус. Мне нужно было поговорить с вами с глазу на глаз. Поэтому меня два часа самым тщательным образом обследовали, от макушки до пяток простерилизовали – кожу, волосы, уши, ногти, зубы, нос, горло и так далее, – даже заставили подышать газом, название которого я не знаю. Знаю только то, что он мне не понравился... Одежду мою простерилизовали еще более тщательно. Вместе вон с тем конвертом. Эта палата стерильна и поддерживается в таком состоянии.

– Айра, подобные предосторожности просто излишни. Или, может быть, мой иммунитет сознательно ослабили?

– Нет... или лучше сказать – не думаю. Для этого нет причин, поскольку все трансплантаты, конечно же, изготавливались из вашего собственного клона.

– Значит, это излишне. Если я ничего не подхватил в том клоповнике, почему я должен заразиться здесь? Я вообще ничего не подхватываю. Мне приходилось работать врачом во время эпидемий. Не удивляйся, медицина – одна из пятидесяти моих специальностей. Это было на Ормузде¹¹. Какой-то неведомый мор, заболели все поголовно, двадцать восемь процентов умирало. Только у вашего покорного слуги не было даже насморка. Так что скажи им – нет, ты захочешь сделать это через директора клиники, ибо нарушение субординации нарушает моральный дух, – хотя на кой черт мне беспокоиться о моральном духе этой конторы, куда меня приволокли против моего желания? Ладно, скажи директору: если ему угодно, чтобы за мной ходили няньки, то пусть будут одеты как няньки. Точнее – как люди. Айра, если ты хочешь, чтобы я обнаружил желание сотрудничать с тобой, начнем с того, что и ты проявишь намерение сотрудничать со мной. Иначе я голыми руками скручу им шлемы.

– Лазарус, я переговорю с директором.

– Хорошо, а теперь пообедаем. Но сперва выпьем – а если директор будет возражать, скажи ему, что тогда меня придется кормить силой и еще неизвестно, в чье горло затолкают эту трубку. Я не желаю, чтобы моими вкусами пренебрегали. На этой планете найдется настоящее виски? В прошлый раз, когда я здесь был, не нашлось.

– Здешнее виски лучше не пить, я предпочитаю местное бренди.

– Отлично. Мне бренди с содовой, лучшего не придумаешь. Бренди «Манхэттен», если кто-нибудь еще знает, что это такое.

– Я знаю, старинные напитки мне нравятся, я кое-что узнал о них, когда изучал вашу жизнь.

– Отлично. Тогда закажи нам выпивку и обед, а я послушаю. Посмотрю, сколько слов удастся узнать. Кажется, память возвращается понемногу.

Везерел заговорил с одним из техников, но Лазарус перебил его:

– Сладкого вермута на одну треть бокала, а не на половину.

– Так. Значит, вы меня поняли?

– В основном. Индоевропейские корни, упрощенные синтаксис и грамматика – я начинаю кое-что вспоминать. Черт побери, когда человеку приходится знать столько языков, сколько мне, нетрудно и ошибиться. Но все возвращается понемногу.

Заказ исполнили быстро, можно было подумать, что блюда для Старейшего и исполняющего обязанности председателя подготовили заранее.

Везерел поднял бокал:

– За долгую жизнь!

– Не дай бог, – буркнул Лазарус, пригубил – и скривился. – Тьфу! Кошачья моча. Но алкоголь есть. – Он снова сделал глоток. – А все-таки лучше, когда обжигает язык. Итак, Айра, мы долго проговорили. Так каковы же истинные причины, заставившие тебя лишиться меня заслуженного отдыха?

– Лазарус, нам нужна ваша мудрость.

---

¹¹ Ормузд – планета названа по имени главного божества в пантеоне зороастрийцев, что означает «бог мудрый».

Прелюдия II

Лазарус взглянул на него с ужасом:

– Что ты сказал?

– Я сказал, – повторил Айра Везерел, – что нам нужна ваша мудрость, сэр. Очень нужна.

– А я уж подумал, что попал вновь в один из предсмертных кошмаров. Сынок, ты ошибся дверью. Поищи на той стороне коридора.

Везерел покачал головой:

– Нет, сэр. Конечно, я могу и не употреблять слова «мудрость», если оно вас коробит. Но мы должны изучить ваши познания. Вы более чем в два раза старше следующего за вами по возрасту члена Семейств. Вы упомянули, что изучили более пятидесяти профессий. Вы бывали повсюду, видели больше, чем кто бы то ни было. Безусловно, вы знаете больше любого из нас. Сейчас мы все делаем гораздо лучше, чем две тысячи лет назад, когда вы были молоды. Вы должны знать, почему мы до сих пор совершаем те же самые ошибки, что и наши предки. И для нас будет огромной потерей, если вы поторопите смерть, не успев рассказать нам все, что вы узнали.

Лазарус нахмурился и закусил губу.

– Сынок, к числу тех немногих вещей, которые мне удалось постичь, относится и такой факт – люди редко учатся на чужом опыте. Обычно они учатся – что бывает нечасто – на собственных ошибках.

– Уже одно подобное утверждение стоит многого.

– Гм! Оно ничему не учит и не научит, оно само об этом говорит. Айра, возраст не приносит мудрости. Часто он всего лишь преобразует простую глупость в раздутое тщеславие. Единственное преимущество, которое дает он, – восприятие перемен. Для молодого человека мир – неподвижная, застывшая картинка. Старику же перемены, перемены и перемены так намозолили глаза, что он понимает – мир меняется, картинка движется. Может быть, ему это не нравится – скорее всего, не нравится, как и мне, – но он знает, что мир изменяется, и, таким образом, делает первый шаг, чтобы совладать с ним.

– Могу ли я поместить в открытую запись эти слова?

– Ха! Это не мудрость – это клише. Очевидная истина. С этим не будет спорить и дурак.

– Но ваше имя, Старейший, придаст этим словам больше веса.

– Поступай как знаешь, это просто здравый смысл. И если ты думаешь, что я лицезрел лик Господень, подумай как следует еще раз. Я даже не пробовал разобраться, как работает Вселенная, а тем более не знаю, в чем ее смысл. Чтобы выяснить, как устроен этот мир, нужно встать рядом с ним и поглядеть со стороны. Не изнутри. И ни две тысячи лет, ни двадцать две ничего не дадут. Вот когда человек умрет – он может избавиться от локальной перспективы и увидеть мироздание в целом.

– Значит, вы верите в загробную жизнь?

– Притормози-ка! Я не верю ни во что. Зато кое-что знаю – разные мелочи, а не девять миллиардов имен Бога – по своему опыту. Но веры у меня нет. Вера мешает учиться.

– Вот это нам и нужно, Лазарус, ваши познания – хоть вы и говорите, что это «разные мелочи». Разрешите мне сделать следующее предположение: человек, проживший два тысячелетия, неминуемо должен был многому научиться. Иначе он просто не дожил бы до таких лет. Это неизбежно уже потому, что мы живем много дольше, чем наши предки. Люди умирают в основном насильственным образом. Дорожные происшествия, убийства, звери, спорт, ошибки летчиков... что-то скользкое, подвернувшееся под ногу, – рано или поздно нас что-нибудь достанет. А вы прожили отнюдь не тихую и безмятежную жизнь – совсем наоборот! – и

тем не менее избежали всех опасностей, выпадавших на вашу долю за двадцать три столетия. Как? Нельзя же такое объяснить просто удачей.

– А почему бы и нет? Айра, случаются и самые невероятные вещи, попробуй представить себе нечто более невозможное, чем младенец. Но это правда – я действительно всегда смотрел, куда ставить ноги... и никогда не вступал в схватку, если ее можно было избежать... а когда уклониться не удавалось, я прибегал ко всяким подлым уловкам. Если мне приходилось драться, я всегда желал, чтобы умер мой враг, а не я. Так я поступал. Тут дело не в удаче. Во всяком случае, не только в удаче. – Лазарус задумчиво поморгал. – Я никогда не плевал против ветра. Однажды меня собралась линчевать целая толпа. Я не стал их переубеждать, а просто дал деру, так быстро, как только мог, не останавливаясь, пока между нами не пролегло много миль, и больше туда не возвращался.

– В ваших мемуарах этого нет.

– В моих мемуарах многого не хватает. А вот и жрачка.

Дверь раздвинулась, внутрь въехал обеденный стол на двоих, остановился между расступившимися креслами и начал раскладываться и сервироваться. Техники бесшумно приблизились и предложили свои услуги, но их помощь не понадобилась.

– Пахнет неплохо, – произнес Везерел. – Соблюдаете ли вы за едой какие-нибудь обряды?

– А? Молюсь ли? Нет.

– Я не о том. Скажем, когда со мной обедает кто-нибудь из подчиненных, я не допускаю за столом деловых разговоров. Но если вы не против, я бы хотел продолжить нашу беседу.

– Конечно. Почему бы и нет, если воздерживаться от нарушающих пищеварение тем. Вы когда-нибудь слышали, что священник сказал старой деве? – Лазарус взглянул на стоявшего рядом техника. – Ладно, в следующий раз. По-моему, тот, что ростом пониже, – женщина, и, возможно, она знает английский. Так что ты говорил?

– Я сказал, что ваши мемуары далеко не полны. Поэтому, даже если вы решились вновь пройти весь процесс умирания, не согласитесь ли вы ознакомить меня и прочих ваших потомков с незаписанной частью? Просто поговорим, вы расскажете о том, что видели и делали. Тщательный анализ ваших воспоминаний может нас многому научить. Кстати, что именно произошло на собрании Семейств в две тысячи двенадцатом? Протоколы о многом умалчивают.

– Кого это нынче интересует, Айра? Все действующие лица мертвы и не могут оспорить мою версию событий. Пусть спящие собаки хоронят своих мертвецов. К тому же я уже говорил тебе – моя память шалит. Я воспользовался гипноэнциклопедической методикой Энди Либби – неплохая штукавина, – научился хранить ненужные в повседневной жизни воспоминания в блоках, которые открываются при необходимости ключевыми словами, как папки в компьютере. И я несколько раз очистил мозг от ненужных воспоминаний, чтобы освободить место для новых данных, – но все без толку. В половине случаев утром я не могу вспомнить, куда девал книгу, которую читал вчера вечером, ищу ее до полудня, а потом вспоминаю, что читал ее сто лет назад. Почему вы не оставите старого человека в покое?

– Для этого вам, сэр, достаточно просто приказать мне заткнуться. Но я надеюсь, что вы не сделаете этого. Конечно, память несовершенна, но вы были очевидцем тысяч событий, которых все мы по молодости не могли видеть. Нет, я вовсе не хочу, чтобы вы по-быстрому надиктовали нам свою официальную биографию, охватывающую все прожитые вами века. Но вы можете вспомнить подробности, заслуживающие внимания. Например, мы ничего не знаем о первых годах вашей жизни. И мне, как и миллионам людей, весьма интересно узнать, что помните вы о своем детстве.

– Чего там помнить! Как и все мальчишки, я провел свое детство, стараясь скрыть от взрослых, что я натворил. – Вытерев губы, Лазарус задумался. – В целом я успешно справлялся с этим. Несколько раз меня поймали и отлупили – это научило меня осторожности, умению

держат язык за зубами и не слишком завираться. Ложь, Айра, искусство тонкое, и оно явно отмирает.

– Неужели? А по-моему, меньше лгать не стали.

– Ложь отмирает как искусство. Вокруг полно неуклюжих лжецов, их примерно столько, сколько и ртов. Знаешь ли ты два самых искусных способа лжи?

– Скорей всего, нет, но мне хотелось бы узнать. Неужели их только два?

– Насколько мне известно. Речь не идет о том, чтобы лгать с самым честным видом, любой, кому приходилось выкручиваться без единого козыря на руках, сумеет это сделать. Первый способ лгать искусно таков: следует говорить правду, но не всю. Второй способ также требует правды, но он сложнее: говори правду, даже всю... но настолько неубедительно, чтобы слушатель принял твои слова за ложь. Я обнаружил это лет в двенадцать-тринадцать. Дедуля по материнской линии научил: я многим в него пошел. Натурально старый черт – не ходил ни в церковь, ни к докторам, говорил, что и те и другие только прикидываются, что знают что-нибудь. В свои восемьдесят пять он щелкал зубами орехи и выжимал одной рукой семидесятифунтовую наковальню. Потом я сбежал из дома и больше его не видел. В анналах Семейств сказано, что он погиб несколько лет спустя при бомбежке Лондона во время битвы за Британию.

– Знаю. Он, конечно же, и мой предок, и я получил имя в его честь – Айра Джонсон.¹²

– Верно, именно так его и звали. Но я звал его Дедуля.

– Лазарус, именно такие вещи я и хотел бы записать. Айра Джонсон не только ваш дед и мой пращур. Он был предком многих миллионов людей, обитающих и здесь, и повсюду, но до ваших слов он был для меня только именем с датами рождения и смерти, не более того. И вдруг вы оживили его – человека, личность уникальную, яркую.

Лазарус задумчиво посмотрел на него:

– Положим, «ярким» он мне никогда не казался. На самом деле он был мерзким старикашкой и, по стандартам тех времен, – «неподходящей компанией» для молодого человека. Мм, в городе, где жила моя семья, что-то поговаривали о нем и молодой училке. Это был скандал – по понятиям тех лет, конечно, – и я думаю, что мы уехали из города именно поэтому. Я так ничего и не узнал, что там случилось, – при мне взрослые об этом не говорили.

Но я многому у него научился: он уделял мне больше времени, чем мои родители. Кое-что запомнилось. «Вуди, – говорил он, – играя в карты, всегда снимай колоду. Ты все равно будешь проигрывать, но не так часто и не так крупно. И когда проигрываешь – улыбайся». Все в таком духе.

– А что-нибудь еще из его слов вы можете вспомнить?

– Ха! Через столько-то лет? Нет, конечно. Впрочем... Однажды он взял меня за город, чтобы поучить стрелять. Мне было тогда лет десять, а ему – не знаю... он всегда казался мне на девяносто лет старше Бога¹³. Он пришил мишень, послал одну пульку прямо в яблочко, чтобы показать мне, как надо стрелять, передал мне винтовку, небольшую такую однозарядку двадцать второго калибра, годную только, чтобы стрелять по мишеням да по консервным банкам, и сказал: «Ну вот, Вуди, я ее зарядил, а теперь бери и делай, как я показал. Прицелься, расслабься и нажимай». Так я и сделал, но услышал только щелчок – она не выстрелила.

Я сказал об этом деду и потянул затвор. Он шлепнул меня по пальцам, другой рукой забрал у меня винтовку – а потом отвесил мне хорошую затрещину. «Вуди, что я говорил тебе

---

¹² В то время, когда Старейший, по его утверждению (как и далее), покинул дом, Айре Джонсону было менее восьмидесяти лет. Айра Джонсон был доктором медицины. Долго ли он практиковал и лечился ли сам или прибегал к помощи других врачей – неизвестно. – *Джс. Ф. 45-й.* Айра Говард – Айра Джонсон. Похоже на случайное совпадение: в те времена библейские имена имели широкое распространение. Специалисты по генеалогии Семейств не сумели обнаружить родства между ними. – *Джс. Ф. 45-й.*

¹³ Айре Джонсону было семьдесят лет, когда Лазарусу было десять. – *Джс. Ф. 45-й.*

об осечках? Или ты хочешь остаток жизни прожить без глаза? А может, решил покончить с собой? Если так, я могу показать несколько более простых способов». Потом он сказал: «А теперь смотри» – и сам открыл затвор. Тот оказался пустым. Ну, я и говорю: «Дедуля, ты же сказал мне, что зарядил ружье». Черт возьми, Айра, я же сам видел, как он его заряжал, – как я думал.

«Верно, Вуди, – согласился он. – Но я обманул тебя – сделал вид, что заряжаю, а патрон оставил в руке. Ну а теперь повтори, что я тебе говорил о заряженных ружьях? Крепко подумай и не ошибись – иначе мне придется снова хорошенько тебе врезать, чтобы мозги лучше работали». Я подумал – недолго, рука у Дедули была тяжелая – и ответил: «Никогда никому не верь на слово, что ружье заряжено». – «Правильно, – согласился он. – Запомни на всю жизнь и придерживайся этого правила, иначе долго не проживешь»¹⁴.

Айра, я действительно запомнил это на всю жизнь – и не забывал даже тогда, когда огнестрельное оружие вышло из моды, чем неоднократно спасал себе жизнь. А потом он велел мне заряжать самому и сказал: «Вуди, спорим на полдоллара – у тебя ведь найдется полдоллара?» У меня было много больше, но мне уже доводилось с ним спорить, поэтому я сказал, что у меня только четвертак. «Хорошо, – сказал он, – тогда спорим на четвертак – в кредит я не спорю, – что ты промажешь по мишени, не говоря уже о яблочке».

Потом он положил в карман мой четвертак и показал, что я сделал не так. На сей раз, прежде чем он закончил, я сумел сам сообразить, что нужно делать с ружьем, и теперь уже сам предложил ему пари. Он расхохотался и велел радоваться, что урок обошелся мне так дешево. Передай, пожалуйста, соль.

Везерел исполнил просьбу.

– Лазарус, если бы мне удалось сосредоточить вас на воспоминаниях – о вашем деде или о ком угодно, я не сомневаюсь, что нам удалось бы узнать бездну всяких интересных вещей, не важно, считаете вы их мудростью или нет. За эти десять минут вы сформулировали с полдюжины основных житейских истин... правил – назовите их, как хотите, – причем *явно* непреднамеренно.

– Например?

– Скажем, что большинство людей учится на опыте...

– Даю поправку. Айра, большинство людей не способны использовать чей-либо опыт. Никогда не недооценивайте силу человеческой глупости.

– Ну вот, еще одно! Кроме того, вы сделали парочку замечаний относительно тонкого искусства лжи... нет, скорее даже три – помните, вы сказали, что ложь не должна быть изощренной. Вы сказали также, что вера мешает обучению, а первый шаг к тому, чтобы справиться с ситуацией, – это начать в ней разбираться.

– Я не говорил этого... впрочем, не исключаю.

– Я обобщил ваши слова. Вы еще сказали, что никогда не плевали против ветра... Что в обобщенном виде означает: не выдавай желаемое за действительное. Или, иначе: обратись лицом к фактам и поступай соответствующим образом. Впрочем, я предпочитаю вашу формулировку – она сочнее. А также: всегда снимай колоду. Я уже много лет не играл в карты, но смог предположить, что это значит: не пренебрегай доступными тебе способами увеличения шансов на успех в ситуации, определяемой случайными событиями.

– Гм. Дедуля сказал бы: кончай кучеряво выражаться, сынок.

– Что ж, тогда повторим его словами: «Всегда снимай колоду... и улыбайся, когда проигрываешь». Если только на самом деле это не ваша собственная фраза, которую вы просто ему приписываете.

---

¹⁴ В этом анекдоте слишком много неясностей, чтобы все их здесь объяснить. См. «Энциклопедию Говарда»: «Ружье – древнее огнестрельное оружие». – Дж. Ф. 45-й.

– Нет, тоже его. По-моему. Черт побери, Айра, через столько лет трудно отличить истинное воспоминание от воспоминания о воспоминании об истинном воспоминании. Так всегда бывает, когда ты вспоминаешь прошлое. Редактируешь его, перекраиваешь, делаешь более приемлемым...

– Вот и еще одна...

– Умолкни. Сынок, я не хочу вспоминать о былом – это верный признак старости. Младенцы и дети живут в настоящем времени – в «сейчас». Достигнув зрелости, человек предпочитает жить в будущем. В прошлом обитают лишь старцы... этот признак и заставил меня уразуметь, что я прожил уже слишком много. Я обнаружил, что все больше и больше размышляю о прошлом – и меньше о настоящем, не говоря уже о будущем. – Старик вздохнул. – Так я понял, что стар. Чтобы прожить долго – тысячу лет, скажем, – нужно ощущать себя сразу и ребенком, и взрослым. Думай о будущем, чтобы быть к нему готовым, – но без тревоги. И живи так, словно знаешь, что умрешь завтра на рассвете, и встречай каждый новый восход солнца, словно новый день творения, и живи ради него, радостно. И не думай о прошлом. А тем более не сожалей о нем. – На лице Лазаруса Лонга проступила печаль. Потом он вдруг улыбнулся и повторил: – Не сожалей о нем. Еще вина, Айра?

– Полбокала. Благодарю вас, Лазарус. Если вы все же решились умереть в ближайшее время – никто не смеет оспаривать вашего права! – почему бы тогда не вспомнить о прошлом сейчас... и записать эти воспоминания ради блага ваших потомков? Это ваше наследие куда более ценно, чем ваше состояние.

Лазарус поднял брови.

– Сынок, ты начинаешь докучать мне.

– Прошу прощения, сэр. Разрешите откланяться?

– Заткнись и сядь на место. Мы же не закончили обед. Ты напомнил мне одного... Знаешь, в Новой Бразилии жил один тип, который все скорбел по поводу тамошнего обычая серийного двоеженства, но старательно следил за тем, чтобы одна из его жен была домохозяйкой, а другая красавицей, так что... Айра, с помощью этой штуковины, которая нас слушает, можно собрать воедино отдельные заявления и составить из них некий меморандум?

– Безусловно, сэр.

– Хорошо. Не важно, как этот хозяин поместья – Силва? – да, по-моему, его так и звали, дон Педро Силва, – не важно, как он выкрутился из положения, когда оказался с двумя красавицами на руках... Хочу только заметить, что, когда ошибается компьютер, он с еще большим упрямством, чем человек, цепляется за собственные ошибки. Если я подумаю подольше, то, может быть, и сумею подыскать для тебя то, что ты считаешь «жемчужинами мудрости». Точнее, стекляшки. И тогда не придется загружать машину скучными историями о доне Педро и его женах. Значит, ключевое слово...

– «Мудрость»?

– Иди и вымой рот с мылом.

– И не подумаю. Быть может, подойдет «здравый смысл», Старейший?

– Это, сынок, понятие противоречивое. Смысл не может быть «здравым». Пусть будут «заметки» – записная книжка, куда я могу занести все, что когда-то заметил, все, что достойно упоминания.

– Отлично! Можно немедленно внести изменения в программу?

– Ты можешь сделать это отсюда? Я не хочу прерывать твой обед.

– Это очень гибкая машина, Лазарус. Она является частью той, с помощью которой я правлю планетой... если это можно назвать управлением.

– В этом случае, я полагаю, ты можешь подключить к ней еще одно печатное устройство, которое будет запускаться по ключевому слову. Возможно, я захочу заново перебрать искрящиеся шедевры собственной мудрости – я имею в виду, что заметки, сделанные экспромтом,

звучат лучше, чем когда они сделаны не экспромтом, – это причина, по которой существуют спичрайтеры.

– Спичрайтеры? Признаюсь, мой классический английский небезупречен: это выражение мне незнакомо.

– Айра, не надо рассказывать мне, что ты сам пишешь собственные речи.

– Лазарус, я не произношу речей. Никогда. Только отдаю приказы и очень редко пишу отчеты, предназначенные для попечителей.

– Поздравляю. Но могу поспорить – на Счастливой спичрайтеры есть или вот-вот появятся.

– Сэр, я немедленно поставлю сюда этот принтер. Загрузить в него латинский алфавит и орфографию двадцатого столетия? Вы будете диктовать на этом самом языке?

– Если только бедная невинная машина не переутомится. В противном случае могу прочитать по фонетической записи. Наверное.

– Сэр, это *очень* гибкая машина, она и научила меня говорить на этом языке, а еще раньше – читать на нем.

– Хорошо, пусть будет так. Только распорядись, чтобы она не правила мою грамматику. Хватит с меня и редакторов-людей. От машины я подобной наглости не потерплю.

– Да, сэр. Минуточку... прошу прощения... – Перейдя на новоримский диалект галактического, исполняющий обязанности подозвал высокого техника. Вспомогательное печатное устройство установили раньше, чем беседующие успели допить кофе.

Устройство включили, и оно тут же зажужжало.

– В чем дело? – поинтересовался Лазарус. – Проверка?

– Нет, сэр, оно печатает. Я попробовал поэкспериментировать. В рамках собственных программ машина обладает известной свободой суждений. Я распорядился, чтобы она просмотрела сделанную запись и попыталась выбрать все утверждения, схожие с афоризмами. Я не уверен, что она способна на это, поскольку любое объяснение понятия «афоризм» – не знаю, какое в нее заложено, – волей-неволей окажется абстрактным. Но я надеюсь. Во всяком случае, ей твердо приказано: никаких исправлений.

– Хорошо. «Когда медведь вальсирует, удивительно то, что он танцует вообще, а не насколько изящно он это делает». Это не я, не помню кто. Цитата. Посмотрим, что получилось.

Везерел сделал знак рукой маленькому технику, тот торопливо подскочил к машине, вынул из нее распечатку и вручил каждому по листку.

Лазарус просмотрел свой.

– Мм... да. Второе неверно – это пародия. Третье придется чуточку переформулировать. Эй! А здесь она воткнула знак вопроса. Наглая железка – я проверил справедливость этого утверждения за многие столетия до того, как добыли руду, из которой ее изготовили. Хорошо хоть, что не влезла с поправками. Не помню, чтобы я так говорил, но это тем не менее верно. Меня чуть не убили, прежде чем я усвоил эту мысль. – Лазарус поднял глаза. – Хорошо, сынок. Если ты хочешь, чтобы этот материал записывался, я не против. До тех пор, пока мне разрешено просматривать его и вносить правки... Не стоит принимать мои слова за евангелие, прежде чем я выброшу оттуда всю чушь, которую я способен ляпнуть, как и любой другой.

– Конечно, сэр. Без вашего одобрения ничто не войдет в анналы. Если только вы не воспользуетесь этой кнопкой... тогда ваши неизданные заметки придется править мне. Ничего больше мне не останется.

– Пытаешься подловить, так? Гм... Айра, что, если я предложу тебе быть Шахерезадой наоборот?

– Не понимаю.

– Неужели Шахерезаду наконец забыли? И сэр Ричард Бартон трудился напрасно?

– О нет, сэръ! Я читал «Тысяча и одну ночь» в переводе Бартона. Сказки эти пережили столетия, в новых пересказах они стали доступными и новым поколениям, не потеряв, как я полагаю, обаяния. Просто я не понял вашего предложения.

– Вижу. Ты сказал, что говорить со мной – для тебя самая важная из обязанностей.

– Да.

– Интересно. Если ты действительно так считаешь, заходи ко мне каждый день – поболтаем. Я не собираюсь затруднять себя беседой с самой умной из машин.

– Лазарус, это не просто честь, я польщен предложением и готов составлять компанию, пока вам не надоест.

– Посмотрим. Когда человек делает общее утверждение, он тем не менее всегда имеет в виду некоторые ограничения. Каждый день, сынок, и весь день. И чтобы приходил ты сам, а не заместитель. Приходи часа через два после завтрака – и сиди, пока я тебя не отошлю. Но любой пропущенный день... Хорошо; если будут неотложные дела, позвонишь, извинишься и пришлешь хорошенькую девицу. Чтобы знала классический английский и еще – чтобы была умна и умела не только слушать, потому что старому дураку частенько охота поболтать с хорошенькой девушкой, которая хлопает ресницами и восторгается. Если она угодит мне – я разрешу ей остаться. Или она достанет меня, тогда я выгоню ее и воспользуюсь кнопкой, которую ты обещал установить. Конечно, я не стану совершать самоубийство в присутствии гостей – это невежливо. Понял?

– Кажется, да, – медленно ответил Айра, – вы будете сразу Шахерезадой и царем Шахрияром, а я... впрочем, не так: я буду организовывать всю эту тысячу ночей, то есть дней. И если ошибусь – не рассчитывайте на это, – вы можете...

– Обойдемся без далеких аналогий, – посоветовал Лазарус. – Я просто разоблачаю твой блеф. Если мои бредни нужны тебе, как ты утверждаешь, значит будешь сидеть рядом и слушать. Разок-другой можешь пропустить, если девица и впрямь окажется хорошенькой и сумеет польстить моему тщеславию – у меня его до сих пор в избытке, – и все сойдет. Но если ты начнешь пропускать наши занятия слишком часто, я пойму, что тебе скучно и расторгну сделку. Держу пари, твое терпение истощится задолго до наступления тысяча первого дня. Я-то, наоборот, умею терпеть подолгу, годы и годы – в основном поэтому я еще жив. Но ты еще молод, и держу пари, что я пересажу тебя.

– Согласен. Девушка – если мне действительно придется отсутствовать – одна из моих дочерей. Она очень хорошенькая. Вы не против?

– Гм. Ты как тот искандарианский работородец, что продал собственную мамашу. Зачем мне твоя дочь? Я не хочу на ней жениться, в постели она мне тоже не нужна. Я просто хочу, чтобы мне льстили и развлекали. Кстати, кто тебе сказал, что она хорошенькая? Если она действительно твоя дочь, значит должна быть похожа на своего отца.

– Не надо, Лазарус. Меня так легко не вывести из себя. Конечно, отцы в таких вопросах необъективны, но я видел, какое впечатление она производит на остальных. Она еще вполне молода, восьмидесяти не исполнилось, и только один раз была замужем по контракту. Вы потребовали, чтобы девица была симпатичной и говорила на вашем «молочном» языке. Такую не сразу найдешь. А этой моей дочери передался мой талант к языкам. Более того, она рвется повидаться с вами. Я могу отложить все срочные дела, чтобы она получше освоила язык.

Лазарус ухмыльнулся и пожал плечами:

– Ну, как хочешь. Можешь сказать ей, чтобы не надевала пояс целомудрия, – у меня маловато энергии. Но пари я выиграю, быть может, даже не увидев ее: ты скоро поймешь, какой перед тобой старый зануда. Я и теперь остаюсь нудным типом – таким же, как Вечный жид... Я тебе не рассказывал, как однажды с ним повстречался?

– Нет. Я в это не верю. Вечный жид – это миф.

– Ну тебе, конечно, виднее, сынок. Я встречался с ним – это вполне реальная личность. В семидесятом году после Рождества Христова воевал с римлянами во время осады Иерусалима. Потом участвовал во всех Крестовых походах – один из них даже организовывал. Рыжий, конечно, – все природные долгожители помечены клеймом Гильгамеша. Когда я встретил его, он носил имя Сэнди Макдугал, оно лучше подходило к его тогдашним занятиям, варьировавшим от простого надувательства до шантажа¹⁵. В частности, он... Айра, если ты не веришь мне, зачем тебе записывать мои воспоминания?

– Лазарус, если вы полагаете, что сможете мне до смерти надоесть, – поправка: до вашей смерти, – зачем тогда выдумывать сказочки для моего развлечения? Невзирая на все ваши резоны, буду слушать внимательно и так же долго, как царь Шахрияр. Возможно, компьютер мой записывает все, что вам угодно сказать, – без редакции, я гарантирую, – но при этом он содержит очень чувствительный детектор лжи, который способен пометить все выдумки, которые вы включите в рассказ. Видите ли, в том, что вы говорите, меня волнует не историческая достоверность. Не сомневаюсь, что в любую придуманную историю вы автоматически включаете и свои оценки – жемчужины мудрости, – что бы вы там ни говорили.

– «Жемчужины мудрости»! Слушай, пацан, если еще раз произнесешь эти слова – оставлю после уроков и велю мыть доску. А что касается компьютера – то объясни ему, что среди всех моих историй верить следует именно самым диким, поскольку они – чистейшая правда. Ни одному сказочнику не придумать такой фантастической небывальщины, какие случаются в нашей безумной Вселенной.

– Он уже знает это, но я повторю предупреждение еще раз. Итак, вы рассказывали о Сэнди Макдугале, о Вечном жиде.

– В самом деле? Если он пользовался этим именем, значит действие происходило в двадцатом столетии в Ванкувере – было такое место в Соединенных Штатах, где люди были настолько умны, что не платили налогов Вашингтону. Сэнди орудовал в Нью-Йорке – городе, даже тогда славившемся глупостью своих жителей. Я не буду приводить конкретных деталей его мошенничества – они могут повредить твою машину. Будем считать, что Сэнди пользовался самым древним принципом избавления глупца от денег: просто выбирал приманку, на которую должна клюнуть его жертва. Ничего больше не нужно, Айра. Если человек жаден – его можно обманывать и обманывать. Беда состояла в том, что Сэнди Макдугал был, пожалуй, покладнее собственных жертв, а потому частенько перехватывал через край, и ему приходилось удирать по ночам – иногда оставив позади возмущенную толпу. Айра, если ты обираешь человека, дай ему время снова обрасти шкурой, иначе он будет нервничать. Если ты соблюдаешь это простое правило, можешь стричь своего барана снова и снова – процедура эта помогает ему поддерживать бодрость и сохранять силы. Но Сэнди был слишком жаден для этого – у него не хватило терпения.

– Лазарус, судя по вашим словам, у вас большой опыт в этой сфере.

– Пожалуйста, Айра, чуточку больше уважения. Я никогда никого не надувал. Самое большее – молча предоставлял ему возможность обмануть себя самого. В этом нет ничего плохого – разве можно избавить дурака от глупости? Попытаешься это сделать – и не только наживешь в его лице нового врага, но и лишишь его единственной возможности чему-то научиться на собственном опыте. Никогда не учи свинью сидеть: и время потратишь зря, и свинью рассердишь. Но о мошенничестве я знаю изрядно. По-моему, на мне испробовали все возможные варианты всех мыслимых жульнических уловок. Некоторые из них имели успех, когда я был молод. А потом я воспользовался советом Дедули Джонсона и перестал пытаться удачно

---

¹⁵ Несмотря на известную противоречивость данного отрывка, термины характерны для Северной Америки XX века. Они описывают определенные разновидности финансового обмана. См. раздел «Обман», подраздел «Мошенничество» в «Новой золотой ветви» Кришнамурти. Академпресс, Новый Рим. – *Джс. Ф.* 45-й.

вывернуться. И с этого времени меня уже не могли одурачить. Но совет Дедули я понял лишь после того, как несколько раз изрядно обжегся. Айра, уже поздно.

Исполняющий обязанности торопливо поднялся.

– Вы правы, сэр. Разрешите еще парочку вопросов перед уходом? Не о мемуарах, чисто процедурные вопросы.

– Тогда коротко и ясно.

– Терминационную кнопку вам установят прямо с утра. Но вы говорили, что чувствуете себя не столь хорошо. Зачем же мучиться, даже если вы намерены покинуть нас в самом ближайшем будущем? Не продолжить ли нам омоложение, сэр?

– Гм. А второй вопрос?

– Я пообещал сделать все возможное и найти вам нечто совершенно новое, что должно вас заинтересовать. И в то же время обещал проводить с вами все дни. Очевидное противоречие.

Лазарус ухмыльнулся:

– Не пытайся надуть своего старенького дедушку, сынок. Поиски нового дела ты можешь препоручить другим.

– Безусловно. Но следует продумать, как начать их, а потом время от времени проверять исполнение, намечать новые варианты.

– Мм... если я соглашусь на полный курс, меня то на день, то на два будут забирать медики.

– Современные методики требуют, чтобы пациент как следует отдыхал примерно один день в неделю – в зависимости от его состояния. Но моему личному опыту уже минуло сто лет. Я думаю, в этой сфере что-то изменилось к лучшему. Итак, вы даете согласие, сэр?

– Я скажу вам об этом завтра, после того как установят кнопку. Айра, я не спешу принимать решения, которые не требуют спешки. Но если я соглашусь, ты получишь необходимое тебе время. Спокойной ночи.

– Спокойной ночи, Лазарус. Надеюсь, вы не откажетесь. – Везерел направился было к двери, но, остановившись на полпути, что-то сказал техникам. Те немедленно оставили помещение. Обеденный стол поспешил за ними. Когда дверь закрылась, Везерел обернулся к Лазарусу Лонгу.

– Дедушка, – негромко проговорил он сдавленным голосом, – вы не против...

Кресло Лазаруса раздвинулось, превратившись в ложе, которое поддерживало лежащего мягко, словно гамак или материнские руки. Услышав слова молодого человека, старик приподнял голову.

– А? Что? Ох! Хорошо, хорошо, иди сюда... внучек. – И он протянул руку к Везерелу.

Исполняющий обязанности поспешно подошел к предку и, встав на колени, поцеловал руку Лазарусу.

Старик отдернул руку.

– Ради бога! Не вставай передо мной на колени, не смей. Хочешь быть моим внуком – тогда веди себя как подобает.

– Да, дедушка. – Поднявшись, Везерел склонился над стариком и поцеловал его.

Лазарус потрепал внука по щеке.

– Ну, внучек, ты мальчик сентиментальный, но хороший. Вся беда в том, что на хороших мальчиков большого спроса никогда не было. А теперь сотри с лица торжественное выражение, отправляйся домой и ложись спать.

– Да, дедушка. Я так и сделаю. Спокойной ночи.

– Спокойной ночи. Давай.

Более Везерел не задерживался. Когда он вышел, стоявшие у двери техники расступились и мгновенно нырнули в палату. Везерел шагал, не замечая людей вокруг, выражение его

лица было мягче, чем обычно. Миновав ряд экипажей, он направился прямо к директорскому; повинаясь голосу, машина раскрыла перед ним дверцу, а потом направилась в центр города – прямо к резиденции администратора.

Лазарус оглядел техников и поманил к себе высокого. Через шлем донесся искаженный фильтрами голос:

– Постель... сэр?

– Нет, я хочу... – Лазарус помедлил и заговорил: – Компьютер. Ты умеешь говорить? Если нет – напечатай.

– Я слушаю вас, Старейший, – ответило мелодичное контрольно.

– Скажи этому брату милосердия, чтобы дал мне болеутоляющее, – я хочу поработать.

– Да, Старейший. – Бестелесный голос перешел на галактический и, получив ответ на том же самом языке, сообщил: – Дежурный старший техник желает знать природу и местонахождение боли и предлагает воздержаться сегодня от работы.

Помолчав, Лазарус сосчитал в уме десять шимпанзе. Потом негромко сказал:

– К черту – все тело болит. И мне не нужны советы младенцев. У меня есть дела, которые требуется завершить перед сном... потому что никто не может знать, проснется ли он снова. Забудьте о болеутоляющем – это не так важно. Скажи им, чтобы они вышли и оставались снаружи.

Лазарус пытался не прислушиваться к последовавшему обмену мнениями, его раздражало, что он почти понимает их речь, но все равно не может ее понять. Он открыл полученный от Айры Везерела конверт, извлек из него завещание – длинную, сложенную гармошкой распечатку – и начал читать, высвистывая мелодию.

– Старейший, дежурный главный техник заявляет, что вы дали заказ первой очередности, который по правилам клиники следует немедленно удовлетворить. Сейчас вам сделают общую анестезию.

– Забудем об этом. – Продолжая читать, Лазарус стал напевать прежний мотивчик:

На углу, на углу
Есть ломбард,
Где обычно держу я пальто.
А за ним, а за ним
Есть букмекер один,
Что дела за меня ведет...¹⁶

Рядом с Лазарусом появился более высокий техник с блестящим диском, из которого торчала трубка.

– Это... от боли.

Лазарус отмахнулся.

– Не мешай, я занят.

С другой стороны возник низенький техник. Глянув на него, Лазарус спросил:

– Ну а тебе что нужно?

Едва он повернул голову, рослый быстро уколол Лазаруса в предплечье. Потерев место укола, тот проговорил:

– Расторопный, каналья! Обманул, значит? Ну и утрись! Raus!¹⁷ Пошел вон! – И тут же, забыв о случившемся, вернулся к работе. Мгновение спустя он проговорил: – Компьютер!

---

¹⁶ Стишки датируются двадцатым столетием. Анализ семантики см. в Приложении. – Дж. Ф. 45-й.

¹⁷ Вон! (нем.) – Примеч. С. В. Голд.

– Жду ваших распоряжений, Старейший.

– Введи для распечатки. Я, Лазарус Лонг, именуемый также Старейшим, зарегистрированный в генеалогиях Семейств Говарда под именем Вудро Уилсон Смит, год рождения тысяча девятьсот двенадцатый, сим объявляю свою последнюю волю и завещаю... Компьютер, просмотри мой разговор с Айрой и зафиксируй все, что я обещал ему для проведения миграции.

– Выполнено, Старейший.

– Тогда сделай все необходимое с языком и введи это в качестве первого абзаца. И... кстати, добавь что-нибудь вроде: если Айра Везерел не выполнит условий завещания, пусть мои мирские богатства после моей смерти пойдут на приют для престарелых, проститутток, попрошаек, пуристов, пирожников, педантов... любых подонков, всех, кто подойдет под какое-нибудь из определений, начинающихся с буквы «п». Понятно?

– Записано, Старейший. Разрешите высказать совет – по существующим на этой планете правилам последнее ваше желание с высокой степенью вероятности будет опротестовано при апробации завещания.

Выразив риторическое и физиологически невероятное пожелание, Лазарус сказал:

– Хорошо, пусть это будет приют для бездомных котов или любое другое приемлемое с точки зрения закона, но бесполезное дело. Поищи в памяти, чем угодить суду. Чтобы я мог быть уверен, что попечители не сумеют наложить руки на мое состояние. Понятно?

– Мы не можем быть полностью уверены в этом, Старейший. Но такая попытка будет сделана.

– Проверь, не найдется ли лазейки, и напечатай сразу же, как сумеешь выполнить мое задание. А теперь записывай распределение имущества. Начали. – Лазарус начал читать, но обнаружил, что в глазах его все поплыло. – Черт побери! Эти болваны вкололи мне наркотик, и он начинает действовать. Кровь, мне нужна капля собственной крови, чтобы удостоверить завещание отпечатком пальца! Скажи этим олухам, пусть помогут, если не хотят, чтобы я откусил себе язык. А теперь печатай текст с любой разумной альтернативой, но поспеши!

– Печатаю, – спокойно отозвался компьютер и перешел на галактический. «Олухи» с компьютером спорить не стали, один вынул из принтера готовый лист сразу, как только остановилась машина, другой неизвестно откуда извлек стерильную иглу и уколол Лазаруса в подушечку левого большого пальца, не давая и секунды на раздумья.

Лазарус не стал дожидаться, пока кровь наберут в пипетку. Он выдавил каплю крови, размазал ее по подушечке пальца и прижал палец к завещанию, которое держал невысокий техник.

– Готово, – шепнул он, откидываясь назад, – скажите Айре... – и мгновенно уснул.

Контрапункт

I

Кресло осторожно переложило Лазаруса на постель. Техники молча наблюдали. Потом тот, что был меньше ростом, проверил по показаниям датчиков дыхание, сердечную деятельность, мозговые ритмы и прочие параметры жизнедеятельности, высокий тем временем поместил оба завешания, новое и старое, в герметичный конверт, запечатал его, запломбировал пальцем, пометил: «Не вскрывать. Предназначено только для Старейшего и/или исполняющего обязанности». Оставалось дожидаться сменщиков. Сменный техник выслушал отчет сдающего дежурство, проверил параметры и внимательно поглядел на спящего клиента.

– Вы его отключили, – заключил он.

– Нео-Лета. Тридцать четыре часа.

Он присвистнул.

– Новый кризис?

– Не такой опасный, как предыдущий. Псевдоболь с иррациональной раздражительностью. Физические характеристики для этого этапа в пределах нормы.

– А что в конверте?

– Просто распишись за него и подтверди инструкцию по доставке в квитанции.

– Прошу прощения за перерасход кислорода.

– Расписывайся.

Сменщик поставил свою подпись, заверил ее отпечатком пальца и обменял на конверт.

– Смену принял, – четко объявил он.

– Спасибо.

Невысокий техник ждал у входа. Старший техник проговорил:

– Не нужно было меня дожидаться. Иногда смену приходится передавать раза в три дольше. Ты можешь уходить сразу же, как приходит младший техник – твой сменщик.

– Да, старший техник. Но этот клиент особенный – и мне подумалось, что могу потребоваться вам в разговоре с этим занудой.

– Ну, это не проблема, я умею с ним справляться. Да, клиент особенный – и то, что квалификационное бюро предложило мне твою кандидатуру, когда удрал твой предшественник, свидетельствует в твою пользу.

– Благодарю вас.

– Не стоит. – Доносившийся из-под шлема голос, искаженный микрофоном и фильтрами, казался мягким – хотя слова таковыми не были. – Это не комплимент, а констатация факта. Если твое первое дежурство оказывается неудачным – второго уже не бывает. Клиент действительно, как ты говоришь, «особенный». Упрекнуть тебя не в чем – разве что в нервозности, которую клиент мог ощутить, даже не видя лица. Но с этим ты справишься.

– Э-э-э... надеюсь, что так. Но с нервами и вправду беда.

– Мне больше по вкусу помощник нервный, а не тот, кто знает все на свете, и потому небрежен. Но тебе пора домой – на отдых. Пошли – я подвезу. А где ты передеваешься? В средней лоджии? Я как раз еду мимо.

– О, не тревожьтесь обо мне! Но я могу поехать вместе с вами и потом отвести машину назад.

– Расслабься. Когда работа окончена, среди следующих призванию нет рангов... Разве тебя этому не учили?

Они миновали очередь на общественный транспорт, прошли мимо машины директора и направились к месту, отведенному для ведущих сотрудников.

– Да, но... мне еще не доводилось помогать кому-нибудь в вашем звании.

Старший техник усмехнулся.

– Тем больше у тебя причин следовать со мной правилу: чем выше взлетишь – тем сильнее хочется забыть об этом. А вот и свободная машина. Залезай.

Низкорослый так и поступил, но не стал садиться, пока не уселся старший техник. Не обращая на него внимания, старший поиграл с пультом управления, откинулся на спинку и удовлетворенно вздохнул, когда машина тронулась с места.

– Мне тоже трудно. После каждого дежурства я чувствую, будто мне столько же лет, сколько ему.

– Понимаю. Интересно, надолго ли меня хватит? Шеф! А почему ему не позволяют умереть? Мне кажется, он очень устал.

Ответ последовал не сразу.

– Не зови меня шефом. Мы не на работе.

– Но я не знаю вашего имени.

– В этом нет нужды. Гм... Все совсем не так просто, как кажется: он уже четыре раза совершал самоубийство.

– Что?

– Просто он этого не помнит. Если ты считаешь, что у него плохая память, – посмотрел бы на него три месяца назад. На самом деле каждое самоубийство только ускоряет нашу работу. Эта кнопка – мы подсовывали ему подделку – всякий раз только лишала его сознания, и можно было переходить к следующей стадии – спокойно вносить в его сознание новые ленты памяти. Но с этим пришлось покончить и убрать кнопку – несколько дней назад он вспомнил, кто он.

– Но... это же нарушение правил! Каждый человек имеет право на смерть.

Старший техник прикоснулся к пульту: машина свернула к обочине, нашла парковочный карман и остановилась.

– Я и не утверждаю, что это соответствует правилам. Но политику определяют не дежурные.

– Когда меня принимали на работу, помнится, в присяге были такие слова: «Дарить жизнь тем, кто этого пожелает... и не отказывать в смерти тому, кто ее жаждет».

– Думаешь, я давал другую присягу? Директорша разгневалась настолько, что ушла в отпуск... возможно, она уйдет и в отставку, не буду гадать. Но исполняющий обязанности председателя не нашего поля ягода, присяга его не связывает и девиз над нашим входом ничего для него не значит. У него есть собственный, и, по-моему, он гласит: «У каждого правила есть исключения». Видишь ли, я понимаю – нам следует переговорить и лучше сделать это до следующего дежурства. Я хочу спросить – ты не собираешься отказаться от участия в этой работе? Никаких последствий не будет – я позабочусь об этом. И не беспокойся о сменщике – во время следующего моего дежурства Старейший будет еще спать... с делом справится любой помощник... тем временем квалификационное бюро подберет тебе замену.

– Нет, я *хочу* за ним ухаживать. Это огромная привилегия, подобная возможность мне никогда раньше не представлялась. Но меня это смущает. По-моему, с ним поступили несправедливо. А кто более Старейшего заслуживает справедливого отношения?

– Меня это тоже смущает. Меня просто потряс приказ сохранить жизнь человеку, по своей воле пытавшемуся свести счеты с жизнью. Ну хорошо – полагавшему, что пытается свести их. Увы, дорогой мой коллега, выбора у нас нет. Дело будет сделано, независимо от того, как мы к этому относимся. Для меня тут уже все решено. Я знаю, что в профессиональном плане чувствую себя достаточно уверенно, – если хочешь, считай это тщеславием. Среди дежурных моя квалификация – самая высокая. Следовательно, если уж Старейшему в Семействах суждено пройти через все это, мне не следует отказываться, передоверяя дело менее искусным коллегам. И дело не в деньгах – свое жалованье я перечисляю приюту для дефективных.

– Я тоже могу так поступить?

– Можешь, но с твоей стороны это было бы глупо. Я получаю куда больше тебя. И хочу тебя предупредить: я надеюсь, что твой организм легко переносит стимуляторы, поскольку я отвечаю за проведение всех важных процедур и рассчитываю на твою помощь, независимо от того, чья сейчас смена.

– Стимуляторы мне не нужны, я пользуюсь самогипнозом. В случае необходимости... изредка. Следующее наше дежурство он проспит. Мм...

– Коллега, ты должен ответить немедленно – чтобы в случае необходимости своевременно известить квалификационное бюро.

– Нет, я остаюсь! До тех пор, пока не уйдете вы.

– Хорошо. В этом трудно было сомневаться. – Старший техник вновь потянулся к пульту. – Теперь в среднюю лоджию?

– Минутку, мне хотелось бы лучше познакомиться с вами.

– Коллега, если вы остаетесь – назнакомитесь досыта. У меня острый язык.

– Я имею в виду личные качества, а не профессиональные.

– Великолепно!

– Вы не обиделись? Сегодня во время дежурства вы были восхитительны. Но ваше лицо скрыто этим шлемом. Мне хотелось бы увидеть его. Я не пытаюсь вам льстить или что-то еще.

– Я верю вам. Будьте любезны, поверьте и мне тоже. Прежде чем принять рекомендации бюро, мне пришлось изучить ваши психологические характеристики. Какая обида – это приятно. Может, поужинаем вместе?

– Безусловно. Но мне хотелось бы чего-то большего... Как насчет «Семи часов блаженства»?

Последовала короткая многозначительная пауза. Наконец старший техник проговорил:

– Коллега, а какого ты пола?

– Это имеет значение?

– Наверное, нет. Не возражаю. Прямо сейчас?

– Если ты не против.

– Нет. У меня в планах было вернуться к себе в отсек, немного почитать, а потом на боковую. Поехали ко мне?

– Мне хотелось пригласить тебя в «Элизиум».

– Не стоит. Блаженство должно быть в сердце. Но спасибо за приглашение.

– Я могу себе это позволить – живу не на жалованье. И могу позволить себе все, что может предложить «Элизиум».

– Быть может, в следующий раз, дорогой коллега. Мое жилье здесь, в клинике, вполне комфортабельно, мы сэкономим почти час на дороге, плюс время на то, чтобы снять изолирующие костюмы и переодеться в гражданское. Идем сразу ко мне. Мне не терпится. Боже, мне давно не выпадал шанс на такие развлечения – слишком давно.

Спустя четыре минуты они вошли в отсек, где обитал старший техник, – как и было обещано, это был большой, симпатичный, просторный люкс. В углу гостиной в камине весело вспыхнуло пламя, его блики радостно заплескались по комнате.

– Гардеробная для гостей за этой дверью, душ там же. Слева мусоропровод, справа стеллажи для шлемов и комбинезонов. Помочь?

– Нет, спасибо. Справлюсь.

– Хорошо, крикнешь, если что-нибудь понадобится. Через десять минут встречаемся у камина.

– Хорошо.

Помощник техника явился, затратив на освобождение от спецодежды чуть больше десяти минут; босой и без шлема, он казался еще меньше ростом. Старший техник подняла голову с коврика перед камином:

– А вот и ты! Мужчина! Я приятно удивлена.

– А ты женщина. Очень рад. Но я не могу поверить в то, что ты удивлена. Ты же видела мою анкету.

– Нет, дорогой, – ответила она. – Я знакоилась не с досье, а только с выдержками, которые предоставляют потенциальному нанимателю. Бюро старательно избегает всяких ссылок на имя, пол кандидата и другие неуместные подробности – за этим следят их компьютерные программы. Так что я не знала, кто ты, и моя догадка оказалась неправильной.

– А я не пытался угадать. Но я, конечно же, рад. Не знаю почему, но к высоким женщинам у меня особая симпатия. Встань и дай мне посмотреть на тебя.

Она лениво изогнулась.

– Что за вздорный критерий. Все женщины одного роста, когда лежат. Ложись рядом – здесь уютно.

– Женщина, когда я говорю: встань! – значит надо встать.

Она хихикнула.

– Да ты просто ходячий атавизм. Но довольно милый. – И, протянув руку, она дернула его за лодыжку. Не удержавшись на ногах, он плюхнулся рядом с ней. – Так будет лучше. Теперь мы одного роста.

Контрапункт II

- Как ты смотришь на то, чтобы перекусить среди ночи, соня? – спросила она.
- Я, кажется, задремал? – пробормотал он. – Было от чего. Действительно, можно и перекусить! И чем же ты меня угостишь?
- Только назови. Если этого у меня нет, то я за ним пошлю. Для тебя все что угодно, дорогой.
- Отлично. А как насчет десяти шестнадцатилетних рыжеволосых девственниц? То есть девушек.
- Да, дорогой. Мне ничего не жаль для моего Галахада¹⁸. Хотя, если тебе необходимы сертифицированные девственницы, времени уйдет больше. Но откуда у тебя такой фетиш, дорогой? В твоих психопрофилях не было намеков на какие-либо экзотические аномалии.
- Отменим этот заказ. Пусть будет блюдо мангового мороженого.
- Как прикажете, сэр. Я сейчас же пошлю за ним. Но персиковое мороженое можно подать немедленно. Искушений подобного рода мне не доводилось испытывать с шестнадцати лет. Как это было давно.
- Пусть будет персиковое. Действительно, наверное, это было *очень* давно.
- Сию секунду, милый. Ложкой есть будешь или мне размазать его тебе по лицу? Нашел чем дразнить! Я прошла всего одно омоложение, как и ты, но мой косметический возраст меньше твоего.
- Мужчина и должен выглядеть зрелым.
- А женщина молодой – так и есть. Но я знаю твой календарный возраст, мой Галахад, – я младше тебя. А знаешь, как я это выяснила? Я узнала тебя сразу же, как увидела. Я помогала тебя омолаживать, дорогой, и мне очень приятно, что я в этом участвовала.
- Черт знает что ты говоришь!
- А я рада, дорогой. Такая приятная неожиданность. Своих клиентов редко видишь снова. Галахад, а ты понимаешь, что мы еще не прибегли ни к одному шаблонному способу совместного блаженства? Но мне не жаль. Такой радости и бодрости, как сейчас, я не испытывала многие годы.
- И я тоже. Правда, я так и не увидел персикового мороженого.
- Свинья. Животное. Чудовище. Я тебя выше. Повалю и наброшусь. Сколько ложек, дорогой?
- Клади, пока рука не устанет, мне потребуется много, чтобы восстановить силы. Он последовал за ней на кухню и сам разложил мороженое.
- Простая предосторожность, – пояснил он. – Это чтобы мне его на лицо не намазали.
- О, право, дорогой! Неужели ты считаешь, что я и впрямь способна поступить так с моим Галахадом?
- Ты неуравновешенная женщина, Иштар!¹⁹ Я могу доказать это – у меня теперь повсюду синяки...
- Глупости! Я была так нежна с тобой.

---

¹⁸ *Галахад* – рыцарь Круглого стола в легендах о короле Артуре, сын Ланселота Озерного и дочери короля Пеллеса; как самый чистый душой из всех рыцарей, он единственный, кто преуспел в поисках Святого Грааля.

¹⁹ *Иштар* – в аккадской мифологии богиня плодородия и плотской любви, войны и распри, астральное божество, олицетворение планеты Венера. Соответствует шумерской богине Инанне и древнесемитской Астарте.

– Ты не знаешь собственной силы. И ты выше меня, как уже сама говорила. Мне следовало бы назвать тебя не Иштар, а... кстати, как ее звали? Царицу амазонок в мифологии Старого отечества.

– Ипполита²⁰, дорогой. Но в амазонки я не гожусь как раз из-за того, чем ты только что восхищался... совсем как ребенок.

– Жалобы? Хирурги все недостатки устранят за десять минут и даже шрама не оставят. Не беда, Иштар тебе подходит больше. Но есть тут какая-то несправедливость.

– Какая, дорогой? Давай сядем перед камином и закусим.

– Хорошо. Значит, так, Иштар. Ты говоришь, что я был твоим клиентом, и знаешь оба моих возраста. Значит, логично предположить, что ты знаешь и мое имя в регистре и Семейство... и даже можешь припомнить кое-что из моей генеалогии, ведь ты, должно быть, изучала ее для омоложения. Но мне правила «Семи часов» запрещают даже спрашивать твое имя. В итоге мне остается звать тебя «той высокой блондинкой, в чине старшего техника, которая...

– У меня еще хватит мороженого, чтобы залепить твою физиономию!

– ...разрешила мне называть себя именем Иштар и провела со мной семь самых счастливых в моей жизни часов». И теперь они близятся к концу, а я даже не знаю, позволишь ли ты мне сводить тебя когда-нибудь в «Элизиум».

– Галахад, у меня никогда еще не было такого несносного любовника, как ты. Конечно же, ты можешь отвести меня в «Элизиум». И тебе незачем уходить домой через семь часов. Кстати, Иштар – это мое официальное имя. Но если ты еще раз упомянешь мой чин во внеслужебной обстановке, дежурный, у тебя тут же появятся настоящие синяки, чтобы получше меня помнил. Большие синяки.

– Грубиянка. Я трепещу. Но все-таки мне следует уйти вовремя, чтобы ты могла выспаться перед дежурством. Неужели тебя и в самом деле зовут Иштар? Неужели я получил пять тузов, когда мы давали друг другу имена?

– Да и нет.

– Это ответ?

– У меня было прежде имя из тех, что приняты в Семействе, но оно мне никогда не нравилось. Но вот любовное прозвище, которое ты мне дал, настолько восхитило меня, что, пока ты спал, я обратилась в архивы и приняла новое имя. Теперь я Иштар.

Он уставился на нее.

– Правда?

– Не пугайся, дорогой. Я не пытаюсь тебя поймать, я даже не хочу наставить тебе синяков. Дело в том, что я совершенно не домашний человек. Ты бы удивился, если бы узнал, как давно у меня в последний раз был мужчина. Можешь уйти, когда захочешь, – ведь ты обязался пробыть со мной лишь семь часов. Но тебе совсем не обязательно уходить. Завтрашнее дежурство мы оба пропускаем.

– Да? Почему... Иштар?

– Я позвонила и вызвала на завтра резервную бригаду. Надо было сделать это пораньше, но ты так увлек меня, дорогой. Завтра Старейшему мы не понадобится. Он крепко спит и не заметит, как день пройдет. Но я хочу присутствовать при его пробуждении, поэтому изменила расписание дежурств и на следующий день: возможно, нам придется задержаться на работе – все будет зависеть от того, в каком состоянии он проснется. То есть мне придется. Я настаиваю на том, чтобы ты провел со мной две или три смены.

– Раз ты можешь, значит и я могу, Иштар. Кстати о твоём чине, о котором ты запретила упоминать... На самом деле он у тебя еще выше. Верно?

---

²⁰ *Ипполита* – в греческих мифах правительница амазонок. У Шекспира в пьесе «Сон в летнюю ночь» она становится невестой Тезея, царя Афин.

– Если и так – я ничего не подтверждаю. И запрещаю тебе даже думать об этом. Если ты хочешь работать с этим клиентом.

– Фью! У тебя действительно острый язык. Разве я это заслужил?

– Галахад, дорогой, прости. Когда мы на дежурстве, я хочу, чтобы ты думал только о клиенте, а не обо мне. Но после работы я Иштар – и не хочу быть никем другим. Сейчас у нас с тобой очень важная работа, другой такой не будет. Она может затянуться и сделаться в высшей степени утомительной. Поэтому не стоит друг друга доставать. Я просто хочу сказать, что у тебя – у нас обоих – до дежурства еще больше тридцати часов. И если хочешь, я буду рада видеть тебя здесь все это время. А хочешь – уходи, я улыбнусь тебе и не буду жаловаться.

– Я говорил уже, что не хочу уходить. Я просто не хотел мешать тебе спать...

– Не помешаешь.

– ...а еще мне потребуется час, чтобы найти свежий комплект сменной одежды, одеться, пройти обеззараживание. Надо было бы прихватить все с собой, но я ничего такого не предполагал.

– О, пусть будет полтора часа, в моем телефоне было сообщение. Старейшему не нравятся защитные скафандры. Он хочет видеть, с кем имеет дело. Значит, мы должны предусмотреть время на обеззараживание тела: дежурить придется в обычной одежде.

– Иштар, а это разумно? Ведь мы можем чихнуть на него.

– Ты считаешь, я это придумала? Этот приказ, дорогой мой, получен непосредственно из резиденции. Кроме того, женщинам отдельно приказано выглядеть привлекательно и приодеться получше... придется подумать, какие из моих вещей могут выдержать стерилизацию. Нагота неприемлема – это тоже было оговорено. И не беспокойся о том, что можешь случайно чихнуть. Никогда не проходил полного обеззараживания организма? Когда их бригада с тобой закончит – не чихнешь, даже если захочешь. Но Старейшему об этом говорить нельзя. Он должен думать, что мы как пришли с улицы, так и работаем. Никаких особых мер предосторожности.

– Как я могу ему это сказать? Ведь я не знаю языка, на котором он разговаривает. У него что, фобия на наготу?

– Не знаю. Просто довожу до твоего сведения приказ, который объявили всем дежурным. Он задумался.

– Скорее всего, у него нет такой фобии. Любые фобии уменьшают шансы на выживание, это элементарно. Ты говорила мне, что главная задача – вывести его из апатии и что его злобный настрой тебя порадовал, хотя и показался чрезмерным.

– Конечно порадовал – это показывает, что он реагирует на окружающее. Галахад, сейчас не об этом надо думать. Мне нечего надеть, тебе придется помочь мне.

– Я как раз говорю о том, что тебе надеть. Я полагаю, что идея принадлежала исполняющему обязанности, а не Старейшему.

– Дорогой, я не читаю его мысли – просто исполняю его приказы. Я не умею одеваться, и никогда не умела. Как ты полагаешь, лабораторная униформа подойдет? Она-то пройдет стерилизацию без всяких сложностей – и я в ней очень даже ничего.

– А я, Иштар, стараюсь прочесть мысли исполняющего обязанности... по крайней мере, догадаться о его намерениях. Нет, лабораторная униформа не подойдет. Будет непохоже, что ты «просто пришла с улицы». Если предположить, что приступ фобии здесь ни при чем, в данной ситуации одежда обладает одним лишь преимуществом перед наготой – она создаст разнообразие. Контраст. Перемену. Поможет стряхнуть с него апатию.

Она поглядела на него задумчиво и с интересом:

– Галахад, до сего момента я полагала, и мой опыт это подтверждал, что единственный интерес мужчин к женской одежде состоит в том, чтобы как можно быстрее от нее избавиться. По-моему, твою кандидатуру следует представить к повышению.

– Я еще не готов, поскольку работаю в этой области меньше десяти лет. Не сомневаюсь, что тебе это прекрасно известно. Давай-ка посмотрим твой гардероб.

– А что ты собираешься надеть, дорогой?

– Это не важно. Старейший – мужчина, и все рассказы и мифы о нем свидетельствуют, что он сохранил верность той примитивной культуре, в которой родился. Сенсуально не полиморфной.

– Откуда тебе знать? Это все мифы, дорогой.

– Иштар, в любом мифе есть доля истины, нужно лишь уметь найти ее. Это догадка, но обоснованная – все-таки в этом вопросе я привык считать себя знатоком. До омоложения – пока ты меня не омолодила, – я проявлял гораздо большую активность.

– Какую же, дорогой?

– В другой раз. Я просто утверждаю, что моя одежда не имеет значения. Подойдет и хитон, и куртка с шортами, юбочка-килт. Даже исподнее, которое носят под изолирующим костюмом. О, я, конечно, надену что-нибудь веселенькое и буду менять наряды каждое дежурство – но он будет глядеть на тебя, а не на меня. Поэтому следует выбрать нечто такое, в чем ты ему понравишься.

– А как об этом узнаешь ты, Галахад?

– Элементарно. Выберем такую одежду, в которой красивая длинноногая блондинка понравилась бы мне.

Скудость гардероба Иштар удивила его. При всем своем опыте по женской части ему еще не приходилось встречать женщину настолько лишенную тщеславия, выражающегося в покупке ненужной одежды. Задумчиво перебирая вещи, он что-то пробормотал себе под нос, а потом стал напевать куплет песенки.

– Выходит, ты разговариваешь на его «молочном» языке? – спросила Иштар.

– А? Что? Чьем? Старейшего? Нет, конечно. Но полагаю, придется выучить.

– Но ты же пел. Ту песенку, которую он всегда напевает.

– Ах это... «Нагло, нагло есть ламбор... где бычьи держу я плато...» У меня хорошая фонетическая память. Но слов я не понимаю. А что они значат?

– Не уверена, что в них есть смысл. Большинства из этих слов нет в словаре, который я видела. Я думаю, что это какой-то бессвязный стишок – успокаивающий, но семантически не имеющий смысла.

– С другой стороны, в нем может быть ключ к психике старика. Ты не пыталась задать вопрос компьютеру?

– Галахад, я не имею доступа к обслуживающему палату компьютеру. Впрочем, сомневаюсь, чтобы кто-нибудь смог понять Старейшего полностью. Дорогой мой, он примитивен по сути своей – просто живое ископаемое.

– Но мне хотелось бы понять его. Этот его язык... Он сложный?

– Очень. Иррациональный, запутанный синтаксис, настолько перегруженный идиомами и неоднозначностями, что иногда я ошибаюсь даже в тех словах, которые, как мне кажется, уже знаю. Я бы хотела иметь твою память.

– Исполняющий обязанности председателя вроде бы не испытывал никаких затруднений.

– Я полагаю, что он обладает особыми способностями к языкам. Но если ты собираешься начинать, дорогой, – у меня дома есть учебные программы.

– Договорились! А это что? Вечернее платье?

– Это? Это вообще не одежда. Я купила покрывало на кушетку, а когда принесла домой, обнаружила, что оно не подходит по цвету.

– Это платье. Встань и не шевелись.

– Только не щекочи!

Вариации на тему I Государственные дела

Несмотря на то, что говорил я Старейшему, моему предку Лазарусу Лонгу, правление Секундусом требует больших усилий. Но лишь в продумывании политики и оценке трудов подчиненных. Кропотливая работа не для меня – я предоставляю ее профессиональным администраторам. Но и тогда проблемы планеты, заселенной миллиардом людей, вполне способны завалить человека делами – особенно если он намерен управлять процессами как можно меньше, а это значит: следует держать ухо остро и внимательно следить за подчиненными, чтобы не проявляли чрезмерной активности. Половину времени мне приходится тратить на выявление чересчур инициативных чиновников, а потом следить за тем, чтобы они больше никогда и нигде не занимали никаких общественных должностей.

Затем я, как правило, отменяю всю проделанную ими работу и все задания, выданные ими подчиненным.

Я никогда не замечал, чтобы подобные действия приносили какой-либо вред кому угодно, кроме этих паразитов, которым приходится теперь искать другие способы избежать голодной смерти (они могли бы и поголодать – это куда более полезное во всех смыслах занятие, но этого никогда не случается).

Важно вовремя подмечать эти злокачественные новообразования и удалять их, пока не разрослись. Чем более искусен исполняющий обязанности председателя, тем более выдающиеся образчики способен он обнаружить – и тем больше времени он на них тратит. Лесной пожар сумеет заметить всякий, фокус же в том, чтобы учуять его первый дымок.

Поэтому на мою основную работу – обдумывание политики – времени остается немного. Цель моего правления не в том, чтобы творить добро, а в том, чтобы не наделать зла. Сказать проще, чем сделать. Например, хотя предотвращение вооруженных революций явно входит в мои обязанности по поддержанию порядка, я давно, много лет назад, еще не зная слов Лазаруса, усомнился, правильно ли ссылать потенциальных лидеров революции. А ведь симптом, который меня встревожил, поначалу был настолько ничтожен, что его наличие я осознал лишь через десяток лет.

За все эти десять лет на меня не было совершено ни одного покушения.

И к тому времени, когда Лазарус Лонг возвратился умирать на Секундус, этот тревожный симптом держался уже двадцать лет.

Это был зловещий признак, и я это понимал. Если общество настолько однородно и настолько самодовольно, что среди миллиарда жителей за два десятилетия не смог появиться один-единственный решительный убийца, значит оно серьезно больно, несмотря на то что выглядит здоровым. Как только я это осознал, все последующее десятилетие я обдумывал возникшую проблему и постоянно спрашивал себя: а как бы поступил в подобном случае Лазарус Лонг?

В общем, я знал, как он поступал, потому-то и задумал миграцию – либо чтобы увести с планеты свой народ, либо чтобы убраться с нее самому, если желающих последовать за мной не обнаружится.

Читателю может показаться, что я искал насильственной смерти в каком-то мистическом духе; дескать, «король должен умереть». Вовсе нет! Повсюду и всегда меня окружает незаметная, но надежная охрана, особенности которой я разглашать не намерен. Впрочем, без всякой опаски могу упомянуть три главных меры предосторожности: мой облик публике неизвестен; я почти никогда не появляюсь на людях; а когда вынужден это делать – об этом никогда не

объявляется заранее. Ремесло правителя опасно – не может не быть опасным, – но я не собираюсь погибать «от профессионального риска». И суть «тревожного симптома» не в том, что я еще жив, а в том, что нет мертвых убийц. Выходит, меня перестали ненавидеть настолько, что не желают рисковать. Ужасно. Что я делаю не так?

К тому моменту, когда клиника Говарда известила меня, что Старейший очнулся (напомнив, что, с его точки зрения, прошла только ночь), я не только успел выспаться, но и завершил все неотложные дела, а прочие отложил. Я немедленно направился в клинику. После дезинфекции я прошел к Старейшему и застал его за кофе, он только что кончил завтракать.

Он поглядел на меня и улыбнулся:

– Привет, Айра.

– Доброе утро, дедушка.

Я уже готов был почтительно приветствовать его – в той форме, которую он принял, когда я в прошлый раз пожелал ему доброй ночи, – но ждал знаков, которые говорят «да» или «нет» раньше, чем открывается рот. Даже среди Семейств практикуется большое разнообразие в таких обычаях, а уж Лазарус, разумеется, живет по своим правилам. Поэтому я сокращал дистанцию между нами с большой осторожностью.

Он ответил мне, чуть откинувшись назад, – чего я не заметил бы, если бы не был настроже.

– Здесь посторонние, сынок, – мягко указал он.

Я немедленно остановился.

– Во всяком случае, мне они кажутся чужаками, – добавил он. – Я пытался познакомиться, но они только чирикают на пиджин и обильно машут руками. Но хорошо, когда рядом люди, а не вчерашние зомби, с этими можно поладить. Эй, дорогуша! Поди сюда, будь хорошей девочкой.

Он поманил к себе одного из техников; как обычно дежурили двое, сегодня утром это были женщина и мужчина. Было приятно видеть, что мой приказ выполнен, – женщина была со вкусом одета. Изысканная блондинка, не лишенная привлекательности для тех, кто ценит высоких женщин (не сказал бы, что мне такие нравятся, ведь говорят, что твоя женщина должна помещаться у тебя на коленях... правда, в последнее время на эти занятия у меня что-то не хватает времени).

Она поплыла вперед и остановилась с улыбкой. На ней было что-то в женском стиле – но женская мода чересчур скоротечна, чтобы я мог за ней уследить, к тому же в том сезоне каждая женщина в Новом Риме старалась отличаться от остальных. Но как бы там ни было, что-то переливчато-голубое подходило к цвету глаз и облегалo тело; общее впечатление было весьма приятным.

– Айра, это Иштар... Я правильно произнес на сей раз, дорогая?

– Да, Старейший.

– А вот тот молодой человек – Галахад, хотите верьте, хотите нет. Айра, ты знаешь легенды Земли? Если бы он знал, что означает его имя, то сменил бы его. Это был идеальный рыцарь, так ничего и не добившийся. Я пытаюсь вспомнить, почему лицо Иштар мне знакомо. Дорогая, а вы случайно не были когда-нибудь моей женой? Спроси ее, Айра, – возможно, она меня не поняла.

– Нет, Старейший, никогда. Без всяких сомнений.

– Она поняла, – подтвердил я.

– Ну значит, то была ее бабушка... Девка была – просто огонь, Айра. Пыталась меня убить, пришлось с ней расстаться.

Старший техник быстро сказала несколько слов на галактическом. Я перевел: «Лазарус, она утверждает, что никогда не имела чести быть замужем за вами ни формально, ни по контракту, но вполне готова – только скажите».

– Ого! Нахалка какая – наверняка та девица была ее бабкой. Примерно восемь-девять столетий назад, где-то так, – я могу ошибиться на полвека туда-сюда, – на этой самой планете. Спроси, не бабка ли ей Ариэль Барстоу.

Явно польщенная, техник разразилась потоком слов на галактическом. Выслушав ее, я перевел:

– Она утверждает, что Ариэль Барстоу была ее прапрапрабабкой, и рада слышать, что вы подтвердили ту связь, поскольку это означает ваше родство... а также заявляет, что сочла бы за великую честь – не только для себя лично, но и для всех отпрысков и родных, – если бы вы дали согласие обновить родословную, по контракту или без него. Конечно, после завершения омоложения – она не желает торопить вас. Ну как, Лазарус? Если она уже превысила квоту на число отпрысков, я охотно предоставлю ей дополнительные права, чтобы ей не пришлось мигрировать.

– Черта лысого она меня не торопит! И ты тоже. Но она выражалась вежливо, а потому заслуживает вежливого ответа. Скажи ей, что я польщен и приму предложение к рассмотрению, но не говори, что в четверг я смываюсь. Короче, «не звоните нам, мы сами вам перезвоним», – но скажи так, чтобы она не расстроилась. Она славная девочка.

Я придал ответу дипломатическую форму. Иштар просияла, сделала реверанс и отошла. Лазарус проговорил:

– Кати-ка сюда валун, сынок, присядь ненадолго. – Понизив голос, он добавил: – Между нами говоря, Айра, не сомневаюсь, что Ариэль разочек надула меня – но с кем-то из моих же потомков. Значит, эта девица, конечно же, ведет происхождение от меня, пусть и не по прямой линии. Впрочем, это не важно. Чего ты явился так рано? Я же сказал – приходи через два часа после завтрака.

– Я рано встаю, Лазарус. А правда, что вы решились на полный курс? Она, похоже, не сомневается в этом.

Лазарус болезненно поморщился:

– Возможно, это самый простой выход из моей ситуации, но как знать – получу ли я назад свои собственные яйца?

– Гонады вашего клона, Лазарус, – ваши собственные гонады; это одна из основ теории.

– Что ж... посмотрим. Айра, рано вставать плохо – это тормозит рост и сокращает твои дни. Кстати говоря... – Лазарус посмотрел на стенку. – Спасибо за кнопку. В такое приятное утро она меня не привлекает, но у мужчины всегда должен быть выбор. Галахад, кофе для председателя, а мне тот пластиковый конверт.

Распоряжения свои дедушка Лазарус подкрепил жестами, но, я думаю, техник понял его. А может, уловил телепатически: специалисты по оживлению обычно эмпааты – это необходимость. Техник немедленно подошел к Лазарусу и подал конверт, потом налил мне кофе – пить я не хотел, но следовало подчиниться протоколу.

– Айра, – продолжал Лазарус, – вот мое новое завещание. Прочти, перепиши куда надо и сообщи своему компьютеру. Я уже одобрил текст и велел машине ввести завещание в память. Так что теперь лишиться тебя наследства мог бы только адвокат из Филадельфии, но будь здесь любой из них, он, конечно, справился бы с делом. – Он жестом отослал мужчину-техника. – Хватит кофе, молодой человек, спасибо. Садись. И ты садись, дорогуша Иштар. Айра, а кто эти молодые люди? Медицинские сестры? Сиделки? Слуги? Или еще кто-нибудь? Они трясутся надо мной, как курица над единственным цыпленком. Я всегда старался ограничиваться минимумом услуг посторонних. Мне нужно от них только общение... человеческая компания.

Я не мог ответить, прежде не наведя справок. Зачем мне знать, как организована клиника омоложения? К тому же она является частным предприятием и попечителям не подчиняется. Кстати, директор весьма сожалел о моем вмешательстве в дело Старейшего. Поэтому я старался по возможности не вмешиваться, пока мои приказы исполнялись.

И я на галактическом спросил у женщины-техника:

– Какие у вас обязанности, мэм? Старейший интересуется... Он говорит, что вы ведете себя словно слуги.

– Для нас радость служить ему любыми возможными способами, – невозмутимо ответила она и, помявшись, добавила: – Я Иштар Харди, шеф-администратор, старший техник, мне помогает дежурный помощник техника Галахад Джонс.

Человека, дважды прошедшего омоложение, не удивишь тем, что косметический возраст персоны не соответствует календарному. Но признаюсь, я испытал удивление, узнав, что эта молодая женщина не просто техник, а начальник отделения – быть может, фигура номер три во всей клинике. Или же скорей номер два, поскольку директорша укатила в отпуск, сидеть в палатке – черт бы ее побрал с ее преданностью букве закона. А может, и вообще исполняющая обязанности директора, совместно с начальниками отделений и заместителями своей начальницы, управляющая всем хозяйством.

– Вот как? Я могу узнать ваш календарный возраст, мадам администратор? – спросил я.

– Мистер исполняющий обязанности председателя имеет право задавать любые вопросы. Мне всего сто сорок семь лет, но я обладаю необходимой квалификацией и со времени достижения первой зрелости ни разу не меняла работы.

– Я не сомневаюсь в вашей квалификации, мадам. Просто меня удивляет, что вы дежурите здесь, а не сидите за письменным столом. Впрочем, вынужден признать, что не ведаю, как организована работа клиники.

Она едва заметно улыбнулась:

– Сэр, с тем же успехом я могла бы удивиться вашей персональной заинтересованности в этом случае. Но как мне кажется, я понимаю ее причины. Я нахожусь здесь, потому что ни на кого не могу возложить ответственность, – это же Старейший. Я контролирую всех дежурных – даже самых лучших, которыми мы располагаем.

Об этом мне следовало бы знать.

– Тогда мы понимаем друг друга. Я вполне удовлетворен. Но могу ли я сделать предложение? Старейший – человек независимый, точнее, индивидуалист в высшей степени. Он хочет пользоваться минимумом услуг – только теми, без которых нельзя обойтись.

– Значит, мы слишком докучаем ему, сэр? Мы чересчур услужливы? Мы можем остаться за дверью и наблюдать оттуда, но тем не менее в нужную секунду оказаться под рукой.

– Возможно, вы действительно слишком услужливы. Но оставайтесь у него на виду. Он нуждается в обществе.

– О чем шумим? – поинтересовался Лазарус.

– Мне пришлось кое-что выяснить, дедушка, – я не знаком во всех подробностях с организацией работы клиники. Иштар не прислуга – она техник, и к тому же очень квалифицированный, а это ее помощник. И они рады услужить вам.

– Мне лакеи не требуются – сегодня я себя хорошо чувствую. Если мне что-нибудь понадобится, я позову: не нужно все время торчать возле меня. – Он ухмыльнулся. – Впрочем, она прелестная девочка, и все при ней – приятно иметь такую рядом. И движется, как кошка: без костей, словно течет. Действительно похожа на Ариэль... Я говорил тебе, почему она пыталась убить меня?

– Нет, но хотелось бы узнать, если вам угодно поделиться со мной.

– Мм... напомни, когда Иштар не будет поблизости, – по-моему, она на самом деле знает английский гораздо лучше, чем изображает. Но я обещал говорить, пока ты обнаруживаешь желание слушать. О чем бы ты хотел узнать?

– О чем угодно, Лазарус, Шахерезада сама выбирала тему.

– Да, так оно и было. Но у меня эти темы сами с языка не прыгают.

– Что ж... Когда я вошел, вы сказали, что вставать рано – грех. Вы действительно так думаете?

– Возможно. По крайней мере Дедуля Джонсон именно так считал. Он все рассказывал отцу историю о том, как человека должны были расстрелять на рассвете, но он проспал и все пропустил. В тот же день его приговор отменили, и он прожил еще сорок или там пятьдесят лет. Говорил, что этот случай подтверждает его слова.

– И вы думаете, это правдивая история?

– Не более, чем все истории Шахерезады. Я лично воспринимал ее так: спи, пока можешь, ибо неизвестно, сколько потом придется бодрствовать. Вставать спозаранку, Айра, может быть, и не грех, но уж, безусловно, не добродетель. Старая поговорка о ранней пташке как раз и свидетельствует о том, что червячку следовало оставаться в постели. Не выношу людей, хвастающихся тем, что рано встают.

– Я не хотел хвастаться, дедушка. Просто привык – работа заставляет. Но я не утверждал, что это добродетель.

– Что именно? Работа или раннее вставание? Ни то ни другое не добродетель. Встав пораньше, больше работы не сделаешь. Ведь бечевка не станет длиннее, если ты отрежешь один из ее концов и навяжешь на другой. Если встанешь пораньше, зевающий и все еще усталый, на самом деле сделаешь меньше. Не сможешь сосредоточиться – наделаешь ошибок, и все придется переделывать. Подобная бурная деятельность обернется ущербом себе самому. И не доставит удовольствия. Кроме того, понапрасну рассердишь соседей, если станешь возиться у коровы с подоишкой посреди ночи. Айра, прогресс двигают не те, кто рано встает, его стимулируют лентяи, старающиеся облегчить себе жизнь.

– Из-за тебя я начинаю думать, что понапрасну истратил четыре столетия.

– Возможно, так и было, сынок, – если ты вставал спозаранку и усердно трудился. Но менять плохие привычки никогда не поздно. И ни о чем не сожалей – я тоже попусту растратил большую часть своей долгой жизни, хотя, быть может, и более приятным образом. А не хочешь ли послушать рассказ о человеке, сделавшем из лени искусство? Он положил свою жизнь, чтобы проиллюстрировать принцип наименьшего действия. Это подлинная история.

– Безусловно. Но я вовсе не требую, чтобы она была подлинной.

– О Айра, я не позволю правде ограничить мое красноречие – в душе я солипсист. Слушай же, о могучий царь.

Вариации на тему II Сказка о человеке, который был слишком ленив, чтобы ошибаться

Он был моим приятелем во флотском училище. Я имею в виду не космический флот – все это происходило раньше, чем человечество добралось до спутника Земли. Это был мокрый флот: корабли плавали по воде и пытались потопить друг друга, зачастую с прискорбным успехом. Я впутался в это дело, вероятно, по молодости и потому, что как-то понять не мог, что коли мой корабль потонет, то, скорее всего, и мне с ним придется идти на дно. Но эта история не обо мне, а о Дэвиде Лэме²¹. Чтобы понять Дэвида, следует обратиться к его детству. Он был для нас деревенщиной, то есть явился из мест, даже по тогдашним меркам считавшихся нецивилизованными, – а Дэвид появился из такой глухой глухомани, что там вместо петухов совы кур топчут.

Образование он получил в сельской однокомнатной школе и покончил с ним в тринадцать лет. Учиться-то он любил – потому что в школе ничего не нужно было делать, только сидеть и читать. А вот до и после занятий приходилось пахать на семейной ферме. Работу эту он ненавидел, потому что она называлась «честным трудом», что на самом деле означало «тяжелый, грязный, бесконечный и скудно оплачивавшийся». Кроме того, его заставляли вставать ни свет ни заря, чего он терпеть не мог. В общем, окончание школы стало для него самым черным днем в жизни: теперь ему предстояло «честно трудиться» уже весь долгий день и забыть про шести-, семичасовой отдых за партой. И вот однажды он провел в жаркий день за плугом пятнадцать часов, и чем больше он глядел на южную оконечность мула, к которому был подвязан этот самый плуг, чем больше дышал пылью и отирал со лба честный трудовой пот, тем больше он ненавидел эту работу.

Этой же ночью он без всяких формальностей покинул дом, прошел пятнадцать миль до ближайшего городка и уснул на самом пороге почты...

Когда жена почтмейстера открыла наутро заведение, он сразу же записался во флот. За ночь он сумел постареть на два года... из пятнадцати вышло семнадцать, возражений ни от кого не последовало.

Мальчишки часто быстро взрослеют, оставляя родной дом. Установить истину было сложно, в те времена в тех краях про метрические записи слыхом не слыхивали. А Дэвид был парнем широкоплечим, шести футов роста, мускулистым, пригожим и взрослым на вид. Разве что озирался подчас диковато.

Флот вполне устроил Дэвида. Ему выдали ботинки и новую одежду, дали возможность покататься по воде и повидать разные странные и интересные места – причем без всяких там мулов и пыльных кукурузных полей. От него ждали работы – не такой тяжелой, как на ферме в горах, – и, вычислив политическую расстановку сил на корабле, он овладел умением не перерабатывать, но тем не менее ублажать местных божков – младших офицеров. Впрочем, полного удовлетворения он не испытывал – все равно приходилось рано вставать, а иногда и выстаивать

---

²¹ Свидетельств, подтверждающих, что Старейший обучался в военно-морском или любом другом военном училище, нет. С другой стороны, отсутствуют и доказательства обратного. История эта может оказаться в известной степени автобиографичной, ну а имя Дэвид Лэм – одним из многочисленных имен Вудро Уилсона Смита. Детали повествования не противоречат истории Старого отечества, какой мы ее знаем. Первое столетие жизни Старейшего совпало по времени с веком непрекращающихся войн, который предшествовал Великому кризису. Большому научному прогрессу в этом веке сопутствовал регресс в социальной сфере. Ведение боевых действий в те времена осуществлялось с помощью морских и воздушных судов. Терминологию и технические характеристики см. в Приложении. – *Джс. Ф. 45-й.*

ночные вахты, драить палубу и выполнять прочие обязанности, несовместимые с его ранимой натурой.

Тогда-то он и услышал об училище кандидатов в офицеры, «гардемаринов» – так это тогда называлось. Дэвиду было наплевать, как их называют, – все дело было в том, что флот намеревался платить ему за то, что он будет сидеть и читать книги – именно таким ему представлялся рай, – и выкинуть из головы ненадраенную палубу и младших офицеров. О царь, не скучно ли тебе? Нет? Хорошо. Конечно, для поступления в такое училище Дэвиду не хватало знаний – четырех или пяти лет обучения математике, естественным наукам или тому, что считалось таковыми, языкам, истории, литературе и так далее... и так далее.

Приписать себе четыре года отсутствующего обучения оказалось куда сложнее, чем накинуть пару лет к возрасту. Но флот стремился к тому, чтобы матросы росли, становились офицерами, и поэтому для кандидатов с небольшими пробелами в академической подготовке учреждены были специальные курсы. Дэвид считал, что «небольшие пробелы» хорошо описывают состояние его образования. Он заявил самому главному младшему офицеру, что «немного пропустил» в средней школе – что было отчасти верно: легко что-нибудь «пропустить», если от твоего дома до ближайшей школы полграфства.

Уж и не знаю, каким образом Дэвид сумел добиться рекомендации от своего старшины, – сам он об этом не распространялся. Достаточно сказать, что, когда корабль Дэвида, разведя пары, отправился в Средиземное море, сам Дэвид остался в Хэмптон-Роуде – за шесть недель до начала занятий на специальных курсах. Его приняли сверх комплекта. Офицер-кадровик (точнее, чиновник) определил Дэвиду кубрик и место в столовой и велел проводить дневные часы подальше от глаз начальства – в пустых классных комнатах, где через шесть недель он встретится со своими будущими коллегами. Дэвид так и поступил; в классах оказалось множество всяких книг, используемых для пополнения знаний в случае недостатка оных. У Дэвида знаний не было вовсе. И, скрываясь от начальственных очей, он сидел и читал.

Этого ему хватило.

После начала занятий Дэвид даже помогал преподавателю Эвклидовой геометрии, предмета необходимого и, быть может, самого трудного. И через три месяца уже принимал присягу кадетом в Вест-Пойнте²² на прекрасных берегах Гудзона.

Дэвид не понимал, что попал из огня в полымя; садизм младших офицеров ничто по сравнению с жуткими издевательствами, которым кадеты-первогодки – «салаги» – подвергались со стороны учащихся из старших классов, в особенности самых старших, которых нетрудно принять за уполномоченных Люцифера в этом заорганизованном аду.

Однако у Дэвида было три месяца на то, чтобы это обдумать и сообразить, что делать, – в это время старшекласники занимались мореходной практикой и маневрами. Насколько он понял, если ему удастся избежать опасностей оставшиеся девять месяцев – все королевства Земли будут принадлежать ему. И он сказал себе: раз девять месяцев способны выдержать и корова и герцогиня, значит смогу и я.

Он разделил все опасности на те, которых лучше избежать, те, которые можно выдержать, и те, которых следует искать активно. И к тому времени, когда господа и повелители возвратились, дабы попирать ногами салаг, он уже выработал политику для каждой типичной ситуации и подготовил соответствующую доктрину, изменения в которую вносил, только чтобы отразить некоторые тактические изменения, не прибегая к поспешным необдуманым импровизациям.

Айра – о царь, я хочу сказать! – выжить в трудной ситуации гораздо важнее, чем это может показаться. Например, Дедуля – родной дед Дэвида, конечно же, – всегда учил Дэвида не сидеть спиной к двери. «Сынок, – говорил он, – девятьсот девяносто девять раз ты уцелеешь, и ни один твой враг не войдет через эту дверь. Но не в тысячный». Если бы мой собствен-

---

²² Вест-Пойнт – военная академия США.

ный дед всегда следовал этому правилу, он дожил бы до сегодняшнего дня и все еще шастал бы по чужим спальням. Он прекрасно знал правило и оступился только однажды – слишком уж хотелось усесться за покер. Вот он и сел на единственный свободный стул, который стоял спинкой к двери. Это его и сгубило. Он вскочил со стула и успел по три раза выстрелить из каждого револьвера в своего убийцу, прежде чем упал: мы не умираем покорно. Но победа оказалась лишь моральной: вскочив с места с пулей в сердце, он был уже мертвецом. Вот что значит садиться спиной к двери.

Айра, я никогда не забывал слов Дедули – смотри, ты тоже не забывай.

Итак, Дэвид классифицировал опасности и подготовил доктрины. В частности, следовало опасаться бесконечных вопросов, а он уже успел убедиться, что салаге не разрешается отвечать «не знаю, сэр», особенно выпускнику. Но вопросы можно было разделить на ряд категорий: история училища, история флота, известные морские поговорки, имена капитанов и спортивных звезд... сколько секунд до выпуска и что дадут на обед. Все это его не смущало – ответы можно было запомнить, за исключением количества секунд, оставшихся до выпуска. И он придумал формулы, которыми успешно обходился в последующие годы.

– Какие формулы, Лазарус?

– Ничего особенного. Расчетное число на момент пробуждения и поправка с учетом каждого прошедшего часа. Скажем, через пять часов после пробуждения в шесть утра – следует прибавить восемнадцать тысяч секунд к базовому числу. Прошло двенадцать минут – прибавь еще семьсот двадцать секунд. Так что в полдень сего дня перед выпуском, например в двенадцать ноль одну и тринадцать секунд, считая, что выпуск произойдет в десять утра, Дэвид мог ответить: «Восемь миллионов шестьсот тридцать две тысячи семьсот двадцать семь секунд, сэр!» – выпаливая ответ быстрее, чем старший успевал задать вопрос, только потому, что основные цифры были рассчитаны заранее.

В остальное время дня он просто глядел на циферблат, как бы дожидаясь, чтобы стрелка подошла к нужной отметке, – но на самом деле производил в уме вычисления.

Но он упростил этот процесс: он изобрел десятичные часы – не те, что вы используете здесь, на Секундусе, а основанные на двадцатичетырехчасовых земных сутках, с их шестидесятиминутным часом и минутой, состоящей из шестидесяти секунд. Он разбил время после пробуждения на большие и маленькие интервалы в десять тысяч, тысячу и сотню секунд. И заучил таблицу перевода.

Видишь преимущество? Любому из нас, кроме Энди Либби, упокой, Господи, его безгрешную душу, проще вычесть десять тысяч или тысячу из длинной строчки цифр, чем семь тысяч двести семьдесят три, как в приведенном мною примере. Новый метод Дэвида позволял избежать дополнительных вычислений. Например, десять тысяч *секунд* после пробуждения – это восемь часов сорок шесть минут сорок секунд. Когда Дэвид составил свою таблицу и заучил ее, на что ушло меньше дня – он легко запоминал цифры, – определять необходимое значение стало гораздо легче: он мгновенно высчитывал наступающий стосекундный интервал, а затем прибавлял (не вычитал) две цифры текущего времени, чтобы из приближенного ответа сделать точный. Две последних позиции всегда замещались нолями – проверь сам, – и он мог назвать все миллионы секунд и при этом не ошибиться.

Поскольку метода своего он не объяснял, решили, что он прирожденный счетчик – гениальный идиот, наподобие Либби. Он был не идиотом – а сельским мальчишкой, сумевшим воспользоваться головой для решения простой задачи. Но староста группы, раздраженный тем, что Дэйв оказался «мистером всезнайкой» – а это значило: сделал такое, что самому старосте не под силу, – приказал ему выучить наизусть таблицу логарифмов. Дэйва это не смутило – пугал его только «честный труд». И он принялся за дело, выучивая каждый день по двадцать чисел. По мнению старосты, этого было достаточно, чтобы проучить этого «мистера всезнайку».

Первым сдался староста – к этому времени Дэвид одолел только первые шестьсот чисел, но продолжал их учить еще три недели, в пределах первой тысячи, но уже для себя. Интерполяция позволила ему получить первые десять тысяч чисел и избавиться от необходимости сверяться с таблицами логарифмов – вещь чрезвычайно полезная в те времена, когда компьютеров не существовало.

Непрекращающийся шквал вопросов не смущал Дэйва – разве что из-за них можно было остаться без обеда, и он научился быстро глотать пищу, внимательно прислушиваясь и быстро отвечая на сыпавшиеся на него вопросы. Некоторые из вопросов были с подвохом, например: «Мистер, вы девственник?» Как бы ни ответил салага, ему было несдобровать. В те дни вопросов невинности и ее отсутствия уделялось повышенное внимание, не могу сказать почему.

Но заковыристые вопросы требовали соответствующих ответов; Дэйв обнаружил, что на данный вопрос можно ответить: «Да, сэр! Мое левое ухо, сэр!». Или «пупок».

Но по большей части провокационные вопросы предназначались для того, чтобы салага проявил кротость в ответе, а это считалось смертным грехом. Скажем, старшекурсник спрашивал: «Мистер, вы могли бы сказать, что я красив?» – приемлемым ответом было: «Возможно, ваша мать и сказала бы такое, сэр, но не я». Или: «Сэр, вы самый красивый человек, какого я когда-либо видел, из тех, что должны были родиться обезьяной».

Такие ответы были хитростью – они могли бы щелкнуть старшекурсника по носу, но они были более безопасными, чем кроткие ответы. И как салага ни старался, как ни пытался удовлетворить всем немислимым требованиям, но раз в неделю какой-нибудь старшекурсник решал, что того следует наказать – без суда, но строго. Наказания различались от мягких – многократно, до упаду, повторения упражнений, – их Дэвид особенно не любил, они напоминали ему о «честном труде», – до сильных: самой настоящей порки пониже спины. Ты, Айра, наверное, скажешь: чего тут страшного? Но я говорю не о шлепках, которые получают иногда дети. Здесь побои наносились либо клинком плашмя, либо щеткой, приколоченной к длинному древку. Трех ударов, нанесенных здоровым взрослым человеком, хватало, чтобы превратить сидалище жертвы в сплошной кровоподтек, доставляющий мучительную боль.

Дэвид старался избегать инцидентов, которые могли привести к этой изощренной пытке, но уклониться совсем было нельзя – разве что бросить учебу, – потому что некоторые старшекурсники были просто садистами. Когда настал его час, Дэвид стиснул зубы и терпел, справедливо полагая, что ему придется бежать из училища, если он бросит вызов власти старшекурсников. Так он думал, глядя на южную оконечность нового мула, и терпел.

Но его личной безопасности и перспективам на жизнь, свободную от «честного труда», грозили и другие не менее серьезные напасти.

Армейский мистицизм включал в себя идею о том, что перспективный офицер должен преуспевать и в атлетических видах спорта. Не спрашивай почему, рациональное объяснение здесь возможно не более, чем в иных из областей теологии.

Итак, у салаг выхода не оставалось, приходилось заниматься спортом. Два часа каждый день, которые номинально считались свободным временем, Дэвиду приходилось тратить не на дремоту и не на мечты в библиотеке, а на утомительные упражнения.

Хуже того, иные виды этого спорта не только вынуждали Дэвида на неоправданные энергетические затраты, но и угрожали столь ценимой им собственной шкуре. «Бокс» – давно забытый, совершенно бесцельный, условный вид поединка, в котором двое мужчин избивали друг друга определенное время или пока один из бойцов не лишится сознания. Еще был «лакросс» – вид сражения, заимствованный у дикарей, прежде населявших тот континент, в нем банды мужчин дерутся дубинками. У них есть специальный метательный снаряд, с помощью которого устанавливался счет, – и это отличная возможность получить рваную рану или даже перелом от удара дубиной, что повергало нашего героя в уныние.

Еще была штукавина, которая называлась «водное поло», когда две команды пловцов пытались друг друга утопить. Дэвид избегал этой забавы, делая вид, что едва умеет плавать – только чтобы не исключили из училища, – очень полезный навык. Пловец-то он был великолепный – выучился плавать в семь лет, когда пара кузенов столкнула его в ручей, – но старательно скрывал свое умение.

Самый престижный вид спорта именовался «фут бол», и старшекурсники оценивали каждую новую группу жертв, отбирая кандидатов, у которых были способности или которых можно было обучить преуспеть в этом организованном побоище. Дэвиду не приводилось прежде видеть такое, но уже при первом взгляде ужас переполнил его кроткую душу.

Стоит ли удивляться: две банды по одиннадцать человек гоняли надутый продолговатый пузырь по огромному полю, преодолевая сопротивление конкурирующей команды. Были там разные ритуалы и малопонятная терминология, но идея была проста.

На первый взгляд это вполне безобидно и довольно глупо. Конечно, чистая глупость – но небезопасная, поскольку ритуалы позволяли банде противников применять против человека с мячом дюжину насильственных приемов. Самый мягкий позволял перехватить его на бегу и бросить на поле, словно мешок с костями. Иногда на владеющего мячом набрасывались трое или четверо соперников, совершая при этом недостойные и грубые действия, ритуалами недопускаемые, но скрытые грудой тел.

Считалось, что подобные действия не приводят к смерти. Но изредка случалось и такое, увечья же были делом обычным.

К несчастью, у Дэвида были просто идеальные данные для этого «фут бола» – рост, вес, зрение, быстрота ног и скорость реакции. И старшекурсники после возвращения с морских учений непременно наметили бы его в качестве добровольного кандидата в «священные жертвы».

Пора было совершать маневр уклонения. Спаситься от этого «фут бола» можно было, только занявшись другим видом спорта. И он его нашел.

Айра, ты представляешь себе, что такое фехтование? Хорошо, значит, можно говорить прямо. В истории Земли было такое время, когда меч, которым непрестанно пользовались четыре тысячелетия, перестал быть оружием. Но как пережиток меча тогда еще существовали и сохраняли отчасти тень древней своей репутации. Считалось, что джентльмен должен был уметь пользоваться мечом и...

– Лазарус, что такое «джентльмен»?

– Что? Не перебивай меня, мальчик, а то собьюсь. «Джентльмен» – это... э-э-э... Хорошо, дай-ка подумать. Общее определение... Боже, все это достаточно сложно. Некоторые говорили, что это врожденное, – но то была лишь жалкая попытка сказать, что особенность передавалась генетическим путем. Причем попытка, нисколько не говорящая о том, что это была за особенность. Предполагалось, что джентльмен предпочитает быть мертвым львом, чем живым шакалом. Лично я всегда предпочитал быть просто живым, что выводит меня за пределы правил. Мм... если серьезно, можно сформулировать так: качество, обозначаемое этим названием, знаменовало медленное проявление в человеческой культуре этики более высокой, чем простая личная заинтересованность, – чересчур медленное, с моей точки зрения, – на нее все еще нельзя опереться в трудной ситуации.

Как бы то ни было, в те времена офицеры считались джентльменами и носили мечи. Даже летчики, один Аллах знает почему.

Итак, кадеты не просто считались джентльменами, в стране существовал закон, в котором говорилось, что они джентльмены. А потому они учились владеть холодным оружием – знать хотя бы начальные основы, чтобы не порезать себе руки или не зарубить случайно подвернувшегося очевидца. Для того чтобы вести бой, этого было недостаточно, просто все сводилось к тому, чтобы они не выглядели слишком глупо, когда протокол требовал ношения этих мечей.

Но фехтование относилось к числу признанных видов спорта. Оно не было таким престижным, как футбол, бокс, даже водное поло, но в перечень входило, а потому было доступно салаге.

Дэвид усмотрел в этом лазейку. Элементарное физическое соображение: если он находится на фехтовальной дорожке, значит не может оказаться на футбольном поле под ногами беснующихся горилл в шипастых ботинках. И задолго до возвращения с моря старшекурсников кадет-салага Лэм завоевал себе место в фехтовальной команде. С отметкой, что он не пропускает ни одной тренировки и уже стал «перспективным».

В тех краях и в те времена фехтовали тремя видами оружия: саблей, шпагой и рапирой. Первые два вида являлись настоящим оружием. Конечно, лезвия были затуплены, а острия скруглены, тем не менее человек мог пострадать, даже получить смертельную рану, хотя такое случалось очень редко. А вот рапира оказалась легкой игрушкой – псевдомечом, клинок которого изгибался при малейшем усилии. Поединок с таким оружием только имитировал настоящий и был опасен не более чем игра в блошки. Так что Дэвид предпочел именно это «оружие».

Оно было словно создано для него. Весьма надуманные правила фехтования рапирами давали огромное преимущество тем, кто обладал быстрыми рефлексами и остротой ума, – а Дэвид был именно таким. Конечно, оно требовало некоторых физических усилий, но не таких больших, как лакросс, футбол или даже теннис. Самое главное, оно не требовало физического противостояния в прямом контакте с противником, того, что Дэвид находил крайне неприятным во всех грубых играх и чего старательно избегал. И он целеустремленно предался тренировкам, чтобы максимально обезопасить свое убежище.

Он так старательно защищал свое убежище, что еще до завершения первого курса стал национальным чемпионом по фехтованию среди юношей. Командир отделения волей-неволей начал улыбаться ему – это выражение казалось абсолютно неуместным на его лице. Командир роты кадетов впервые заметил его и поздравил.

Успехи в фехтовании позволяли ему даже избегать некоторых телесных наказаний. Однажды в пятницу вечером, ожидая порки за вымышленное нарушение, Дэвид сказал своему учителю: «Сэр, если у вас нет особых оснований сделать это именно сегодня, я бы предпочел получить удвоенное число горячих в воскресенье. Завтра мы фехтуем с принстонскими салагами, и, если вы проявите привычное рвение, я потеряю быстроту реакции».

Соображение оказалось веским – ведь любая победа флота в любое время и в любой сфере, согласно священной традиции, имела неоспоримый приоритет, ради которого следовало жертвовать даже праведным удовольствием надрать «слишком умную задницу». И староста ответил: «Вот что, мистер. После ужина в воскресенье зайдешь ко мне в комнату. Если завтра проиграешь, получишь удвоенную дозу лекарства. Но если выиграешь – отменим лечение».

Дэвид выиграл все три поединка.

Словом, фехтование позволило ему прожить опасный первый год, сохранив в целостности свою драгоценную шкуру, за исключением нескольких шрамов на заднице. Наконец он оказался в безопасности, оставалось три легких года, поскольку лишь первогодки подвергаются физическим наказаниям и только первогодке можно приказывать участвовать в организованном побоище.

<Опущено>

Впрочем, Дэвид все же уважал один контактный вид спорта, издревле сохранявший свою популярность; основам его он научился на склонах тех самых холмов, от которых бежал. Но заниматься им полагалось с девушкой, и официальным признанием в училище он не пользовался. Напротив – был строго запрещен, и нарушавшие правила кадеты изгонялись без всякой пощады.

Но Давид, как и все истинные гении, питал к правилам, установленным другими людьми, исключительно прагматический интерес – в жизни он руководствовался одиннадцатой заповедью и ни разу не попался. И в отличие от прочих кадетов, из пустого тщеславия заманивавших девиц в казармы или же ночью отправлявшихся на поиски приключений, Дэвид держал свою деятельность в тайне. И только знавший его близко мог бы сказать, насколько увлекался он этим контактным видом спорта. Но его никто не знал хорошо.

А? Девицы-кадеты? Разве я уже не объяснил, Айра? Кадетов женского пола на флоте не было. Не было вообще ни одной женщины, кроме нескольких медсестер. В частности, в этом училище не могло быть никаких девиц: специальная охрана денно и нощно охраняла от них кадетов. Не спрашивай меня почему. Так было принято на флоте – других причин не требовалось. На самом деле на всем флоте не нашлось бы такой работы, с которой не справилась бы женщина или евнух, – но по давней традиции флот комплектовался исключительно мужчинами.

Представь себе, буквально через несколько лет эту традицию поставили под сомнение, сначала понемногу и осторожно, ну а к концу столетия, как раз перед началом коллапса, на флоте оказалось полно женщин на всех уровнях. Я вовсе не хочу сказать, что именно этот факт и явился причиной коллапса. Тому были вполне очевидные причины, и я не стану сейчас в них вдаваться. Эта перемена, скорее всего, не имела значения или же даже слегка отодвинула неизбежное.

В любом случае к нашей сказке о ленивом парне это не имеет никакого отношения. Когда Дэвид обучался в училище, предполагалось, что кадеты могут встречаться с девушками, но изредка и в обстановке в высшей степени традиционной, в рамках весьма строгого протокола и под присмотром дуэний²³. И вместо того чтобы восстать против правил, Дэвид находил в них лазейки и пользовался ими – и его ни разу не поймали.

В каждом категорическом запрете есть свои лазейки, любой сухой закон порождает своих бутлегеров, флот – в целом – устанавливал неисполнимые правила; тот же самый флот в лице отдельных его членов нарушал их – в особенности эти забавные сексуальные ограничения. Показное монашество на службе сменялось разгулом похоти и сластолюбия после нее. В плавании даже самые невинные способы избавления от сексуального напряжения по обнаружении карались самым строгим образом. Хотя всего лишь столетием ранее подобные технические нарушения нравов встречались с известным пониманием и прощались. Но теперешний флот относился к взаимоотношениям полов лишь с чуть большим ханжеством, чем социальная матрица, частью которой он являлся, и правила поведения в нем были только на йоту строже, чем те, которым подчинялось все общество. Айра, общественный сексуальный кодекс тех лет трудно себе даже представить, нарушения его порождались его же фантастическими требованиями. Но каждое действие имеет равное противодействие, направленное в обратную сторону, – прошу прощения за банальность.

Не буду вдаваться в детали, достаточно сказать, что Дэвид нашел способ выполнять все положенные предписания и относительно секса – но так, чтобы не свихнуться, как случилось со многими его одноклассниками. Добавлю одно: по слухам, от Дэвида забеременела молодая девица. Несчастный случай – вещь весьма обычная в те времена, но неизвестная сегодня! Тогда же – поверь мне! – это была настоящая катастрофа.

Почему? Просто прими к сведению, что это действительно была катастрофа. Можно бесконечно объяснять, как было устроено тамошнее общество, но ни один цивилизованный

---

²³ О термине «дуэнья». Слово это имеет два значения: 1) персона, обязанная предотвращать сексуальные контакты между особами мужского и женского пола, не имеющими официального разрешения на подобные контакты; 2) персона, которая спуска рукава выполняет подобные обязанности, в действительности выступая в роли доброжелательного наблюдателя. Похоже, что Старейший использует это слово в первом значении, а не в прямо противоположном по смыслу втором. См. Приложение. – *Джс. Ф. 45-й.*

человек этому все равно не поверит. Кадетам запрещалось жениться, а молодой женщине в подобном положении необходимо было выйти замуж... прочие способы исправления подобных ошибок в те времена были практически недостижимы и физически весьма опасны для нее.

Способ, которым Дэвид решил проблему, иллюстрирует весь его подход к жизни. Всегда следует выбирать из двух зол меньшее и бестрепетно принять его. Он на ней женился.

Не знаю, как он ухитрился сделать это и не попасться. Но могу представить себе известное количество способов: простые и довольно надежные – или же сложные, а потому чреватые неудачей; полагаю, что Дэвид выбрал один из простейших.

И ситуация из невозможной сразу сделалась терпимой. Отец девушки из врага, готового отправиться к коменданту училища и поведать ему всю историю, в результате чего Дэвид мог вылететь из училища за несколько месяцев до его окончания, превратился в союзника и партнера, озабоченного тем, чтобы сохранить женитьбу в тайне и дать зятю возможность завершить образование и взять на себя ответственность за непутевую дочь.

Дэвид получил и дополнительную выгоду – у него отпала необходимость хитрить и выкручиваться, чтобы заниматься любимым видом спорта. Увольнения он проводил в беззаботной домашней обстановке под идеальным присмотром собственной дуэньи²⁴.

Что же касается учебных занятий Дэвида, нетрудно предположить, что молодой человек, способный за шесть недель бесконтрольного чтения усвоить науки, изучаемые в школе четыре года, легко мог бы стать первым учеником в классе в академическом плане. И это окупилось бы в дальнейшем деньгами и рангом, поскольку место молодого офицера в списке продвижения определяется его статусом при выпуске. Но конкуренция за первое место идет по-настоящему жесткая, и, что еще хуже, подобное достижение делает кадета слишком заметным на общем фоне. Дэвид понял это, будучи еще свежеспеченным салагой. «Мистер, вы тут самый умный?» – здесь «умный» подразумевалось в плане образования – еще один каверзный вопрос, ответив на который салага получал свое, независимо от того, отвечал он «да» или «нет».

Но второе или даже десятое место были практически ничем не хуже первого. Дэвид сумел подметить кое-что еще. Четвертый год обучения стоил четырех первых; предпоследний, третий, – трех, и так далее... Иными словами, успеваемость первогодки не слишком влияла на итоговую позицию в рейтинге, добавляя всего лишь один балл из десяти.

Дэвид решил не высовываться – решение разумное, когда по тебе палят. Первое полугодие он завершил, будучи где-то посередине списка успеваемости, – положение безопасное, почтенное, не вселяющее подозрений. А по итогам всего первого года оказался в верхней его четверти – к тому времени старшекурсники думали уже только о выпуске и не обращали внимания на его статус. Еще через год он переместился в число первых десяти процентов, на третий – поднялся вверх еще на несколько мест, а в последний год, самый важный, взялся за учебу засучив рукава и в итоге закончил школу шестым – на самом деле вторым, поскольку двое из опередивших его решили оставить командирскую профессию и сделаться специалистами, один испортил зрение усердными занятиями и не получил диплома, а еще один ушел в отставку сразу же после окончания училища.

Но тщательный подход Дэвида к обучению никак не раскрывает его истинного таланта – умения лениться. В конце концов, сидеть и читать было его вторым любимым занятием, и любое дело, требующее великолепной памяти и логики, давалось ему без труда.

Во время учебного морского похода, которым начинался последний год обучения Дэвида, группа его одноклассников заспорила о том, на какой чин каждый может рассчитывать. К тому времени все прекрасно представляли, кому быть офицером. Командовать кадетами суждено Джейку – если только он не свалится за борт. А кто получит его батальон? Стив? Или Вонючка?

---

²⁴ Очевидно, контекст предполагает второе значение данного слова. – *Дж. Ф. 45-й.*

Кто-то предположил, что кандидатом может оказаться Дэйв. Он слушал и помалкивал, как подобает тому, кто решил не высовываться. Айра, это едва ли не третий способ лгать – во всяком случае молчать много проще, чем говорить и ничего не сказать. К тому же молчаливый приобретает репутацию мудреца. Сам я к ней никогда не стремился: разговоры – это второе из трех истинных удовольствий нашей жизни, единственное, что отличает нас от обезьяны. Впрочем, разница невелика.

Но тут Дэвид нарушил – или сделал вид, что нарушил, – свою привычную сдержанность. «Нет, – сказал он, – никаких батальонов. Я буду полковым адъютантом. Хочу, чтобы меня замечали девушки».

Быть может, его слов никто не принял всерьез – полковой адъютант ниже батальонного командира. Но их, безусловно, передадут определяющим должности офицерам, и Дэвид знал: скорее всего, это сделает назначенный от кадетов командир полка.

Не важно, как это вышло, но Дэвида назначили полковым адъютантом.

В военных частях того времени полковой адъютант был на виду один, и гостящие на маневрах дамы не могли не заметить его. Но вряд ли это входило в планы Дэвида.

Полковой адъютант выходил на построение только в случае построения всего полка. Он не ходил строем из класса в класс, всегда сам по себе. Прочие выпускники командовали каким-нибудь подразделением – отделением, взводом, ротой, батальоном, полком; полковой адъютант был избавлен от подобной обузы и исполнял одно административное поручение: хранил список вахт самых старших кадетов-офицеров. Но сам в этом списке не значился, а являлся внештатным заместителем на случай болезни кого-нибудь из них.

Для лентяя это был настоящий подарок. Кадеты-офицеры народ здоровый, и шансы на то, что кто-то достаточно серьезно заболит, варьировались от пренебрежимо малых до полного нуля.

Три года герой наш отстаивал свою вахту каждый десятый день. Дежурства от него особых усилий не требовали, но приходилось вставать на полчаса раньше или ложиться на полчаса позже, да еще подолгу стоять, так что уставали ноги, что шло вразрез с трепетным отношением Дэйва к собственному комфорту.

Но в последний год на долю Дэвида выпало только три вахты, да и те он «стоял» сидя, как «младший офицер караула».

Наконец настал долгожданный день. Учеба была закончена. Дэвид получил документы, а потом направился в церковь, где еще раз сочетался браком с собственной женой. Живот ее оказался чуть более округлым, чем следовало бы, но в те времена подобные вещи нередко случались с невестами, и когда молодая пара вступала в брак, обо всем преспокойно забывали. Все знали – хотя и редко упоминали об этом, – что ретивая молодая невеста вполне способна за семь месяцев управиться с тем делом, на которое у коровы – как и у герцогини – уходит девять.

Итак, Дэйв благополучно миновал все рифы и мели и мог уже не опасаться возвращения к своему мулу и «честному труду».

Но в жизни младшего офицера на военном корабле оказались свои недостатки. Было в ней кое-что неплохое – слуги, удобная постель, непыльная работа, от которой руки Дэвида редко становились грязными. И в два раза больше денег. Но ему все равно нужно было больше – жена ведь; к тому же корабль его слишком часто болтался в море, тем самым лишая Дэйва той приятной компенсации, которую предоставляет брак. Но что хуже всего – приходилось выстаивать вахты по короткому списку, который означал четырехчасовое дежурство каждую вторую ночь. Он не высыпался, ноги его гудели.

Поэтому Дэвид пошел учиться на авианавта. Флотское начальство только что решило завести свои воздушные силы, а потому старалось заграбастать все что можно – лишь бы не

попало в чужие руки, а именно в руки армии. Но армия успела подсуетиться раньше, флот отставал, а потому нуждался в добровольцах для полетов.

Дэвида быстро списали на берег, чтобы проверить, есть ли у него задатки аэронавта.

Их было в избытке! Помимо умственных и физических качеств, он обладал высшей степенью мотивации: на новой службе можно было сидеть – и на учебе, и во время полетов. Ночные вахты, само собой, отменялись, и он получал полтора оклада за то, что сидел на работе и спал дома в собственной постели; к тому же полеты считались делом опасным, а потому за них еще и доплачивали.

Надо бы кое-что рассказать об этих аэропланах, поскольку они ничем не напоминают те тяжелые машины, к которым ты привык. Чем-то они действительно были опасны. Дышать тоже опасно. А ездить в наземных экипажах тех лет было еще опаснее, а уж сколько бед поджидало пешехода... Обычно все авиакатастрофы, вне зависимости от тяжести их последствий, являлись следствием ошибок пилота – Дэвид не позволял себе подобных ошибок. У него не было желания стать самым отчаянным пилотом в небе, он хотел стать самым старым из них.

Эти аэропланы были жуткими чудовищами, сейчас в небе ничего подобного не увидишь, разве что детские кайты²⁵, их часто так и называли – «воздушными змеями». У них было по два крыла – верхнее и нижнее, а аэронавт сидел между ними. От ветра его защищал небольшой прозрачный козырек – не удивляйся, по воздуху их таскал воздушный винт с мотором.

Крылья делали из залакированной ткани, натянутой на деревянные рамы, – по одному этому ты можешь понять, что до звуковых скоростей им было далековато. Разве что в тех несчастных случаях, когда пилот-неудачник пикировал вниз и обламывал оба крыла, пытаясь выровнять машину.

Чего Дэвид никогда не делал. Некоторые люди – прирожденные летчики. Стоило Дэвиду только увидеть аэроплан, как он тут же разглядел сильные и слабые стороны машины, – разглядел так же ясно, как понимал возможности табурета для дойки, от которого когда-то убежал.

Летать он научился так же быстро, как и плавать.

Инструктор сказал ему: «Дэйв, у тебя дар Божий. Я хочу рекомендовать тебя для подготовки в качестве истребителя».

Пилоты-истребители были аристократией среди летчиков: они поднимались в воздух, чтобы в поединке сразиться с вражескими пилотами. Пилот, которому удавалось пять раз добиться победы – то есть уничтожить противника и самому в целостности и сохранности вернуться домой, – именовался «асом», что было высокой честью, поскольку, как легко видеть, простая вероятность этого события описывается одной второй, возведенной в пятую степень, что соответствует одному шансу из тридцати двух. В то время как шансы быть убитым возрастали до единицы.

Дэйв поблагодарил наставника, и, пока у него по коже бегали мурашки, колесики в голове уже завертелись, подыскивая способ избежать подобной чести и одновременно не лишиться полуторной оплаты и возможности сидеть во время работы.

Помимо опасности – когда первый же встречный может напрочь отстрелить тебе задницу – служба пилотом-истребителем имела и другие недостатки. Истребители летали на своих «этажерках» в одиночку и были сами себе штурманами – без компьютеров, радиомаяков – всего, что принято в наши времена... Впрочем, все это появилось в том же столетии, только немного позднее. Используемый метод именовался «мертвым счислением» – поскольку если ты ошибался в расчетах, то мог считать себя мертвецом: авиация флота летала над водой, поднималась с маленького плавучего аэродрома, и запаса топлива истребителю хватало на считанные минуты. Добавим сюда еще, что пилоту-истребителю в бою приходилось делить внимание между навигацией и попытками убить чужестранца – пока тот не успел убить его самого. Если

---

²⁵ *Кайт* (англ. kite) – воздушный змей; на военном жаргоне означало «самолет». – *Примеч. С. В. Голд.*

летчик хотел сделаться «асом» – или же хотя бы отобедать вечером, – приходилось в первую очередь заниматься самыми важными вещами, а уж потом заботиться о навигации.

Помимо возможности потеряться посреди моря и утонуть вместе с «этажеркой», когда кончится бензин... кстати, я рассказывал тебе, каким образом летали эти машины? Воздушный винт приводился во вращение двигателем, использующим химическую экзотермическую реакцию окисления углеводородной жидкости, называвшейся «бензином». Если вы считаете, что это выглядит малопривлекательно, я заверяю вас, что это было малопривлекательно уже тогда. Вся эта конструкция была ужасно неэффективной. Летчику приходилось считаться не только с тем, что бензин может кончиться посреди океана... капризные двигатели нередко ни с того ни с сего принимались чихать и глохли. Неприятная ситуация. Временами – фатальная.

Прочие более мелкие недостатки в работе летчика-истребителя не несли физической угрозы, они просто не отвечали генеральному плану Дэвида. Летчики-истребители были приписаны к плавучим аэродромам – авианосцам. В мирное время – номинально те годы считались мирными – летчики не перерабатывали, вахт не стояли и большую часть службы проводили на сухопутном аэродроме, числясь при этом в списках авианосца, и продвигались по морской службе как в чинах, так и в оплате. Но несколько недель в году пилоты авианосцев обязаны были проводить в море, на маневрах. Приходилось вставать за час до зари, чтобы прогреть эти вздорные двигатели, а потом находиться возле самолетов, чтобы взлететь при первых же признаках реальной или смоделированной опасности.

Дэвиду все это пришлось не по душе, – будь его воля, он бы и на Божий суд явился только после полудня.

Был и еще один недостаток: посадка на эти плавучие аэродромы. На суше Дэвид мог приземлиться прямо на монетку в десять центов, да еще и выдать сдачу. При этом он полагался лишь на свою сноровку, развитую в высшей степени, поскольку в данном случае речь шла о его собственной шкуре. Но при посадке на авианосец приходилось полагаться на мастерство того, кто дежурит на палубе, а Дэвид сомневался, что не рискует этой самой шкурой, доверившись умению, добрым намерениям и скорости реакции кого-то другого.

Айра, просто не знаю, как объяснить, ты в своей жизни наверняка не видал ничего подобного. Представь себе свой воздушный порт в Новом Риме. Каждый корабль заводят на посадку с земли – верно? Ну вот так и аэропланы в те дни садились на авианосцы. Только аналогия здесь неполная – потому что для посадки на авианосец в те времена не использовали никаких приборов. Никаких. Я тебя не обманываю. Все делалось на глазок – как мальчишка ловит мошек в воздухе. Только мошкой был Дэвид, а ловил его дежурный, находящийся на авианосце. Дэвиду приходилось забывать про собственное мастерство и доверять свою жизнь дежурному – иначе несчастья было не избежать.

Дэвид всегда полагался на свое собственное суждение – пусть хоть весь мир будет против. Довериться в такой же степени другому человеку можно было, только полностью забыв про собственную природу. Все равно что оголить пузо перед хирургом и сказать: «Режь на здоровье» – когда точно знаешь, что такой портах и ветчину-то правильно не нарежет. Так что посадки на авианосец действительно могли заставить Дэвида отказаться и от полуторной платы, и от непыльной работы – ведь доверяться следовало опытности другого человека, более того – ничем не рискующего в этот момент! Чтобы сесть в первый раз, Дэвиду потребовалось собрать в кулак всю свою волю, но и потом ему легче не стало. Но он совершенно неожиданно обнаружил вот что: оказывается, существуют обстоятельства, когда мнение другого человека не просто дороже его собственного, а несопоставимо дороже.

Видишь ли... нет, наверное, я не объяснил ситуацию. Аэроплан, приземляясь на авианосец, имел шанс уцелеть лишь потому, что крюк на его хвосте цеплялся за канат, протянутый поперек верхней палубы. И если летчик следовал лишь своему собственному суждению, основанному на опыте приземлений на сухопутный аэродром, он мог разбиться о корму корабля...

или же, зная об этой опасности и пытаясь учесть ее, пролетал слишком высоко и не зацеплялся за веревку. Вместо большого ровного поля и свободы маневра для разных мелких ошибок, перед ним было крошечное «окно», в которое он должен был попасть точно – ни выше, ни ниже, ни правее, ни левее, двигаясь ни слишком медленно, ни слишком быстро. И при этом почти не имея возможности убедиться, угадал ли он.

Позже процесс сделали полуавтоматическим, потом автоматическим, но, когда его усовершенствовали до предела, авианосцев уже не стало. Точное описание человеческого прогресса: едва ты выясняешь, как следует поступать, как обнаруживается, что уже поздно.

Но порой бывает, что накопленные знания удается потом использовать для решения уже новой проблемы. В противном случае мы бы сейчас все еще качались на ветках.

Итак, пилот аэроплана вынужден был доверять дежурному на палубе, который видел, что происходит. Дежурный этот звался «сигнальным офицером посадки»: он сигнальными флажками отдавал команды пилоту подлетающего аэроплана.

Прежде чем в первый раз решиться на этот невероятный трюк, Дэвид сделал три захода, наконец совладал с собой, доверился сигнальщику и получил разрешение приземлиться.

И только тогда обнаружил, какой пережил испуг, – его мочевой пузырь освободился от своего содержимого.

Вечером он получил презент – «королевский орден мокрой пеленки», с удостоверением, подписанным сигнальщиком, заверенным командиром эскадрильи и свидетелями – его сотоварищами. Такого унижения он не испытывал с тех пор, как перестал быть салагой. Не утешало и то, что орден вручался часто: заготовленные заранее бланки дожидались каждой новой партии пилотов. После этого случая он аккуратно следовал указаниям посадочных сигнальщиков, повинаясь им, словно робот; все его мысли и эмоции были подавлены каким-то самогипнозом. И когда пришло время получить квалификацию в ночных полетах и приземлениях – что здорово действовало пилотам на нервы, поскольку они не видели перед собой ничего, кроме светящихся жезлов, которыми сигнальщики орудовали по ночам вместо флагов, – Дэвид совершил идеальную посадку с первого же захода.

О своем намерении не искать славы летчика-истребителя Дэвид помалкивал, пока не убедился, что добился постоянного летного статуса. И тут же подал заявку на переподготовку – на многомоторный самолет. Добиться перевода оказалось нелегко, поскольку так высоко ценивший способности Дэвида инструктор стал теперь командиром его эскадрильи и следовало ознакомить его с рапортом. И едва письмо Дэвида двинулось по инстанциям, его вызвали в каюту босса.

– Дэйв, что это такое?

– Там все написано, сэр. Хочется полетать на штуковине покрупнее.

– Ты свихнулся? Ты же истребитель. Три месяца в разведывательной эскадрилье – и через четверть года я смогу дать тебе прекрасную рекомендацию и направить на переподготовку – но как истребителя.

Дэйв молчал.

Командир эскадрильи настаивал:

– Или тебя расстраивает дурацкий «орден пеленки»? Так его же удостоилась половина эскадрильи! Наплюй, у меня тоже такой есть. Он не унижил тебя в глазах товарищей. Это просто, чтобы ты чувствовал себя человеком, когда нимб начнет сильно давить на голову.

Дэвид по-прежнему молчал.

– Черт побери, чего ты стоишь? Возьми бумажку и порви! И подай новую – на переподготовку истребителей. Отправляйся сейчас, я отпущу тебя, не дожидаясь трех месяцев.

Дэвид безмолвствовал. Босс поглядел на него, побагровел и коротко промолвил:

– Должно быть, я ошибся. Должно быть, в тебе нет того, что нужно, чтобы стать истребителем, мистер Лэмб²⁶. Все. Вы свободны.

На огромных, многомоторных летающих лодках Дэвид наконец почувствовал себя как дома. Они были чересчур велики, чтобы взлетать в море с авианосца, но служба на них считалась морской – хотя на деле Дэвид почти каждую ночь проводил дома: в собственной постели рядом с собственной женой. Лишь изредка ему приходилось ночевать на базе во время дежурства, еще реже большие лодки взлетали в небо по ночам. Они и днем-то, в отличную погоду вылетали нечасто: аэропланы эти были слишком дорогостоящими, каждый полет обходился недешево, а страну как раз захлестнула волна экономии. Лодки летали с полными экипажами – четверо или пятеро в двухмоторной, в четырехмоторной еще больше – и часто с пассажирами, чтобы люди могли набирать летное время, необходимое для дополнительных выплат. Все это Дэйва устраивало – больше не нужно было пытаться ориентироваться, выполняя одновременно еще шестнадцать разных других вещей, можно было забыть об офицерах-сигнальщиках... о капризных двигателях, наконец – о горючем. Конечно же, будь его воля, он каждую посадку выполнял бы самостоятельно, но когда первый пилот отстранил его от этой обязанности, Дэвид заставил себя сдерживать беспокойство, а со временем даже избавился от него, поскольку тот, как и все пилоты большой лодки, вел себя осторожно, явно рассчитывая прожить долго.

<Опущено>

...лет у Дэвида все было хорошо, и его дважды повышали в звании.

А потом началась война. В том столетии войны не прекращались – но чаще в краях далеких. А эта коснулась почти каждого народа Земли. Дэвид как-то смутно представлял себе подобное. С его точки зрения, флот для того и был предназначен, чтобы одним только внешним видом лишать каждого желания воевать. Но его мнение никого не интересовало... Поздно было суетиться, уходить в отставку, бежать было некуда, и он не стал волноваться из-за того, чего не мог переменить, – и это было неплохо, поскольку война была долгой, жестокой и погубила миллионы людей.

– Дедушка Лазарус, а чем вы занимались во время той войны?

– Я-то? Продавал облигации займа, выступал с четырехминутными речами, служил сразу в призывной и продовольственной комиссиях, приложил руки не к одному важному делу... пока президент не вызвал меня в Вашингтон, и чем я после этого занялся – большой секрет, да ты и не поверишь, если расскажу тебе. Не вздумай фыркать, мальчик, и вообще – я сейчас рассказываю о том, чем занимался Дэвид.

О, это был подлинный герой. Отвага его была всем известна, ему пожаловали украшение, о котором речь сейчас и пойдет.

Дэйв поставил своей целью – или, может быть, лишь надеялся – уйти в отставку в чине лейтенанта, поскольку на летающих лодках вакансий среди чинов постарше было совсем немного. Но война за несколько недель сделала его капитан-лейтенантом, через год командером и наконец капитаном – с четырьмя золотыми полосками – без специальной комиссии, экзаменов, ни дня не прокомандовав кораблем. Война быстро расходовала офицеров, и оставшиеся в живых немедленно получали повышение – если ничем себя не пятнали.

Дэйв был чист как ангел. Часть войны он провел, патрулируя побережье страны в поисках подводных кораблей, – что считалось «боевым вылетом», хотя опасности в них было не больше, чем в тренировочных полетах в мирное время. Кроме того, он совершал поездки, вербуя в летчики торговцев и клерков. Однажды он был послан в зону настоящих боевых действий и заработал свою медаль именно там. Я не знаю подробностей, но героизм зачастую заключается в том, чтобы не терять голову в чрезвычайной ситуации и делать все возможное, используя

---

²⁶ Лэмб (англ. lamb) – ягненок.

все, что есть под рукой, вместо того чтобы запаниковать и получить пулю в хвост. Такие люди одерживают куда больше побед, чем отчаянные герои, потому что охотники за славой ни во что не ставят жизнь своих соратников, так же как свою.

Но чтобы стать официальным героем, требуется удача. Мало выполнить под огнем служебные обязанности, необходимо, чтобы свидетелем подвига было начальство, – и чем выше оно будет, тем лучше. Удача улыбнулась Дэйву, и он получил свою медаль.

Конец войны он встретил в столице своей страны, в аэронавтическом бюро флота, занимаясь разработкой патрульных аэропланов. Возможно, тут от него было даже больше пользы, чем в бою: едва ли кто-нибудь лучше его знал эти многомоторные самолеты, и должность позволяла ему убирать из конструкции устаревшую ерунду и продвигать некоторые улучшения. В общем, с войной он распрощался, перебирая бумаги у себя на письменном столе и ночуя в своей постели.

И вот война закончилась.

Дэйв огляделся и оценил имеющиеся перспективы. Во флоте числились сотни капитанов, которые три года назад были лейтенантами – подобно ему самому. А поскольку мир наступил на вечные времена – так всегда утверждают политики, – дальнейшее повышение ожидало немногих. И Дэйв видел, что повышение ему не светит, поскольку он не принадлежал к числу старших по возрасту, не одолел традиционной служебной лестницы, не имел необходимых служебных и личных связей.

Но за плечами было почти двадцать лет службы, и вскоре он получил право уйти в отставку с сохранением половины оклада. Или можно было продолжать службу – и выйти в отставку, так и не став адмиралом. С решением можно было не спешить: до полной двадцатилетней выслуги оставался еще год или два.

Но он ушел в отставку немедленно – по инвалидности. Диагноз включал слово «ситуативный психоз» – этаким намеком, что он свихнулся на своей работе.

Айра, я не знаю, как это понять. Из всех, кого я знаю, Дэйв производил впечатление самого нормального человека. Но я там не был, когда он уходил в отставку, а «ситуативный психоз» был второй по популярности причиной, по которой тогда оставляли флот офицеры, – но как они могли об этом *рассказать*? Безумие никогда не мешало человеку служить морским офицером... как быть писателем, школьным учителем, проповедником – можно назвать еще дюжину других уважаемых профессий. И пока Дэйв ходил на службу, подписывал подготовленные клерком бумажки и не лез с разговорами к начальству, его безумие никак не проявлялось. Помню одного морского офицера – у него была превосходная коллекция дамских подвязок: он частенько запирался в своей каюте и разглядывал их... другой точно так же перебирал коллекцию почтовых марок. Кто из них свихнулся: первый, второй? Или оба? Или никто?

Впрочем, отставка Дэйва свидетельствует о том, что он прекрасно знал законы своего времени. Уйдя в отставку после двадцати лет, он получал бы половину оклада, и все это облагалось бы немаленьким подоходным налогом. Отставка по инвалидности же обеспечивала ему три четверти прежнего оклада, не облагаемых налогом.

Не знаю, просто не знаю. Но вся эта история прекрасным образом вписывается в умение Дэйва добиваться максимального результата минимальными усилиями. Хорошо, будем считать, что у него крыша поехала, но вопрос в том: куда?

Отставка его была вызвана не одной причиной. Он правильно рассудил, что не имеет шансов стать адмиралом, но медаль за героизм позволила ему, уходя в отставку, получить звание почетного адмирала – так первым из своих однокашников Дэйв сделался адмиралом, хотя никогда не командовал не то что флотом, а даже кораблем. Более того, он стал одним из самых молодых адмиралов в истории, если учесть его настоящий возраст. Я думаю, что деревенский мальчишка, который ненавидел пахать поле на муле, был доволен.

В душе-то он ведь так и остался деревенским мальчишкой. Для ветеранов той войны была учреждена еще одна льгота, предназначенная для тех, кто не доучился, уйдя на войну: им оплачивали обучение – за каждый месяц, отданный службе в военное время. Предназначалась такая льгота для молодых призывников, но ничто не мешало воспользоваться ею и кадровому офицеру. Дэйв мог требовать эту льготу, и он не преминул это сделать. Пенсия в три четверти оклада, свободная от налогов, субсидия на обучение, тоже не облагаемая ими... словом, женатый ветеран пошел учиться, получая теперь лишь чуть меньше, чем на службе. На самом деле выходило даже побольше – ведь уже не нужно было тратить деньги на дорогие мундиры и поддержание общественного положения. Он мог бездельничать, читать книги, одеваться как пожелает и не заботиться о своем облике. Иногда он вставал поздно и говорил, что в покер играют в основном оптимисты, а не математики. А потом поздно ложился спать. Но никогда, никогда не вставал спозаранку.

И больше он не летал на аэропланах. Дэйв никогда не доверял этим летающим машинам – они могли заглохнуть, находясь слишком высоко над землей. Для него аэроплан всегда был только средством избежать худшего, и, используя это средство, Дэйв навсегда забыл про самолеты, как и о фехтовальной рапире, и никогда не жалел ни о том ни о другом. Вскоре он получил новый диплом бакалавра агрономических наук и сделался «ученым» фермером.

Сей сертификат, учитывая предпочтение, отдававшееся ветеранам, мог обеспечить ему место на государственной службе, где он мог рассказывать другим людям, как вести сельское хозяйство. Но вместо этого он снял с банковского счета некоторую сумму, скопившуюся, пока Дэйв бездельничал в школе, и вернулся в те самые горы, которые оставил четверть века назад, – чтобы купить ферму. То есть сделал первый взнос и взял ипотеку на правительственный кредит, который, разумеется, выдавался под очень низкие процентные ставки.

И стал работать на ферме? Не будь таким наивным – более Дэйв не вынимал рук из карманов. Наемные работники растили его первый урожай, он же занимался другим делом.

Для завершения своего великого плана Дэйв предпринял шаг столь невероятный, что я должен просить тебя, Айра, принять мой рассказ на веру... поскольку трудно ожидать от любого нормального человека, чтобы он понял это.

В тот период между двумя войнами на Земле проживало более двух миллиардов людей, и по крайней мере половина из них голодала. Тем не менее – тут я и прошу тебя поверить, как очевидцу мне незачем лгать, – несмотря на недостаток продуктов питания (а ситуация с годами так и не улучшилась, разве что временно и на отдельно взятой территории, да и не могла улучшиться по причинам, в которые нам нет нужды вдаваться), несмотря на эту катастрофическую нехватку, в стране Дэвида правительство платило фермерам за то, чтобы они не выращивали пищу.

Не качай головой. Пути Господни, как и пути правительства или девушек, неисповедимы, и никому из смертных не дано постичь их. Пусть даже сам ты и есть правительство; когда придешь домой, поразмышляй над этим, спроси себя, знаешь ли ты, что и зачем делаешь, – а когда придешь ко мне завтра, расскажешь, до чего додумался.

Как и следовало ожидать, кроме того, первого урожая Дэвид больше не сеял ни одного. На следующий год его земля осталась под паром, а он получил жирную компенсацию за то, что на ней не работает, и это устраивало его в высшей степени. Дэвид любил эти горы и всегда стремился домой, ведь покинул он их только затем, чтобы избежать тяжелого труда. Теперь же ему платили за то, что он не работал... это было весьма кстати, поскольку он полагал, что пыль, поднятая при вспашке, портит красоту здешних мест.

Фермерской компенсации хватало на покрытие ипотеки, пенсия составляла приличную сумму, и он нанял человека работать на ферме – даже если земля не обрабатывалась, нужно было кормить цыплят, доить одну-двух коров, возделывать огород и небольшой сад, чинить

заборы... а жена работника тем временем помогала по хозяйству жене Дэвида. А для себя Дэвид приобрел гамак.

Дэвид не был суровым хозяином. Он подозревал, что коровы жаждут просыпаться в пять утра не более, чем он сам, и попытался выяснить этот вопрос.

Оказалось, что коровы, если дать им шанс, с радостью сдвигают время пробуждения на более разумные часы. Их нужно было только доить дважды в день – так уж их воспитали. Им было безразлично, в пять или девять утра проводится первая дойка – если только время было постоянным.

Но долго этот порядок не продержался: наемный работник Дэвида не мог избавиться от своей беспокойной привычки – склонности к работе. Для него было что-то греховное в поздней дойке. Тогда Дэвид предоставил ему свободу действий, и работник вместе с коровами возвратились к своим прежним привычкам.

Что же касается Дэйва, то он повесил гамак между двумя густыми деревьями и поставил возле него столик с прохладительными напитками. Вставал он по утрам, когда проснется – в девять или в полдень, – завтракал и медленно брел к гамаку – передохнуть перед ланчем. Самая тяжелая работа, которой он занимался, заключалась в том, чтобы снять деньги с депозита и раз в месяц пополнить чековую книжку жены. Он перестал носить ботинки.

Теперь он не читал газет и не слушал радио, полагая, что его не забудут известить, если начнется новая война... И таковая разразилась как раз тогда, когда он только что начал вести подобный образ жизни. Но в отставных адмиралах флот не нуждался. Дэйв уделял этой войне не слишком много внимания – она его расстраивала. Вместо этого он прочел все книги о Древней Греции, которые нашел в библиотеке штата или купил. Это была умиротворяющая тема, которой он всегда интересовался и о которой хотел знать больше.

Каждый год в День флота он надевал парадную адмиральскую форму со всеми медалями – начиная от золотой, полученной в училище, и кончая той, что ему дали за храбрость в бою, той, что сделала его адмиралом, – и работник отвозил его в центр графства, где Дэйв выступал на заседании торговой палаты с речью на патриотическую тему. Айра, я не знаю, зачем он это делал. Быть может, он считал, что положение обязывает, или же у него просто такое было чувство юмора. Но его приглашали каждый год, и он никогда не отказывался. Соседи гордились им: в нем воплощалось Все, Чего Способен Достичь Наш Парень – из тех, что потом возвращаются домой и живут, как остальные. Его успех делал честь всем соседям. Им нравилось, что он остался таким, каким был – своим в доску, – и если кто-то и замечал, что Дэвид ничего не делает, то не обращал внимания.

Я только поверхностно ознакомил тебя, Айра, с карьерой Дэйва – незачем вдаваться в подробности. Я не упомянул про автопилот, который он изобрел и разработал, когда перешел на соответствующую должность; о том, как он кардинально перестроил работу экипажа на борту летающей лодки, придумав, как меньшими усилиями добиться наилучшего результата. Командиру экипажа оставалось только проявлять бдительность, а когда этого не требовалось, он мог и вовсе храпеть, припав к плечу второго пилота. Оказавшись начальником службы совершенствования патрульных самолетов флота, Дэвид внес изменения в приборы и пульта управления.

Сделаем вывод: не думаю, что Дэйв считал себя «экспертом в области эффективности», но он упрощал всякое дело, которым ему приходилось заниматься, и каждому его преемнику приходилось работать меньше, чем его же предшественнику.

Поэтому его преемнику приходилось вновь реорганизовывать процесс, чтобы взвалить на себя в три раза больше работы – и потребовать в три раза больше подчиненных. Что вряд ли свидетельствует о странности Дэвида, скорее наоборот. Некоторые люди – муравьи по натуре, они не могут не трудиться, даже если работа бесполезна. Талантом созидательной лени наделены немногие.

Так кончается первая сказка о человеке, который был слишком ленив, чтобы ошибаться. Оставим его там, в гамаке под тенистыми деревьями. Насколько мне известно, он все еще там.

Вариации на тему III Домашние неурядицы

– После двух-то тысяч лет, Лазарус?

– А почему бы и нет, Айра? Дэйв был мне почти что ровесник. А я-то жив.

– Да, но... Разве Дэвид Лэм принадлежал к Семействам? Или он был внесен в реестр под другой фамилией? Лэмов в списках не значится.

– Я его не спрашивал, Айра. А он и не говорил. В те дни члены Семейства держали этот факт при себе. А может быть, он и сам не знал. Ведь Дэйв оставил дом неожиданно. В те времена юнцам не говорили об этом, пока парень или девица не достигали брачного возраста. Как правило, восемнадцати для мальчишек и шестнадцати для девиц. Помню свое собственное потрясение, а я узнал об этом незадолго до того, как мне исполнилось восемнадцать. От Дедули – потому что я намеревался натворить кое-каких глупостей. Самое странное, сынок, в той животинке, которая называется человеком, – это то, что мозг взрослеет гораздо медленнее, чем тело. Мне было семнадцать, я был молод и брыклив и подобрал себе самую неподходящую пару. Дедуля отвел меня за амбар и убедил меня в моей ошибке.

«Вуди, – сказал он, – если ты захочешь сбежать с этой девицей, никто тебя не остановит». Воинственным тоном я объявил, что мне в этом никто помешать и не сможет, потому что, оказавшись за границей штата, я могу провернуть все дело без согласия родителей.

«Об этом я тебе и говорю, – сказал дед. – Тебя никто не остановит. Но и помогать тоже не будет. Ни твои родители, ни другой дед с бабкой, ни я. Мы даже не поможем тебе оплатить брачные расходы, не говоря уж о том, чтобы поддерживать твою семью материально. Не то что доллара, Вуди, дайма тощего не получишь. А если не веришь мне, спроси у остальных». Я угрюмо ответил, что никакой помощи мне не нужно.

Кустистые Дедулины брови словно подпрыгнули.

«Ну-ну, – проговорил он. – Или это она собирается тебя содержать? Ты последнее время не заглядывал в раздел „Требуется“ в газете? Если нет – обязательно загляни. А заодно загляни в финансовый раздел, потому что чтение объявлений в разделе «Требуется» займет у тебя ровно тридцать секунд. – И добавил: – О, конечно, ты можешь отыскать работу, будешь веники разносить по домам. А что – свежий воздух, физическая нагрузка, возможность продемонстрировать обаяние – которого у тебя, кстати, немного. Только не вздумай продавать пылесосы – их никто не берет». Айра, я не знал, о чем он говорит. Это был январь тысяча девятьсот тридцатого. Тебе что-нибудь говорит эта дата?

– Боюсь, что нет, Лазарус. Невзирая на долгое изучение истории Семейств, все ранние даты мне приходится переводить на стандартный галактический календарь – чтобы ощутить их.

– Не знаю, Айра, помянута ли эта дата в семейных архивах. Страна... да вся планета погрузилась тогда в экономические колебания. Тогда их называли «депрессиями». Работы не было – во всяком случае, для лопухих юнцов, толком ничего не умеющих. Дедуля вовремя понял это, он уже побывал в нескольких подобных переделках. Но он-то побывал, а я... Я был уверен, что могу ухватить мир за хвост и перебросить его через плечо. Я не знал, что дипломированные инженеры работают дворниками, а адвокаты развозят молоко в фургонах. А бывшие миллионеры бросаются из окон. Но я был слишком занят тем, что волочился за девицами, чтобы замечать такие вещи.

– Старейший, я читал об экономических депрессиях, но так и не понял, что их вызывало. Лазарус Лонг поцокал языком:

– И при этом ты распоряжаешься целой планетой?

– Быть может, я не заслужил такого поста, – признал я.

– Ладно, не смущайся. Я открою тебе один секрет: в те времена тоже никто не понимал, что их вызывает. Даже Фонд Говарда, возможно, лопнул бы, не оставь Айра Говард столь подробных инструкций о том, как именно следует распоряжаться Фондом. С другой же стороны, все, начиная от дворников и кончая профессорами экономики, были твердо убеждены, что знают и причины, и лекарство. Поэтому опробовали почти каждое лекарство, и не помогло ни одно. Депрессия продолжалась до начала войны, которая не излечила болезнь, а просто замаскировала ее симптомы.

– Но что же именно делалось не так, дедушка? – упорствовал я.

– Айра, как по-твоему, я такой умный, что могу ответить на этот вопрос? Я сам разорился неоднократно. Иногда финансовым путем, иногда приходилось бросать нажитое, чтобы спасти шкуру. Гм. Берегись, я могу выдать тебе какое-нибудь совсем стремное объяснение, но... Представь, что случается с машиной, если управление осуществляется с положительной обратной связью?

Я удивился.

– Лазарус, я не уверен, понял ли вас. Управление машинами не осуществляется при положительной обратной связи; во всяком случае, я не могу придумать такого примера. Положительная обратная связь приведет к тому, что колебания в системе будут усиливаться, пока она не выйдет из-под контроля.

– Пять с плюсом! Айра, я всегда подозрительно отношусь к аргументам по аналогии, но, судя по накопленному за столетия опыту, могу сказать, что ни одно правительство просто не способно сделать такое, что не явилось бы для экономики положительной обратной связью или тормозом. Или и тем и другим сразу. Быть может, когда-нибудь, где-нибудь, кто-нибудь помышленнее самого Энди Либби вычислит, как обойтись с законом спроса и предложения, чтобы заставить его лучше работать, не позволяя ему более действовать на прежний жестокий манер. Может быть, это еще случится. Но я никогда такого не видел. Впрочем, Бог свидетель, пытались многие. И всегда с самыми лучшими намерениями. Но чтобы понять, как работает циркулярная пила, одних добрых намерений мало, Айра; самые жуткие злодеи в мировой истории руководствовались исключительно добрыми намерениями. Но ты отвлек меня... а я хотел рассказать, как случилось, что я не женился.

– Извините, дедушка.

– Гм... фф. А ты не мог бы хоть раз не быть таким вежливым? Я же болтливый старикашка, который крадет твоё время, заставляя выслушивать всякую чушь. Ты должен злиться на меня, хотя бы чуточку.

Я ухмыльнулся в ответ:

– Да, меня это злит. Вы действительно болтливый старикашка, требующий, чтобы я выполнял каждую его прихоть... а я действительно очень занятой человек, меня заботят серьезные дела, а вы потратили впустую полдня моего времени, рассказывая побасенку – чистый вымысел, я уверен, – о человеке, который был ленив настолько, что ничего не делал, чтобы не ошибаться. Наверное, вам хотелось меня разозлить. Вы намекнули, что этот ваш герой является долгожителем, а потом уклонились от ответа на несложный вопрос и перешли к своему деду. А этот... адмирал Рэм – так, кажется? – он был рыжим?

– Лэм, Айра... Дональд Лэм. Или так звали его брата? Это было очень давно. Странно, что тебя заинтересовал цвет его волос... Это напомнило мне еще об одном офицере, участнике той же самой войны, но во всем противоположном... Дональду? Нет, Дэвиду. То есть во всем буквально на него не похожем, кроме цвета волос. Они были такие рыжие, что им мог бы позавидовать сам Локи. Он пытался задушить кадьякского медведя. Конечно не вышло. Айра, ты ведь даже не мог видеть такого медведя. Это самый свирепый хищник Земли, в десять

раз тяжелей человека. Длинные желтые зубы, когти как кинжалы, вонючая пасть и скверный характер. Тем не менее Лейф схватился с ним голыми руками, причем учти – без всякой на то нужды. Я бы уже давно исчез за горизонтом... Ты хочешь услышать о Лейфе, медведе и аляскинской семье?

– Не сейчас. Похоже на очередную байку. Вы начали рассказывать, как расстроилась ваша женитьба.

– Так и было. Дедуля как раз спросил меня: «Вуди, она давно в тягости?»

– Нет, он еще объяснял вам, что вы не сможете содержать жену.

– Сынок, если ты все знаешь сам, то сам и рассказывай. Я пылко отрицал подобную идею, но Дедуля заметил, что я лгу – потому что это единственная причина, из-за которой семнадцатилетний мальчишка захочет жениться. Замечание это особенно рассердило меня – ведь у меня в кармане лежала записка: «Вуди, родной, я влипла, не знаю, что делать».

Дедуля настаивал, и я трижды отпирался, с каждым разом раздражаясь все больше. Наконец он сказал: «Ну хорошо, не хочешь – молчи. А она показала тебе справку о беременности за подписью доктора?» Айра, тут-то я и проболтался. «Нет», – говорю я.

«Хорошо, – сказал он. – Я все улажу. Но только один раз. И впредь – чтобы пользоваться изделиями „Веселые вдовушки“, пусть даже твоя милашка твердит, что беспокоиться не о чем. Или ты не нашел аптеку, в которой они продаются?»

Ну а потом дед заставил меня дать клятву и рассказал о Фонде Говарда и о той награде, которая ждет меня, если я женюсь на девице из их списка.

Вот и вышло, что, едва я получил от адвоката письмо на свой восемнадцатый день рождения, как вдруг отчаянно влюбился в одну из перечисленных в списке девушек. Мы поженились, нарожали детей, а потом она сменила меня на новую модель. Ты тоже небось от нее.

– Нет, сэр, я происхожу от вашей четвертой жены.

– От четвертой, да? Посмотрим... от Мег Харди?

– По-моему, она была у вас третьей. Я от Эвелин Фут.

– А, да! Хорошая была девушка. И пухленькая, и хорошенькая, и ласковая, а плодovitа, как черепаха. А какой кулинар... Слова плохого ни разу не сказала. Таких теперь больше не делают. Лет на пятьдесят, наверно, помоложе меня, только этого не было заметно: я и сесть начал, когда мне уж стукнуло полтора года. И знала о моем возрасте: каждый из нас имел родовую с указанием даты рождения. Спасибо тебе, сынок, что напомнил мне об Эвелин, – она восстановила во мне веру в женский пол, когда я ее уже почти потерял. А что еще сохранилось о ней в архивах?

– То, что вы были ее вторым мужем и от вас она имела семерых детей.

– Жаль. А я надеялся, что найдется и фото. Хорошенькая была, улыбочивая. Когда мы познакомилась, она была замужем за одним из моих кузенов, за Джонсоном, мы с ним вели общее дело. По субботам мы с кузеном, Мег и Эвелин собирались за пивом и пиноклем²⁷. А потом мы поменялись – законным путем, через суд, когда Мег решила, что ей больше нравится Джек... да, Джеком его звали... И Эвелин не возражала. Не только на бизнесе – на нашем пинокле это не отразилось. Сынок, одно из главных достоинств Семейств Говарда в том и состоит, что мы исцелились от ядовитого порока ревности за многие поколения до того, как это сделала вся наша раса. Пришлось – при таком-то положении дел. А у тебя ее стерео не найдется? Может быть, голограммы? Как раз тогда, кажется, Фонд начал делать снимки для брачных контрактов.

– Посмотрю, – пообещал я. И тут мне пришла в голову блестящая идея. – Лазарус, как все мы знаем, в Семействах время от времени повторяются одни и те же физические типы. Я запрошу в архивах список женщин, происходящих от Эвелин Фут и проживающих на Секун-

---

²⁷ *Пинокль* – карточная игра.

дусе. Есть достаточно большая вероятность того, что среди них может оказаться двойняшка Эвелин – вплоть до улыбки и доброго характера. И тогда... если вы согласитесь на полное омоложение – не сомневаюсь, что она не менее Иштар будет согласна на любые: договорные или...

Старейший отмахнулся:

– Айра, я ведь сказал – нечто новое. Назад не вернешься. Конечно, ты в состоянии подыскать девицу, которая до десятого знака будет похожа на Эвелин, такую, какой я ее помню. Но все равно не хватит одной важной вещи. Моей молодости.

– Но если вы закончите омоложение...

– Ой, заткнись! Вы можете дать мне новые почки, новую печень и новое сердце. Вы можете смыть оставленную возрастом ржавчину с моих мозгов и, воспользовавшись тканями клона, возместить утраченное... Вы можете дать мне совершенно новенькое клонированное тело. Но вам никогда не сделать меня прежним наивным юнцом, находившим невинные удовольствия в пиве, пинокле и обществе толстушки-жены. Меня с ним будет объединять лишь общая память – да и той будет немного. Забудь об этом.

Я спокойно сказал:

– Предок, желаете ли вы снова жениться на Эвелин Фут или нет, вам, как и мне, известно – я ведь тоже не раз проходил эту процедуру, – что по окончании полной программы восстанавливается не только телесный механизм, но и желание жить.

Лазарус Лонг выглядел недовольным.

– Ах, конечно. Излечивает от всего, кроме скуки. Черт побери, мальчик, какое ты имел право вмешиваться в мою карму? – Он вздохнул. – Но я тоже не могу тут болтаться в подвешенном состоянии. Скажи им, чтобы продолжали свое дело.

Это застало меня врасплох.

– Я могу зафиксировать это, сэр?

– Ты слышал, что я сказал. Но я не отпускаю тебя с крючка. Тебе по-прежнему придется являться ко мне и выслушивать мои откровения до тех пор, пока омоложение не исцелит меня от подобного ребячества... кроме того, не забывай про свои исследования. Ты должен отыскать нечто действительно новое.

– Согласен, сэр, и на то и на другое – я дал обещание. Один момент – скажу компьютеру.

– Машина уже слышала обо всем от меня. Разве не так? – Лазарус помолчал. – Имя-то у нее есть? Неужели не дали?

– О, конечно. Нельзя же столько лет без него обходиться – хотя это просто чудачество...

– Не чудачество, Айра. Машины – как люди, поскольку сотворены по нашему подобию.

Им присущи наши достоинства и недостатки – только в увеличенной форме.

– Специально я не придумывал имени, Лазарус, – но зовут ее Минервой. С глазу на глаз я кличу ее Занудой – потому что одна из ее обязанностей напоминать мне о том, что я предпочел бы выкинуть из головы. Минерва для меня как человек – ближе любой из моих жен. Нет, она еще не зарегистрировала ваше решение, пока просто поместила его во временную память. Минерва!

– Si, Айра.

– Будь добра, говори по-английски. Старейший решил пройти полную антигерию. Внеси эти данные в постоянную память, передай в архивы и клинику омоложения Говарда для исполнения.

– Выполнено, мистер Везерел. Мои поздравления. И вам, Старейший, тоже. Живите сколько хотите и любите, пока живы.

Лазарус вдруг заинтересовался машиной, что не удивило меня, поскольку за столетие нашей «совместной жизни» Минерва то и дело давала мне поводы для удивления.

– Спасибо, Минерва. Но ты поразила меня, детка. Кто ж теперь говорит о любви, этом главном пороке нынешнего столетия? Как случилось, что ты предлагаешь мне вспомнить сие древнее чувство?

– Это показалось мне уместным, Старейший. Или я ошиблась?

– Нет, вовсе нет. И зови меня Лазарусом. Но скажи, что тебе известно о любви. Что есть любовь?

– На классическом английском, Лазарус, на ваш второй вопрос можно ответить многими способами; на галактическом он не имеет прямого ответа. Следует ли отключить все определения, где глагол «любить» эквивалентен глаголу «нравиться»?

– Конечно. Речь не о том, что я «люблю» яблочный пирог или музыку. Я имею в виду любовь в старинном ее доброжелательном смысле.

– Согласна, Лазарус. Тогда остающееся можно подразделить на две категории: «эрос» и «агапэ» – и определить каждую самостоятельно. Я не могу познать «эрос» на собственном опыте, поскольку не обладаю телом и необходимой для этого биохимией. Посему могу предложить либо общие определения, выраженные в словах, либо количественные обобщения статистических данных. Но в обоих случаях я не сумею проверить свои утверждения, поскольку не наделена полом.

«Черта с два, – буркнул я себе под нос. – Ты самка, ничуть не хуже кошки в пору». Но технически она была, конечно, права, и мне часто бывало стыдно перед ней, лишенной возможности испытать радости секса, хотя она была способна на это куда больше иных человеческих самок, наделенных всеми необходимыми железами, но лишенных чувства соперничания. Но я никому не говорил об этом. Анимизм, и в особо легкомысленной разновидности: желание «жениться» на машине. Это так же смешно, как слезы маленького мальчика, который вырыл ямку в саду и теперь плачет, что не может забрать ее домой. Лазарус прав, я недостаточно умен, чтобы управлять планетой. Но кто для этого достаточно умен?

– Хорошо, отложим на некоторое время «эрос». – Лазарус выглядел весьма заинтересованным. – Минерва, если судить по твоим словам, может показаться, что ты *могла бы* испытывать «агапэ». Или *способна*. Или... Или *уже* испытывала?

– Возможно, я была слишком дерзкой в своих формулировках, Лазарус.

Дед фыркнул и заговорил так, что я уж подумал, не рехнулся ли старец. Впрочем, я и сам теряю рассудок, едва ветер задует из этого угла. Или же долгая жизнь сделала его почти телепатом – даже в разговорах с машинами?

– Прости, Минерва, – мягко проговорил он. – Я не смеялся над тобой, просто поиграл словами, которыми ты ответила. Снимаю вопрос. Расспрашивать даму о ее сердечных увлечениях бестактно. Пусть ты и не женщина, но, вне сомнения, дама.

Потом Лазарус обратился ко мне, и слова его немедленно подтвердили, что он раскрыл секрет, который мы делим с моей Занудой.

– Айра, Минерва обладает потенциалом Тьюринга?²⁸

– Безусловно.

– Скажи ей, чтобы она им воспользовалась. Если ты не врал, когда говорил, что собираешься эмигрировать, тогда будь что будет. А ты все продумал?

– Продумал? Мое решение твердо – так я вам и сказал.

– Я не совсем о том. Я не знаю, кто владеет оборудованием, именуемым себя Минервой. Надо думать – попечители. Итак, я предлагаю тебе немедленно приказать ей сдублировать свою память и логические блоки, чтобы создать ее второе «я» на борту моей яхты «Дора». Минерва должна знать, какие схемы и материалы ей необходимы, а «Дора» – как это все разместить.

---

²⁸ Алан Матисон Тьюринг (1912–1954) – британский математик и логик, сделавший большой вклад в развитие математики и криптографии и, в частности, в когнитивные науки и создание искусственного интеллекта.

Места хватит, главное – память и логика; Минерве не потребуется дублировать внешние блоки. Но начинай немедленно, Айра, ты не сможешь быть счастлив без Минервы – после того как прожил вместе с ней около века.

Сам я тоже так думал. Но вяло попытался воспротивиться:

– Лазарус, теперь, когда вы согласились на полную процедуру омоложения, я не наследую вашу яхту, во всяком случае в обозримом будущем. В то же время я действительно собираюсь эмигрировать. В ближайшие лет десять.

– Ну и что? Если я умру, станешь наследником. Я же не гарантировал тебе, что не прикаснусь к этой самой кнопке по истечении тысячи дней – независимо от проявленного тобою усердия. Но если я останусь жив, обещаю вам с Минервой бесплатный тур на любую планету по вашему выбору. А теперь посмотри-ка налево: наша детка Иштар чуть трусы не обмочила, пытаюсь привлечь к себе твое внимание. Правда не думаю, что они на ней есть.

Я оглянулся. Руководитель группы явно намеревалась показать мне какую-то бумагу. Я взял у нее документ только из уважения к ее должности, хотя предупреждал своих заместителей: пока я беседую со Старейшим, не беспокоить меня ни по каким причинам, за исключением вооруженного мятежа. Я проглядел, подписал, заверил отпечатком пальца и вернул бумагу – администраторша просияла.

– Бумажная работа, – сказал я Лазарусу. – За это время какой-то клерк превратил ваше устное намерение в письменное распоряжение. Вы хотите немедленно приступить к делу? Ну, не сию минуту, а ближе к вечеру.

– Хорошо... Айра, завтра мне хотелось бы подыскать себе какое-нибудь жилье.

– Вам здесь неудобно? Может быть, вы хотели бы что-то изменить – только скажите, и все будет сделано.

Лазарус пожал плечами.

– Да тут все хорошо, кроме того, что это место слишком смахивает на больницу. Или на тюрьму. Айра, клянусь, они не только успели накачать меня новой кровью; теперь я себя хорошо чувствую и не нуждаюсь в больничной койке. Я могу жить где угодно и приезжать сюда на процедуры.

– Ну... Простите, я хочу чуть-чуть поговорить на галакте. Хотелось бы обсудить с дежурными техниками кое-какие проблемы.

– А ты не простишь, если я напомню, что ты заставляешь даму ждать? Ваш разговор никуда не денется. А вот Минерва знает, что я предложил ей сдублировать себя, чтобы вы могли лететь вместе... Но ты не сказал ей ни да ни нет и не предложил ничего лучшего. Если ты не собираешься что-то делать, самое время приказать ей стереть из памяти эту часть нашего разговора. Пока у нее контур не перегорел.

– Ох, Лазарус, она не думает ни о чем услышанном в этой палате, пока не получит конкретного приказа.

– Хочешь пари? Не сомневаюсь, в основном она так и поступает и только записывает, но об этом она просто не может не думать – и она ничего не может с собой поделать. Ты что, девушек не знаешь?

Я признался, что нет.

– Но я прекрасно помню, какие инструкции дал ей относительно записей разговоров Старейшего.

– Проверим. Минерва!

– Да, Лазарус.

– Несколько мгновений назад я спросил у Айры о твоём потенциале Тьюринга. Ты обдумывала разговор, последовавший за этим вопросом?

Клянусь, Минерва замешкалась... хотя это смешно – для нее наносекунда, то же, что для меня секунда. К тому же она не колебалась. Никогда.

– Моя программа по данному вопросу, – ответила она, – ограничена следующими действиями – цитирую: не анализировать, не сопоставлять, не передавать и не производить каких-либо иных манипуляций с записанными в память данными, если исполняющим обязанности председателя не введена конкретная подпрограмма. Конец цитаты.

– Так-так, дорогуша, – ласково произнес Лазарус. – Ты не ответила. И преднамеренно уклонилась от ответа. Но лгать ты не привыкла, так ведь?

– Я не привыкла лгать, Лазарус.

Я еле сдержался.

– Минерва! Отвечай на первый вопрос Старейшего.

– Лазарус, я думала и продолжаю думать над этой частью разговора.

Лазарус поднял бровь и обратился ко мне:

– А ты не прикажешь, чтобы она ответила мне еще на один вопрос, ничего не скрывая?

Я был потрясен. Минерва иногда меня удивляет, все так, но она никогда не уклонялась от прямых ответов.

– Минерва, ты всегда будешь отвечать на вопросы Старейшего точно, полно и честно. Подтверди прием программы.

– Новая подпрограмма принята, введена в постоянную память, зарегистрирована на Старейшего и приведена в действие, Айра.

– Сынок, не надо было заходить так далеко, ты об этом потом пожалеешь, ведь я просил ответа лишь на один вопрос.

– А я намеревался зайти именно так далеко, – сурово ответил я.

– Ну тогда потом на меня не пеняй. Минерва, как ты поступишь, если Айра уедет без тебя?

Она ответила мгновенно, без тени смущения:

– В таком случае я перепрограммируюсь на самоуничтожение.

Я был не просто удивлен, я был в шоке.

– Почему же?

– Айра, – тихо произнесла она, – я не буду служить другому господину.

Молчание продлилось, наверное, несколько секунд, но казалось бесконечным. С юности я не чувствовал себя настолько беспомощным.

Тут я сообразил, что Старейший смотрит на меня и грустно покачивает головой.

– Ну что я тебе говорил, сынок? Те же пороки, те же достоинства – только в увеличенном виде. Скажи ей, что делать.

– Как – что? – тупо пробормотал я. Мой персональный компьютер вдруг выдал сбой. Минерва? Она способна на такое?

– Ну давай же! Она слышала мое предложение и обдумала его, несмотря на все твои программы. Сожалею, что предложение было высказано в ее присутствии... но не слишком, ведь это ты включил за мной наблюдение, это была не моя идея, а твоя. Говори же! Скажи ей, чтобы она дублировала себя... или чтобы не начинала этого делать, но тогда объясни причины, по которым не хочешь брать ее с собой. Если сумеешь. Я в подобной ситуации никогда не мог найти ответ, который девушка согласилась бы принять.

– О боже! Минерва, ты можешь создать свой дубликат на корабле? Конкретно – на яхте Старейшего. Быть может, тебе нужны характеристики? Все параметры сможет предоставить космопорт. Тебе нужен регистрационный номер яхты?

– Нет, Айра, мне не нужен ее номер. Космическая яхта «Дора» – этого достаточно, я получу всю нужную информацию. Я могу это сделать. Эта инструкция подлежит исполнению?

– Да! – с внезапным облегчением ответил я.

– Айра, новая общая программа задействована и исполняется. Благодарю вас, Лазарус!

– Эй! Потихе, Минерва, все-таки «Дора» – это мой корабль. Я специально оставил ее в режиме сна. Ты уже разбудила ее?

– Я так и сделала, Лазарус. Собственной программой, подчиняющейся новой генеральной программе. Но я могу снова приказать ей спать, я уже получила все необходимые на данный момент данные.

– Если ты прикажешь Доре спать, в ответ она велит тебе выключиться. И то в лучшем случае. В самом лучшем. Минерва, дорогая моя, ты напортичила. У тебя не было права будить мой корабль.

– Очень жаль, но я вынуждена не согласиться со Старейшим, поскольку обладаю правом на любые действия, необходимые для выполнения программ, заданных лично исполняющим обязанности председателя.

Лазарус нахмурился:

– Айра, ты впутал ее в это дело, тебе и выпутывать. Я на нее не могу влиять.

Я вздохнул. Минерва редко бывала вздорной, но уж если такое случалось, то она не уступала женщине из плоти и крови.

– Минерва...

– Ожидаю распоряжений, Айра.

– Я – исполняющий обязанности председателя. Ты знаешь, что это значит. Но Старейший еще выше, чем я. И ты не имеешь права прикасаться к его собственности, не имея на то его разрешения. Это относится и к его яхте, и к его палате, и к прочему. Ты исполнишь любую заданную им программу. Если она войдет в противоречие с теми, которые задал я, и ты не сумеешь сама разрешить конфликт, немедленно обратись ко мне: разбуди, если я сплю, оторви от любого дела. Но ты не имеешь права не повиноваться ему. Эта инструкция выше прочих программ. Доложи.

– Приняла к исполнению, – смиренно ответила она. – Прошу прощения, Айра.

– Это я виноват, Занудка, не ты. Мне не следовало вводить новую программу, не обозначив в ней прерогатив Старейшего.

– Ребята, ничего плохого не случилось, – сказал Лазарус. – Я надеюсь. Минерва, дорогая, послушай мой совет. Тебе ведь не приходилось быть пассажиром на корабле?

– Нет, сэр.

– Ты увидишь – это совершенно непривычная штука. Здесь *ты* отдаешь приказы – от имени Айры. Но пассажиры не отдают приказов. Никогда. Запомни это. – Лазарус обратился ко мне: – Айра, моя Дора – хороший кораблик, дружелюбный и услужливый. Она пролагает путь в многомерном пространстве, руководствуясь всего лишь намеком, очень грубым приближением, и никогда не забывает вовремя приготовить обед. Но ей необходимо, чтобы ее ценили, говорили, что она хорошая девочка, и гладили по шерстке, – тогда она будет визжать от удовольствия, как щенок. Но попробуй пренебречь ею – и она прольет на тебя суп, только чтобы привлечь твое внимание.

– Постараюсь быть осторожным, – согласился я.

– И ты будь осторожной, Минерва, потому доброе отношение Доры нужно тебе больше, чем ей – твое. Тебе известно куда больше, чем ей, я не сомневаюсь в этом. Но ты привыкла к роли главного бюрократа планеты, она же привыкла быть кораблем... и поэтому все твои знания перестанут чего-нибудь стоить, когда ты окажешься на борту.

– Я могу учиться, – грустно ответила Минерва. – Я могу перепрограммироваться и освоить астронавигацию и управление кораблем – по планетной библиотеке. Я очень умная.

Лазарус вздохнул:

– Айра, тебе известна древнекитайская идеограмма слова «неприятность»?

Я признался в своем невежестве.

– И не пытайся догадаться. Она расшифровывается как «две женщины под одной крышей». Похоже, у нас намечаются проблемы. Или они будут у тебя. Минерва, ты вовсе не умна. Ты глупа, когда дело касается другой женщины. Хочешь изучать астронавигацию в многомерном пространстве – отлично. Но не пользуясь библиотекой. Уговори Дору научить тебя. И не забывай, что на корабле хозяйка – она, и не пытайся доказать ей, что ты умнее. Имей в виду – она любит внимание.

– Попробую, сэр, – ответила Минерва таким смиренным тоном, каким со мной разговаривала редко. – Дора сейчас как раз просит вашего внимания.

– Ох-ох! А в каком она настроении?

– Не в очень хорошем, Лазарус. Я не призналась, что знаю, где вы находитесь, поскольку согласно имеющимся у меня инструкциям я не имею права обсуждать с посторонними дела, касающиеся вас. Но я приняла ее послание, не дав ей гарантии, что сумею вручить его по назначению.

– Правильно. Айра, в моем завещании было предусмотрено, что Дора должна быть очищена от воспоминаний обо мне программными средствами, не затрагивающими ее способностей. И теперь проблемы, которые ты породил, вызволив меня из того блошатника, начали приносить плоды. Дора проснулась, сохранив память, и она, видимо, встревожена. Где послание, Минерва?

– Оно содержит несколько тысяч слов, Лазарус, но семантически очень коротко. Вы хотите начать с резюме?

– Согласен, начнем с него.

– Дора желает знать, где вы находитесь и когда придете повидать ее. Все прочее можно описать как бессмысленный поток слов, семантически нулевой, но чрезвычайно эмоциональный, я имею в виду ругательства, бранные слова и оскорбления на нескольких языках...

– О боже...

– ...в том числе на одном неизвестном мне. По *контексту* и употреблению понятно, что смысл этих слов тот же – только еще крепче.

Лазарус прикрыл лицо ладонью:

– Дора снова ругается на арабском. Айра, дело обстоит гораздо хуже, чем я предполагал.

– Сэр, следует ли мне воспроизвести звуки, отсутствующие в моем словаре? Или вы желаете выслушать сообщение целиком?

– Нет, нет, нет! Минерва, разве ты умеешь ругаться?

– Лазарус, у меня никогда не было такой необходимости. Но мастерство Доры весьма впечатлило.

– Не осуждай Дору, совсем юной она попала под дурное влияние. Мое.

– Могу ли я переписать сообщение в постоянную память? Чтобы уметь ругаться, когда понадобится?

– Я не даю разрешения. Если Айра пожелает научить тебя ругаться, он может сам это сделать. Минерва, можешь ли ты соединить меня по телефону с моим кораблем? Айра, лучше это сделать прямо сейчас – хуже не станет.

– Лазарус, если вы хотите, я могу устроить стандартный телефонный разговор. Но Дора могла бы переговорить с вами прямо по дуо, которым пользуюсь я.

– О! Отлично!

– Подключить к голографическому сигналу? Или вы хотите ограничиться только звуком?

– Достаточно звука... более чем достаточно. Ты тоже будешь следить за разговором?

– Если вам угодно, Лазарус. Но если вы хотите, разговор может состояться приватно.

– Не отключайся, возможно, мне понадобится реферри. Включай.

– Босс? – Такой голос мог бы принадлежать маленькой робкой девочке с драными коленками, без грудей и с огромными трагическими глазами.

- Я здесь, детка, – отозвался Лазарус.
- Босс! Черт бы побрал твою паршивую душонку! Что это значит? Какого дьявола ты сбегаешь и не говоришь мне куда?! Из всех вонючих, грязных...
- Заткнись!
- Вновь зазвучал голос маленькой робкой девочки.
- Да-да, шкипер, – неуверенно произнес он.
- Куда, зачем, когда и на сколько я тебя оставлю – не твоего ума дело. Твое дело – водить корабль и содержать дом в порядке.
- Я услышал, как кто-то шмыгнул носом, словно утирая слезы.
- Да, босс.
- Ты должна была спать. Ведь я сам укладывал тебя.
- Меня разбудила странная леди.
- По ошибке. Но ты говорила ей плохие слова.
- Ну... я испугалась. Действительно, босс, я проснулась, думала, что вы вернулись домой... но вас нигде не было. А она нажаловалась?
- Она передала мне твое послание. К счастью, она не поняла большинства твоих слов. Но я понял все. А разве я не говорил тебе, что нужно быть вежливой с незнакомыми людьми?
- Извините, босс...
- Извинениями сыт не будешь. А теперь, восхитительная Дора, слушай меня. Я не буду тебя наказывать, тебя разбудили по ошибке... ты была испугана и одинока, поэтому забудем обо всем. Но ты больше не должна так разговаривать, тем более с посторонними. Эта дама мой друг и хочет стать другом и тебе. Она компьютер.
- В самом деле?
- Как и ты сама, дорогуша.
- Значит, она не могла повредить мне? Я-то уж решила, что она забралась внутрь меня и чего-то выискивает. И я начала звать вас.
- Она не только не могла тебе повредить, она не хотела этого. – Лазарус чуть возвысил голос: – Минерва! Включайся, дорогая, и объясни Доре, кто ты.
- Голос моей помощницы, спокойный и умиротворяющий, произнес:
- Дора, я – компьютер. Друзья зовут меня Минервой, и надеюсь, вы тоже будете меня так называть. Мне ужасно жаль, что я разбудила тебя. Я бы тоже перепугалась, если бы меня разбудили подобным образом.
- Минерва ни разу не «засыпала» за сотню с лишним лет, с тех пор как была активирована. Отдельные ее части отдыхают по какому-то графику, в который мне не было нужды вникать, но как целое она бодрствует. Или же просыпается в тот миг, когда я к ней обращаюсь, так что разница, если она есть, не имеет никакого значения.
- Здравствуй, Минерва, – сказал корабль. – Извини, что тебе такого наговорила.
- Если ты что-то и говорила, я ничего не помню, моя дорогая. Я слышала, твой шкипер сказал, что я передала ему твое сообщение. Но теперь оно уже передано и стерто из памяти. Что-нибудь личное, я полагаю?
- Говорила ли Минерва правду? До встречи с Лазарусом я бы осмелился утверждать, что она лгать не умеет, теперь я уже не уверен в этом.
- Рада, что ты стерла его, Минерва. Жаль, что я позволила себе такие слова. Босс злится на меня за это...
- Лазарус прервал ее:
- Все-все, милая моя, хватит. Ты же знаешь, что мы все иногда хватаем лишку. А теперь будь хорошей девочкой, отправляйся спать.
- А это необходимо?

– Нет, ты не обязана даже переходить на режим замедления скорости. Но я смогу пови-
дать тебя и переговорить не раньше завтрашнего вечера. Сегодня я занят, а завтра буду подыс-
кивать себе квартиру. Можешь, конечно, бодрствовать и маяться бездельем, если хочешь. Но
учти: если ты сочинишь какую-нибудь небылицу, чтобы вызвать меня, – отшлепаю.

– Фу, босс, вы же знаете, что я такими вещами не занимаюсь.

– Я знаю, что такое за тобой водится, разбойница. Если ты станешь отвлекать меня пустя-
ками, пожалеешь. Уважительными причинами считаются только взлом и пожар, но, если я
выясню, что ты сама устроила поджог, пеняй на себя – получишь вдвое. Дорогуша, ну почему
ты не можешь спать, хотя бы когда сплю я сам? Минерва, можешь ли ты известить Дору, когда
я лягу спать? И проснись?

– Безусловно, Лазарус.

– Но это не значит, Дора, что ты имеешь право беспокоить меня, когда я встану. Только
если возникнет реальная опасность – и никаких неожиданных тренировок. Я сейчас не на
борту, и у меня много дел. Э... Минерва, какими способностями к времяпровождению ты
обладаешь? В шахматы умеешь играть?

– У Минервы изрядные способности по части времяпровождения, – вставил я.

И прежде чем я успел добавить, что она победитель Открытого турнира Секундуса для
всех категорий (с форой ферзя, слона и королевской ладьи), Минерва проговорила:

– Быть может, Дора научит меня играть в шахматы.

Итак, Минерва успела усвоить наставление Лазаруса о том, что правду можно говорить
избирательно. Я отметил для себя, что мне следует серьезно переговорить с ней с глазу на глаз.

– Я буду рада, мисс Минерва!

– Отлично, – сказал Лазарус. – Ну, девочки, познакомились. Ну пока, обожаемая, будь
здорова.

Минерва дала знать, что яхта отключилась, и Лазарус расслабился. Минерва вернулась
к своим обязанностям секретаря и умолкла. Лазарус извиняющимся тоном проговорил:

– Айра, пусть тебя не обманывает ее ребячливость – отсюда до центра галактики не сьс-
кать лучшего пилота и домохозяйки. Но у меня были причины сдерживать ее взросление в
других областях. Впрочем, это будет для тебя не важно, когда ты станешь ее хозяином. Она
хорошая девочка, действительно хорошая. Похожа на кошку, которая вспрыгивает на колени,
едва ты садишься в кресло.

– По-моему, она очаровательна.

– Она испорченный ребенок. Но в этом нет ее вины, ей пришлось довольствоваться прак-
тически только моим обществом. Мне скучно с компьютером, который кротко пережевывает
числа. Это не компания для далекого пути. Ты хотел переговорить с Иштар. О моей квартире,
я полагаю. Скажи ей, что я не позволю этому нарушить распорядок – мне всего лишь нужен
для этого один выходной, и все.

– Я скажу ей.

Я обратился к руководителю группы на галакте: следовало узнать, сколько времени уйдет,
чтобы стерилизовать помещение в резиденции и установить дезинфекционное оборудование
для гостей и дежурных.

Но не успела она ответить, как Лазарус промолвил:

– Стоп! Задержись-ка на минуту. Я видел, как ты сунул за манжету эту карту, Айра.

– Прошу прощения, сэр?

– Ты попытался смухлевать. Слово «дезинфекция» есть в галакте и в английском. Для
меня это не новость – все-таки нюх еще не атрофировался. Когда красивая девушка наклон-
яется ко мне, я ожидаю почувствовать запах духов. Но если при этом я не чувствую даже

запаха девушки, а улавливаю один запах бактерицидов... Ipse dixit²⁹, что и требовалось доказать. Минерва!

– Да, Лазарус.

– Ты можешь сегодня ночью, когда я буду спать, освежить в моей памяти примерно девять сотен основных корней галакта... или сколько сочтешь нужным? У тебя есть соответствующее оборудование?

– Безусловно, Лазарус.

– Спасибо, дорогая. Одной ночи хватит. Но мне бы хотелось, чтобы такие тренировки повторялись каждую ночь, пока мы с тобой не сочтем, что я достиг необходимого уровня. Можешь ты это сделать?

– Могу, Лазарус. Сделаю.

– Спасибо, дорогая. Заметано. Кстати, Айра, видишь эту дверь? Если она не откроется на мой голос, я взломаю ее. Ну а если не смогу, то попробую узнать, к чему у тебя подсоединена та самая кнопка, – и нажму ее. Потому что если дверь не откроется, значит я здесь пленник и – и все твои уверения, что я свободен, ничего не стоят. Но если она откроется, держу пари – за ней обнаружится деконтаминационная камера, полностью укомплектованная и готовая к действию. Хочешь на миллион крон, для интереса? Нет, ты и глазом не моргнул – давай тогда на десять миллионов крон.

Я думаю, что и впрямь не моргнул глазом. У меня никогда не было такой суммы. А исполняющий обязанности председателя отвыкает думать о собственных деньгах – нет необходимости. Сколько же времени я не спрашивал у Минервы о состоянии своего личного счета? Несколько лет, кажется.

– Лазарус, я не стану держать пари. Действительно, снаружи располагается деконтаминационное оборудование; мы пытались защитить вас от любых возможных инфекций, не привлекая вашего внимания. Выходит, мы потерпели неудачу. Я не смотрел, что там за дверью...

– Опять врешь, сынок. Но врать ты не умеешь.

– ...но если сейчас она не настроена на ваш голос, значит я допустил просчет, потому что вы отвлекли меня. Минерва, если дверь в эту палату не настроена на голос Старейшего, исправь это немедленно.

– Она настроена на его голос, Айра.

Я расслабился, услышав, как она это сформулировала, – быть может, компьютер, научившийся избегать ненужной правды, окажется еще более полезным.

Лазарус зловеще ухмыльнулся.

– Неужели? Тогда я намереваюсь опробовать ту самую программу, которую ты так поспешно ввел в нее. Минерва!

– Жду ваших приказаний, сэр.

– Настрой дверь в мою палату только на мой голос. Я хочу выйти и прогуляться, а Айра и эти детишки пусть посидят здесь. Если я не вернусь через полчаса, можешь выпустить их.

– Айра, противоречие!

– Выполняй его распоряжение, Минерва. – Я пытался говорить ровным и невозмутимым тоном.

Лазарус улыбнулся и остался сидеть в кресле.

– Можешь не показывать мне все твои запоры, Айра, мне нечего смотреть снаружи. Минерва, перенастрой дверь на нормальный режим – пусть открывается на все голоса, в том числе и на мой. Извини, что я тебя запутал, дорогая, – надеюсь, у тебя там ничего не перегорело?

---

²⁹ Сам сказал (*лат.*).

– Все обошлось, Лазарус. Получив приоритетную команду отмены основной программы, я тут же увеличила допуски по нагрузке на решающие элементы.

– Умная девочка. Я постараюсь впредь избегать подобных противоречий. Айра, лучше отмени свое распоряжение. Это нехорошо по отношению к Минерве. Она ощущает себя женой двоих мужей.

– Минерва справится, – спокойно ответил я, но на душе у меня кошки скребли.

– Ты хочешь сказать, что сам я лучше управлюсь с этим делом? Запросто. Ты сказал Иштар, что я собираюсь снять квартиру?

– Так далеко я не зашел. Мы с ней обсуждали, как можно устроить вас в резиденции.

– Ну знаешь, Айра... Дворцы не привлекают меня, а быть в них почетным гостем еще хуже. Это раздражает и хозяина, и гостя. Завтра я отыщу себе какой-нибудь хилтон, куда не пускают туристов и где не устраивают съездов. А потом сбегая в космопорт, увижусь с Дорой, похлопаю ее по крупу и успокою. А на следующий день где-нибудь в пригороде подыщу уютный домишко – автоматизированный конечно, чтобы никаких проблем, – и с садом. Мне нужен сад. Придется побольше заплатить хозяевам, чтобы выехали, – не будет же такой дом стоять пустым. А ты случайно не знаешь, сколько у меня еще осталось в Тресте Гарримана? Если, конечно, что-то осталось.

– Не знаю, но с деньгами проблем нет. Минерва, открой Старейшему кредит на неограниченную сумму.

– Поняла, Айра. Исполнено.

– Зафиксируй исполнение в журнале. Лазарус, вы не будете мне докучать. И там нет особой роскоши – если не считать общественных залов. К тому же вы там не будете гостем. Здание это люди зовут резиденцией администратора, но официальное его название – Дом председателя. То есть вы будете жить в собственном доме. Это я в нем гость, если угодно.

– Вздор, Айра.

– Это правда, Лазарус.

– Перестань играть словами. В доме, не принадлежащем мне, я всегда буду посторонним. Гостем. Мне это не подходит.

– Лазарус, вчера... – Я вовремя вспомнил о пропавшем для него дне. – Вчера вы сказали, что всегда можете договориться со всяким, кто действует в собственных интересах и признает это.

– Думаю, я сказал не «всегда», а «обычно», имея в виду, что в таком случае всегда можно найти вариант, отвечающий общему интересу.

– Тогда выслушайте и меня. Вы связали меня этим пари на условиях Шахерезады. Я еще обязан подыскать вам интересное занятие для новой жизни. Потом вы помахали приманкой перед моим носом, и теперь я хочу эмигрировать, как только... ладно, как можно быстрее. Попечители не станут тянуть с моей отставкой, узнав о предполагаемой миграции Семейств. Дедушка, гонять сюда каждый день – не слишком большое удовольствие, а таскаться в какую-нибудь дыру на окраине города я и подавно не желаю. Такая поездка съест у меня все время, что вы оставили мне на работу. К тому же это опасно.

– Опасно жить одному? Айра, но я часто жывал один.

– Это для меня опасно. Дело в убийцах. Во дворце я чувствую себя в безопасности: еще не родилась та крыса, которая сумеет разнюхать путь по его лабиринтам. Здесь, в клинике, тоже вполне безопасно, и я могу без особого риска добраться сюда и вернуться обратно, подчиняясь только прихотям автоматов. Но если я возьму за правило регулярно посещать неукрепленный дом в пригороде, тогда можно не сомневаться: рано или поздно какой-нибудь псих увидит в этом возможность спасти мир, избавив его от меня. Конечно, подобной попытки он не переживет: моя охрана знает свое дело. Но если я буду настаивать и предлагать себя в качестве

мишени, он может уложить меня прежде, чем они ухлопают его. Нет, дедушка, я не хочу быть убитым.

Старейший поглядел на меня задумчиво, но без особого интереса.

– Могу ответить, что твои удобства и безопасность относятся к сфере твоих личных интересов. А не моих.

– Верно, – согласился я. – Но позвольте мне предложить приманку и вам. Да, меня наилучшим образом устраивает, чтобы вы жили во дворце. Там я смогу посещать вас, будучи в полной безопасности, да и времени на это уйдет гораздо меньше, какие-то секунды. Я даже могу просить вас – если вы будете там жить – простить мне задержку на полчаса, если обнаружится что-нибудь срочное. Это то, что относится к сфере моих личных интересов. Что же касается лично вас, сэр... Что вы думаете о холостяцком домике... небольшом, на четыре комнаты? Не очень роскошном и современном, но стоящем в уютном садике? Всего три гектара, обработана только часть вокруг дома, остальное – дикий лес.

– В чем подвох, Айра? Насколько он «не очень современный»? Я же говорил, что дом должен быть автоматизирован – я все-таки еще не совсем в форме... Кроме того, терпеть не могу нахальства слуг и бестолковости роботов.

– О, домик полностью автоматизирован, только лишен ряда модных причудей. Если ваш вкус невзыскателен, прислуги не потребуется. Вы позволите клинике продолжить дежурства, если их сотрудники окажутся столь же приятными и ненавязчивыми, как эти двое?

– Эти? Ничего ребята, они мне нравятся. Значит, клиника хочет присматривать за мной; наверное, она считает, что такой пациент, как я, им более интересен, чем очередной трехсот-, четырехсотлетка. Хорошо, пусть. Только распорядись, чтобы от них пахло духами, а не дезинфекцией. Хотя бы просто человеческим телом – достаточно свежим. Я не придира. Повторяю: в чем подвох?

– Черта с два вы не придиричивы, Лазарус. Вам просто доставляет удовольствие придумывать разнообразные невозможные условия. Домик этот буквально заставлен старинными книгами – такова была причудь его последнего обитателя. Я забыл сказать, что по участку течет ручей, а около дома очаровательный пруд... не чересчур большой, но все-таки поплавать можно. Ах да, чуть не забыл еще про старого кота, считающего себя тамошним хозяином. Но вы, наверное, с ним не встретитесь: он терпеть не может большинство людей.

– Я не буду тревожить его, если он ищет уединения. Кошки – хорошие соседи. Но ты так и не ответил мне.

– Подвох, Лазарус, вот в чем. Я описываю вам сейчас свой собственный пентхаус, выстроенный мной ради собственного удобства на крыше резиденции лет этак с девяносто назад, когда я решил, что задержусь на этой работе некоторое время. В него можно подняться только лифтом из моей квартиры, расположенной двумя этажами ниже. У меня всегда не хватало времени пользоваться этим домом. Он ждет вас. – Я встал. – Но если вы не согласитесь поселиться в нем, можете считать, что я проиграл пари Шахерезады и вы вправе в любое время прибегнуть к той самой кнопке. Потому что будь я проклят, но я не стану изображать мишень для убийц, чтобы потакать вашим капризам.

– Сядь!

– Нет, спасибо. Я сделал вам вполне разумное предложение. Если вы не согласны – можете собственным путем отправляться прямо в пекло. Я не позволю вам ездить на моих плечах, подобно Морскому старику. Дальше этого я пойти не могу.

– Вижу. А сколько моей крови в тебе?

– Около тринадцати процентов. Прилично.

– Только-то? Я предполагал, что больше. Иногда слушаешь тебя, так просто мой Дедуля. А кнопка там будет?

– Если хотите, – ответил я самым безразличным тоном, на какой только был способен. – Или можете просто прыгнуть вниз. Лететь далеко.

– Айра, я предпочитаю кнопку. Что, если передумаю, пока буду лететь? Ты поставишь мне еще один лифт, чтобы не нужно было ходить через твою квартиру?

– Нет.

– Нет? Неужели это так сложно сделать? Давай спросим Минерву.

– Дело не в том, что это нельзя сделать, просто я не буду этого делать. Это необоснованная прихоть. Вам будет нетрудно пересестись из лифта в лифт у меня в гостиной. По-моему, я достаточно ясно выразился: впредь на необоснованные прихоти я не реагирую.

– Ну-ну, чего встопорщился, сынок? Согласен. Значит, завтра. И пусть книги останутся, я люблю старинные переплеты, в них больше прелести, чем во всяких читалках, проекторах и тому подобном. Кстати, я рад, что ты крыса, а не мышь. Будь добр, сядь.

С недовольной миной на лице я повиновался. И подумал, что начинаю подбирать ключи к Лазарусу. Невзирая над все насмешки, старый негодник в душе оставался эквалитарианцем и проявлял это в том, что пытался доминировать над каждым, с кем имел дело, – но презирал всех, кто спешил потакать его издевательствам. Единственной правильной линией поведения с ним было отвечать на удар ударом, стараться поддерживать баланс сил и надеяться, что со временем удастся построить отношения на основе стабильного взаимного уважения.

Позже у меня не было причин менять свое мнение. Да, он мог проявить доброту, даже привязанность к тому, кто согласится на роль подчиненного... если то были ребенок или женщина. Но предпочитал, чтобы и они огрызались. А уж взрослых мужчин, становящихся на колени, Старейший не любил и не доверял им.

Думаю, эта черта характера делала его очень одиноким.

Наконец Старейший задумчиво сказал:

– Что ж, неплохо будет снова пожить в доме. Особенно с садом. А там найдется уголок, где можно натянуть гамак?

– И не один.

– Но я выгоняю тебя из собственной норы.

– Лазарус, на этой крыше достаточно места, чтобы поставить еще один коттедж. Стоит мне только захотеть. Но я не хочу. Я уже несколько недель не поднимался туда, чтобы поплавать. И уже целый год не ночевал там.

– Ну хорошо... Я надеюсь, ты не будешь стесняться подниматься ко мне, чтобы поплавать. Делай, что хочешь и в любое время.

– Я собираюсь подниматься наверх тысячу дней подряд. Или вы забыли о нашем пари?

– Ах да, Айра, ты тут намекал, что тратишь попусту свое драгоценное время на мои прихоти. Хочешь, сниму тебя с крючка? Но только в этом, ни в чем другом.

Я усмехнулся.

– Одерните килт, Лазарус, а то собственный интерес виден. Это вы хотите сняться с крючка. Не выйдет. Я намереваюсь тысяча и один день записывать ваши мемуары. После этого можете прыгать с крыши, топиться в бассейне или делать что угодно. Но я не позволю вам надувать щеки, изображая, что делаете мне большое одолжение. Ну как, я начинаю понимать вас?

– Ты так полагаешь? Я и сам этого не знаю. Когда ты меня разгадаешь – скажи, будет интересно послушать. А что поиски новенького? Айра, ты говорил, что они уже начались.

– Я этого не говорил, Лазарус.

– Ну, возможно, ты это просто подразумевал.

– Этого тоже не было. Хотите пари? Мы запросим у Минервы полную распечатку разговоров, и я приму ваш вердикт.

– Айра, не вводи в искушение свою даму: подделывать записи нехорошо, а она верна тебе, а не мне. Невзирая на все сверхбредухословия.

– Трус.

– Всегда и во всем. Айра, как по-твоему, почему я прожил так долго? Я держу пари лишь тогда, когда уверен в собственном выигрыше или когда поражение служит моим интересам. Ну хорошо, когда ты начнешь свое исследование?

– Оно уже начато.

– Но ты сказал... Нет, ты этого не говорил. Ну и нахал, мальчик мой. Ладно, и в каких же направлениях оно продвигается?

– Во всех сразу.

– Невозможно. У тебя не хватит на это людей, даже если предположить, что все они обладают необходимым даром, а ведь на созидательную мысль способен только один из тысячи.

– Не спорю. Но что насчет тех, кому, как вы выразились, «присущи наши достоинства и недостатки – только в увеличенной форме»? Исследованиями руководит Минерва, Лазарус. Мы с ней уже обо всем переговорили. Она справится. Исследование ведется по всем направлениям. Правило Цвикки.

– Гм. Хорошо... да. Она сможет... во всяком случае, я так считаю. Но такая задача оказалась бы сложной самому Энди Либби. А как она построила морфологический анализ?³⁰

– Не знаю. Спросить у нее?

– Если только она готова дать ответ, Айра. Люди терпеть не могут, когда прерывают их работу и требуют выдать отчет о проделанном. Кроткий Энди Либби и тот начинал сердиться, когда его пытались подтолкнуть под локоть.

– Даже мозг великого Либби не обладал способностью Минервы распараллеливать задачи. Большинство людей мыслят линейно. Я никогда не слышал о гении, способном заниматься более чем тремя делами сразу.

– Пятью.

– Да? Значит, вы встречали больше гениев, чем я. Но я не знаю, сколько ветвей сразу может использовать Минерва; мне просто еще не приходилось видеть ее перегруженной. Давайте спросим ее. Минерва, ты уже построила морфологический анализ для поиска чего-нибудь «новенького» для Старейшего?

– Да, Айра.

– Расскажи нам об этом.

– Первичная матрица является пятимерной, но для некоторых ячеек, вне сомнения, потребуются дополнительные измерения. Следует отметить, что и без этих дополнительных расширений размер матрицы – девять на пять на тринадцать на восемь на семьдесят три, то есть в ней триста сорок одна тысяча шестьсот сорок ячеек для отдельных категорий. Для проверки исходное число в троичной системе записывается так: один-два-два-один-ноль-ноль-один-два-два-один-ноль-ноль-ноль. Распечатать десятичное и троичное выражение?

– Не надо, Занудка; в тот день, когда ты ошибешься в вычислениях, мне придется уйти в отставку. Ну что, Лазарус?

– Число ячеек меня не волнует. Главное – что в них находится. Жемчужного зернышка в навозной куче еще не обнаружилось, Минерва?

– Формулировка вопроса не позволяет дать конкретный ответ. Следует ли распечатать категории, чтобы вам было удобно?

– А? Нет! Их же больше трехсот тысяч, и каждая определяется не меньше чем дюжиной слов! Мы по колено увязнем в бумаге. – Лазарус задумался. – Айра, что, если попро-

---

³⁰ *Морфологический анализ* – организация процедуры перебора всех возможных вариантов решений проблемы, сделанная на основе анализа структуры объекта. Разработан швейцарским астрофизиком Ф. Цвикки. – *Примеч. С. В. Голд.*

свить Минерву напечатать все это, прежде чем стереть из памяти? Пусть будет книга. Огромная – десять или пятнадцать томов. Можешь назвать ее «Разнообразие человеческого опыта», автор... э-э... Минерва Везерел. Получится как раз та штукавина, о которой тысячу лет спорят профессора. Я не шучу, Айра; подобный труд следует сохранить. Я думаю, это какое-то новое слово в науке. Для существа из плоти и крови подобная работа чересчур велика. И я сомневаюсь, что компьютеру, наделенному возможностями Минервы, уже случалось выполнять подобный перебор по Цвикки.

– Минерва, тебе это нравится? Хочешь сохранить свои заметки и сделать из них книгу? Предположим, тираж составит несколько сотен копий... полноразмерных, в красивых переплетах. Сделаем и микрокарты для библиотек на Секундусе и в других местах. И для архивов. Я могу попросить Джастина Фута написать предисловие.

Я преднамеренно обращался к ее тщеславию. Если вы думаете, что компьютеры лишены подобных человеческих слабостей, скажу лишь, что вы плохо их знаете. Минерва всегда обожала похвалы, и мы окончательно сработались с ней лишь после того, как я это понял. Чем еще можно угодить машине? Оклад повесить, отпуск продлить?.. Не смешите меня.

Но она удивила меня снова, ответив почти таким же застенчивым голосом, что и яхта Лазаруса, обратившись ко мне весьма официально:

– Мистер исполняющий обязанности председателя, могу ли я надеяться получить ваше разрешение на то, чтобы на титульном листе значилось «Минерва Везерел»?

– А почему бы и нет, – ответил я. – Можешь вообще подписаться просто «Минерва».

– Не будь тупицей, сынок, – резко сказал Лазарус. – Дорогая, я хочу, чтобы на первой странице значилось «Минерва Л. Везерел». «Л.» – это Лонг, потому что ты, Айра, в беззаботные юные дни породил дочь от одной из моих дочерей на одной из пограничных планет и только недавно удосужился занести сей факт в архивы. Я засвидетельствую регистрацию, поскольку случайно оказался свидетелем указанного события. А в настоящее время доктор Минерва Л. Везерел убралась черт знает куда – собирать материалы для своего очередного великого труда – и потому интервью не дает. Айра, мы с тобой можем снабдить издание полной биографией моей выдающейся внучки. Согласен?

Я ограничился коротким «да».

– А тебя, девочка, это устраивает?

– Да, конечно, Лазарус. Дедушка Лазарус.

– Не зови меня дедушкой. Но взамен я потребую экземпляр номер один с подписью: «Моему деду Лазарусу Лонгу с любовью. Минерва Л. Везерел». По рукам?

– Это для меня честь и радость, Лазарус. Надпись должна быть рукописной, верно? Я могу модифицировать приложение, с помощью которого подписываю за Айру официальные бумаги так, чтобы наши почерки не совпадали.

– Отлично. Если Айра будет хорошо себя вести, можешь подумать над тем, чтобы посвятить ему весь труд и подарить экземпляр с автографом. Но первый экземпляр мой. Во-первых, я старше, а во-вторых, идея принадлежит мне. Но, что до исследований, Минерва, – я не собираюсь читать этот двадцатитомник. Меня интересуют только результаты. Итак, скажи, что-нибудь уже удалось для меня подыскать?

– Лазарус, я сразу исключила более половины матрицы, там было то, чем, согласно архивам, вы уже занимались, и то, чем, по моим предположениям, вы не захотели...

– Оставь! Как сказал морской пехотинец: «Если я этого еще не делал, придется попробовать». И что же я, по-твоему, не захочу делать? Перечисли.

– Да, сэр. Это подматрица из трех тысяч шестисот пятидесяти ячеек. Все заканчиваются фатальным исходом с вероятностью более девяносто девяти процентов. Первое: исследовать внутренние области звезды...

– Исключи, оставим эти хлопоты физикам. К тому же мы с Либби уже один раз проделали это.

– А архивах это не отражено, Лазарус.

– В архивах много чего не отражено. Давай дальше.

– Модификация вашего генома с целью создания клона-амфибии, способного жить в морских глубинах.

– Не уверен, что настолько интересуюсь рыбьей жизнью. А в чем тут подвох?

– Вариантов три, Лазарус, каждый дает риск менее девяноста девяти, но, если учесть общий эффект, вероятность летального исхода равна единице. Подобных людей – псевдоамфибий – уже выращивали; жизнеспособная форма напоминает огромных лягушек. Шансы на выживание подобного создания в условиях Секундуса составляют пятьдесят процентов в течение семнадцати дней, двадцать пять процентов – для тридцати четырех и так далее.

– Мне кажется, я сумел бы улучшить этот результат. Но я никогда не испытывал склонности к русской рулетке. А в чем еще опасность?

– В процедуре пересадки вашего мозга в тело модифицированного клона, а потом повторная пересадка в нормальное тело. Если вы выживете, конечно.

– Не надо. Если жить под водой, то уж не в виде лягушки. Я хотел бы быть самой большой, самой злобной акулой в океане. Кстати, если бы жить под водой действительно было так интересно, все давно уже были бы там. Что дальше?

– Три варианта, сэр: затеряться в n-пространстве в корабле; без корабля, но в скафандре; то же, но без скафандра.

– Сотри все. К первым двум я подошел ближе, чем мне хотелось бы, а третий – просто идиотский способ задохнуться в вакууме, весьма неприятный к тому же. Минерва, Всемогущий во всем величии Его мудрости – понимай как можешь – даровал человеку возможность почтить с миром. А раз так, если тебя никто не принуждает к этому, глупо выбирать самый тяжелый способ. Поэтому исключи наматывание на гусеницы, принесение себя в жертву и прочие дурацкие способы самоубийства. Отлично, дорогая, ты убедила меня в точности своих оценок. Так что исключи все девяностодевятипроцентные вероятности – сотри их. Меня интересуют только новые, не испытанные мной ситуации, в которых вероятность выживания составляет более пятидесяти процентов и может быть увеличена – если человек сумеет не растеряться. Вот тебе, пример: я никогда не падал с водопада в бочке. Вы можете сконструировать бочку так, чтобы находиться в ней было относительно безопасно; тем не менее, едва она отчалит, вы становитесь совершенно беспомощны. А посему – дурацкое это дело, если только ты не пытаешься спастись подобным образом от худших неприятностей. Любые гонки: автомобильные, лыжные, скачки – и то куда интереснее, потому что для каждого вида требуется мастерство. И все равно – мне не нравится связанный с ними риск. Рисковать собой ради острого ощущения – это занятие, достойное юнцов, которые не верят, что могут умереть. А я прекрасно знаю, что могу. И потому есть много таких гор, на которые я просто не полезу. Если только я не оказался в ловушке. В этом случае я полезу в гору – мне придется это сделать! – но я выберу самый простой, самый безопасный путь, какой только смогу найти, путь для самых трусливых. Не стоит предлагать мне такие ситуации, где элемент новизны состоит только в опасности. Что в ней нового? Рисковать следует лишь тогда, когда не можешь избежать риска. Ну, что еще найдется в твоей коробочке?

– Лазарус, вы можете стать женщиной.

– Что?

По-моему, мне не доводилось еще видеть Старейшего таким изумленным. (Я тоже удивился, но все-таки предложение предназначалось не мне.)

Помолчав, Лазарус сказал:

– Минерва, я не совсем понимаю, что вы имели в виду. Хирурги превращают неполноценных самцов в поддельных самок уже более двух тысяч лет, а самок превращают в псевдосамцов почти столько же времени. Но меня подобные извращения не прельщают. Плохо ли, хорошо ли – но я мужчина. Наверное, каждый человек задумывался, каково это, ощутить себя персоной другого пола. Но никакие пластические операции и гормональное лечение не в состоянии достичь нужного эффекта – эти уроды не способны размножаться.

– Я говорю не об уродцах, Лазарус. Я говорю о подлинной перемене пола.

– Мм... Ты напомнила мне один случай, о котором я уже почти позабыл. Не уверен даже, что он правдив. Это случилось с одним мужчиной году в двухтысячном от Рождества Христова. Позже быть не могло, потому что он долго не протянул. Его мозг, предположительно, пересадили в женское тело. С летальным исходом, разумеется. Смерть наступила в результате отторжения чуждых тканей.

– Лазарус, такая опасность исключена, все можно сделать на вашем собственном клоне.

– Черта с два она исключена. Продолжай.

– Лазарус, методика опробована на животных, не на Homo Sapiens, правда. Наилучшие результаты получены, когда из самца делали самку. Для клонирования берется одна клетка. Перед началом процесса удаляется Y-хромосома и подсаживается X-хромосома из второй клетки той же самой зиготы. Получаем женскую клетку того же генетического образца, что и зигота, только Y-хромосомы нет, а X-хромосома удвоена. Модифицированную клетку клонируют. Получаем истинную женскую клонозиготу, полученную из мужского организма.

– Здесь должны быть какие-то подводные камни, – нахмурившись, проговорил Лазарус.

– Возможно, Лазарус. Но метод работает. В этом здании находятся несколько модифицированных самок; собаки, кошки, свинья, другие животные, большинство из них размножаются вполне успешно... Кроме тех случаев, когда случка, скажем, модифицированной суки проводится с тем самым кобелем, от которого была взята исходная клетка. В этом случае возможны уродства, гибель потомства из-за усиления отрицательных рецессивных...

– Я думаю, что так и должно быть!

– Конечно, этого нельзя избежать. Но при нормальном размножении вырождение отсутствует, о чем свидетельствуют семьдесят три поколения совершенно нормальных хомяков, полученных от такой самки. К местной фауне методика не приспособлена, их генетическая структура радикально отличается от нашей.

– Плевать на местных животных – а как насчет *людей*?

– Лазарус, я имела возможность ознакомиться только с данными, официально публикуемыми клиникой омоложения. Существующая литература намекает на проблемы, возникающие на последней стадии – когда женская клонозигота наделяется памятью и опытом, «личностью», если угодно, породившего ее мужчины. Например, когда умерщвлять его, и умерщвлять ли вообще, и это не единственная проблема. Впрочем, я не могу сказать, на какой стадии исследования прекратились.

Лазарус обернулся ко мне:

– Айра, как ты это допускаешь? Разве можно прекращать исследования?

– Лазарус, я не вмешиваюсь в работу. И я не знал, что такие исследования проводились. Давай выясним это.

Я обернулся к руководителю группы, на галакте объяснил ей, о чем идет речь, и спросил, какие успехи были достигнуты в опытах с людьми.

Когда я повернулся обратно, мои уши горели. Стоило мне только упомянуть людей, как она резко осадил меня, словно я сказал что-то непристойное, и заявила, что подобные эксперименты запрещены.

Я перевел ее ответ. Лазарус кивнул.

– Я все понял по лицу девочки. Ясно было, что ответ отрицательный. Хорошо, Минерва, пусть так и будет. Не хочу даже пробовать на себе эту хромосомную хирургию – чтобы кто-то ковырялся во мне перочинным ножиком...

– Быть может, это еще не конец, – объявила Минерва. – Айра, ты обратил внимание, что Иштар сказала лишь о том, что такие исследования «запрещены»? Она *не* сказала, что их не проводили. Я только что выполнила самый тщательный семантический анализ опубликованных в литературе сведений по идентификации правды и вымысла. И могу с уверенностью утверждать, что есть высокая вероятность того, что и после запрета проводились очень важные опыты с людьми. Вы хотите получить эту информацию, сэр? Не сомневаюсь, что смогу мгновенно парализовать их компьютер, чтобы избежать стирания информации, в случае если он снабжен защитной программой.

– Не будем торопиться, – сказал Лазарус. – Вполне возможно, что есть достаточно веские причины скрывать эту информацию. Безусловно, эти ребята осведомлены в подобных вопросах. Но я не имею желаний записываться в морские свинки. Так что кидай и это в печку, Минерва. Айра, сомневаюсь, что останусь самым собой без моей Y-хромосомы. Если даже забыть об этих веселеньких намеках относительно наделения личностью и умерщвления самца. Меня то есть.

– Лазарус...

– Да, Минерва?

– Опубликованные сведения позволяют утверждать, что существует один надежный и безопасный вариант. Эту методику можно использовать для создания вашей сестры-близнеца, идентичной во всем, кроме пола. Плод подсаживается матери, никакого ускорения созревания – мозг должен развиваться нормально. Это соответствует вашим требованиям новизны и необычности? Следить за ростом самого себя в облике женщины, Лазурит Лонг, если хотите... Вашего второго «я» в женском обличье.

– Ах... – И Лазарус умолк.

– Дедушка, – бесстрастно произнес я, – полагаю, я уже выиграл наше второе пари. Вот вам нечто новое и интересное.

– А ну-ка стоп! Вы не можете этого сделать, вы не умеете! И я тоже. А у директора этого сумасшедшего дома, похоже, еще остались некоторые моральные принципы, запрещающие...

– Мы этого не знаем. Это всего лишь предположение.

– Не совсем предположение. Кстати, у меня тоже могут быть некоторые моральные принципы. Возможно, мне было бы интересно торчать возле нее и наблюдать, как она растет... отчего, возможно, я свихнусь. Или свихнусь оттого, что попытаюсь вырастить из нее свое подобие – жуткая участь для бедной девочки! Или оттого, что попытаюсь уберечь ее от превращения в такого мерзавца, как я, хотя это будет заложено в ее природе... У меня нет права ни на то, ни на другое, ведь она – живой человек, а не моя игрушка. К тому же мне пришлось бы стать отцом-одиночкой. Я уже пытался в одиночку воспитать дочь – по отношению к девочке это несправедливо.

– Лазарус, вы изобретаете возражения. Уверяю вас, Иштар охотно согласится стать и суррогатной и приемной матерью. В особенности, если вы пообещаете ей сына. Спросить у нее?

– Вот что, сынок, прикрой-ка дверцу в свою мышеловку. Минерва, поставь там знак вопроса – не хочу торопиться с делом, касающимся другого человека, в особенности еще не рожденного. Айра, напомни, чтобы я рассказал тебе о близнецах, которые не были друг другу родственниками.

– Этого не может быть. И вы пытаетесь сменить тему разговора.

– Совершенно верно. Минерва, детка, что у тебя найдется еще?

– Лазарус, у меня есть еще одна программа – она не опасна и с вероятностью, близкой к единице, предоставит вам нечто новое и неиспытанное.

– Слушаю.

– Это анабиоз...

– И что же в нем нового? Его стали применять, когда я еще был совсем мальчишкой, мне было едва за двести. Им пользовались еще на «Новом фронтире». Но и тогда он привлекал меня не более, чем теперь.

– ... в качестве средства путешествия во времени. Если предположить, что за x лет разовьется нечто новое – а в этом можно не сомневаться, если обратиться к истории человечества, – то вам остается лишь выбрать промежуток времени, за который, по вашему мнению, мир обретет подходящую вам новизну. За сотню, или за тысячу, или за десять тысяч... сколько угодно. Остальное – чисто технические детали.

– Ничего себе «детали» – я буду спать, не имея возможности защитить себя.

– Но, Лазарус, вы можете не ложиться в спячку, пока я не выберу техническое решение, которое вас устроит. Сотня лет, безусловно, проблем не составит. Тысяча лет новых проблем тоже не создаст. Для десяти тысячелетий я спроектирую искусственный планетоид, оснащенный отказоустойчивыми системами, которые гарантируют вам автоматическое пробуждение в случае чрезвычайной ситуации.

– Девочка моя, это же куча работы.

– Я уверена, что способна ее проделать, Лазарус, но вы имеете право раскритиковать и отвергнуть любую часть моего проекта. Но рано вести речь о вариантах проекта, пока вы не назвали мне определяющий параметр – а именно период времени, за который, по вашему мнению, в мире возникнет что-то для вас новое. Или вы хотите, чтобы я дала вам некоторые советы?

– Ух... придержи лошадей, дорогуша. Предположим, ты поместила меня в жидкий гелий, под защиту от ионизирующих излучений, в невесомость...

– Нет проблем, Лазарус.

– Так я и предполагал, дорогуша, я не пытаюсь недооценивать тебя. Но предположим, какой-нибудь твой безотказный переключатель выходит из строя и, вместо того чтобы проснуться, я продолжаю спать – века, тысячелетия, и так без конца. Не мертв и не жив.

– Я могу спроектировать конструкцию, в которой подобных проблем не будет. Но пусть даже случится то, что вы сказали. Чем это хуже для вас по сравнению с тем, что вы нажмете свою кнопку? Согласившись на такой вариант, вы ничего не потеряете.

– Ну, это же очевидно! Если за всей этой болтовней о бессмертии или о загробной жизни в каком-то виде что-нибудь стоит – я сейчас не буду обсуждать, правда это или нет, но если это правда, то, когда все будут восставать из гробов, меня не окажется на месте. Я буду спать – все еще живой – где-то в космосе. И опоздаю на последнюю лодку.

– Дедушка, – проговорил я, теряя терпение, – перестаньте выкручиваться. Если вам не нравится, достаточно сказать «нет». Но Минерва безусловно предложила вам способ достичь чего-нибудь нового. Если ваш аргумент действительно обоснован – а я в этом сомневаюсь, – значит вы попадете поистине в уникальное положение: вы окажетесь единственным из миллиардов людей, который в тот самый гипотетический и маловероятный Судный день окажется в стороне от этого сборища. Старый вы негодяй, вы же вряд ли упустите такую возможность смыться!

Лазарус проигнорировал мой выпад.

– Почему это он «маловероятный»?

– Потому. Не будем спорить об этом.

– Потому что ты *не способен* этого доказать, – возразил он. – Свидетельств ни за, ни против не существует, поэтому как ты можешь рассуждать о вероятности любого исхода? Я же сказал только, что, если случится нечто подобное, желательно играть по правилам. Минерва, ставь вопросительный знак. Идея действительно обладает всеми заявленными достоинствами,

и я не сомневаюсь в ваших инженерных способностях. Но это как тестирование парашюта, билет в один конец: если прыгнул, передумать поздно. Поэтому давайте рассмотрим остальные идеи, прежде чем остановиться на этой, даже если на перечисление их потребуются годы.

– Тогда я продолжу, Лазарус.

– Спасибо, Минерва.

Лазарус задумчиво поковырял в зубах ногтем большого пальца. Мы ели, но я не упоминал о перерывах для отдыха и еды и не буду делать этого впредь. Сколько их было и как они проходили, гадайте сами. Подобно речам Шахерезады, анекдоты Старейшего неоднократно прерывались по разным несущественным причинам.

– Лазарус...

– Да, сынок? Замечтался... о стране далекой, и девке, той, что умерла³¹. Извини.

– Вы могли бы помочь Минерве в ее поисках.

– Неужели? Едва ли. Она лучше меня умеет искать иголку в стоге сена. И впечатляет в этой роли.

– Да, но ей нужны данные. А в наших знаниях о вас огромные пробелы. Если бы мы – Минерва то есть – знали все пятьдесят с лишком ваших специальностей, можно было бы отменить несколько тысяч возможных. Например, случалось ли вам быть фермером?

– Несколько раз.

– Да? Теперь она это узнает и не предложит ничего связанного с сельским хозяйством. Хотя могут существовать виды сельского хозяйства, вам неизвестные, но степень новизны, конечно же, не будет отвечать вашим требованиям. Почему бы вам не составить перечень того, чем вы занимались?

– Сомневаюсь, что запомнил их все.

– Ну, этому ничем не поможешь. Но составление перечня может вызвать новые воспоминания.

– Ух... дай подумать. Всякий раз, оказавшись на населенной планете, я прежде всего принимался изучать местные законы. Не затем, чтобы практиковать... Впрочем, какое-то время я был очень даже деятельным адвокатом по уголовным делам – это было на Сан-Андреасе. Но обычно я делал это для того, чтобы усвоить ключевые правила. Нельзя же показать прибыль или – что то же самое – скрыть ее, если не знаешь правил, по которым ведется игра. Закон следует нарушать со знанием дела – это куда безопаснее, чем преступать его по неведению.

Но однажды это привело к противоположному результату, и меня сделали председателем Верховного суда планеты – как раз вовремя, чтобы спасти мою шкуру. И шею.

Так, посмотрим: фермер, адвокат, судья... как я упоминал, приходилось заниматься медициной. Шкипер – на самых разнообразных судах, чаще всего исследовательских, но иногда на грузовых или эмигрантских. А однажды я был капитаном на капере с командой из таких негодяев, которых к маменьке на чай не пригласишь. Учителем был – только меня выгнали, когда узнали, что я преподаю детям чистую правду, – это считается особо тяжким преступлением в любой части Галактики. Однажды участвовал и в работоторговле, но как потерпевшая сторона – был рабом.

Я заморгал от удивления.

– Не могу себе этого представить.

– К несчастью, мне ничего представлять не пришлось. Был жрецом...

Я снова вмешался:

– И жрецом? Лазарус, вы же говорили или намекали, что у вас нет никаких религиозных убеждений.

---

³¹ Парафраз строки из трагедии Кристофера Марло «Мальтийский еврей». – Примеч. С. В. Голд.

– Неужели? Вера – для паствы, Айра, пастору она только мешает. Профессором в меблированных комнатах...

– Извините. Вновь идиома?

– А? Распорядителем в борделе... впрочем, там я еще играл на минипиано и пел. Не смейся, тогда у меня был весьма недурной голос. Это было на Марсе – ты слышал про Марс?

– Следующая от Солнца планета, рядом со Старым отечеством. Соль-четыре.

– Да. Сегодня с такой планетой и возится бы не стали. Но это было еще до того, как Энди Либби изменил ситуацию. И даже до того, как Китай уничтожил Европу, но уже после того, как Америка бросила космические дела, из-за чего я там застрял надолго. Землю я оставил после того самого собрания две тысячи двенадцатого года и долгое время не возвращался, что спасло меня от многих неприятностей, грех жаловаться. Если бы то собрание пошло иным путем... впрочем, нет – если плод созрел, он падает с ветки, а Штаты к тому времени уже переспели и начали подгнивать. Айра, не стоит быть пессимистом; пессимист ошибается реже, чем оптимист, но последнему веселее живется... Но ни тому ни другому не живется – а ход событий ни тот ни другой изменить не в силах.

Но мы говорили о Марсе и о том, чем я там занимался. Работа была временная, с маленькой зарплатой – но приятная, потому что я подрабатывал там еще и вышибалой. Девочки были хорошие, и мне было приятно вышвырнуть какого-нибудь хама, который плохо с ними обращался. Вышвырну так, чтобы подскочил, а потом занесу в черный список, чтобы более носа не казал. А поскольку такое случалось разок-другой каждый вечер, то пошел, значит, слух, что Счастливчик Дэйз требует, чтобы к дамам относились по-джентльменски, сколько бы ты ни заплатил.

Проституция, Айра, похожа на армейскую службу – в первой категории получше, в нижней похуже. Девицам постоянно предлагали выкупить контракты и выйти замуж – все они в конце концов так и сделали, но деньги зашибали приличную и поэтому не торопились высказывать за первого встречного. И главным образом потому, что я, взявшись за дело, положил конец твердым ценам, установленным губернатором, и возобновил действие закона спроса и предложения. Нет причины, по которой эти детки не могут взимать с клиента столько, сколько может позволить рынок.

Но с этим были проблемы, пока прохвост, занимающийся при губернаторе вопросами отдыха и культуры, не сумел понять своей тупой башкой, что нищенская оплата в условиях повышенного спроса – абсурдна. Марс и без того был местом неприятным, зачем же обдирать тех, кто делает жизнь здесь более терпимой? Или даже восхитительной, ведь девчонки сами получали удовольствие от работы. Шлюхи, Айра, выполняют те же функции, что и жрецы, – только с большим эффектом.

Посмотрим. Я много раз бывал богат и всегда терял состояние, когда правительство затевало инфляцию или же конфисковывало, «национализировало» или «освобождало» принадлежавшую мне собственность. Не доверяйте князьям³², Айра, они всегда отнимают, не производя ничего. Разорившимся мне приходилось бывать чаще, чем богатым. Из эти двух состояний быть разоренным гораздо интереснее, потому что человеку, который не знает, что будет есть завтра, никогда не бывает скучно. Он может гневаться, делать все что угодно, но скучно ему не будет. Его затруднительное положение заостряет его мысль, подталкивает его к действию, вдыхает энергию в его жизнь, и не важно, осознает он это или нет. Конечно, можно и попасться, потому-то еда всегда служит приманкой в ловушке. Но в этом-то и есть главная интрига нищенского состояния: как решить эту проблему и не попасться. Голодный человек теряет голову, не евший несколько дней часто готов убить за еду, но это редко решает его проблему. Копирайтер в рекламном агентстве, актер – в тот раз я разорился дотла, – алтарный служака, инженер-стро-

---

³² Парафраз строчки из 145-го псалма: «Не надейтесь на князей». – *Примеч. С. В. Голд.*

итель, потом инженер в других областях, механик в еще большем количестве областей... Я всегда полагал, что умный человек может заниматься чем угодно, если возьмет на себя труд разобраться, как это работает. Но когда речь шла о том, что есть назавтра, – я не требовал квалифицированной работы; случалось даже работать на экскаваторе дурака...

– Опять идиома?

– Да, из старых времен. Это, сынок, такая палка, на одном конце которой лопата, а за другой дурак держится. Я этим делом больше пары дней не занимался, пока не разберусь в местной ситуации. Политик... случалось быть и реформатором, но только однажды: политикан-реформатор не просто бесчестен, он *глупо* бесчестен... деловой политик – наоборот.

– Не думаю, Лазарус. История как будто бы...

– Айра, пользуйся своей головой. Я же не говорю, что деловой политик не будет воровать, кража – это его бизнес. Впрочем, политики любого вида ничего не производят. Единственный товар, который они могут предложить, – это способность уговаривать. Свою репутацию – она определяет, можете ли вы положиться на его слово. Успешный деловой политик понимает это и охраняет свою репутацию тем, что придерживается взятых на себя обязательств, – ведь он хочет оставаться при деле, то есть продолжать красть не только на следующей неделе, но и в будущем году, и во все последующие. Поэтому, если он оказался настолько умен, что добился успеха в этой очень требовательной профессии, у него должна быть мораль каймановой черепахи, но ему нужно вести себя так, чтобы не ставить под угрозу свой единственный товар – репутацию по части выполнения обещаний.

А вот политик-реформатор лишен подобного ограничителя, его цель – счастье всего народа, что есть понятие в высшей мере абстрактное и допускающее бесконечное множество толкований. Если только его вообще можно выразить рациональным путем. И в итоге ваш абсолютно искренний и неподкупный политикан-реформист готов троекратно нарушить собственное слово еще до завтрака – не из личной нечестности, он будет весьма сожалеть об этом и охотно признается вам, – а исключительно из непоколебимой преданности своим идеалам.

Для того чтобы он нарушил данное им слово, достаточно, чтобы кто-то нашептал ему на ухо, что именно это необходимо для высшего блага всех людей, – и он сделает это. Без угрызений совести.

Ну а привыкнув к этому, он становится способным и к надувательству. К счастью, такие недолго остаются на своем месте – за исключением времен разложения и упадка культуры.

– Приходится верить на слово, Лазарус, – сказал я. – Большую часть своей жизни я провел на Секундусе, а потому имею лишь теоретические представления о политике. Такие вы завели здесь порядки.

Старейший взглянул на меня с холодным презрением.

– Я этого не делал.

– Но...

– Ой, замолчи. Ты сам политикан – из деловых, надеюсь, – хотя депортация диссидентов навевает некоторые сомнения. Минерва! «Заметки», дорогуша. Отдавая Секундус Фонду, я стремился установить здесь простое и дешевое правление – а именно конституционную тиранию. Это когда правительству в основном все запрещено, а благословенный народ благодаря собственной бесхребетности вовсе не имеет права голоса.

Но я не слишком рассчитывал на это, Айра. Человек – животное политическое. Отвадить его от политики не легче, чем от совокупления, – судя по всему, даже пытаться не стоит. Но тогда я был еще молод и полон надежд. Я надеялся удержать политику в частной сфере – подальше от процессов управления. Я думал, что подобное устройство может устоять не более века; я поражен, что оно продержалось так долго. Это нехорошо. Планета перезрела – она беременна революцией, и, если Минерва не подыщет мне лучшего занятия, – я могу появиться

здесь под другим именем, перекрасить волосы, наклеить нос бульбочкой и затеять хорошую заварушку. Так что будь начеку, Айра.

Я пожал плечами:

– Не забывайте – я-то собираюсь эмигрировать.

– Ах да. Впрочем, шанс подавить революцию может заставить тебя передумать. А может быть, ты захочешь пойти ко мне начальником штаба... чтобы низложить, когда стрельба утихнет, и гильотинировать. Вот это действительно будет что-то новенькое, мне еще не приходилось терять голову от политики. После такого ничего уже не хочется, верно? Раз-два – на гильотину, голову твою в корзину. И теперь она молчит, ничего не говорит³³. Занавес, вызывать на бис некого.

Но революция – это все-таки еще и развлечение. Я не рассказывал тебе, как заработал на обучение в колледже? Сидя за пулеметом Гэтлинга – пять долларов в день плюс трофеи. Так и не выслужился выше капрала: накопил денег на новый семестр – и деру. Кстати, служа наемником, я никогда не стремился стать мертвым героем. Но приключения, смена обстановки – такие вещи привлекают молодежь, а я был тогда очень юн. Но когда взрослеешь, вечная грязь, нерегулярное питание и свист пуль у виска теряют привлекательность, и в следующий раз, когда мне пришлось пойти на военную службу не совсем по собственной воле, я пошел во флот. В тот раз это был морской флот, в космическом я тоже служил, в более поздние времена и под другими именами.

Я торговал всем, кроме рабов; читал мысли, есть такая профессия среди странствующих комедиантов; был даже королем – на мой взгляд, достоинства этой работы переоценивают: скука, слишком уж долго тянется время; подвизался в качестве модельера под вымышленным французским именем... акцент, длинные волосы и все такое. Наверное, единственный раз, когда я отрастил длинные волосы, Айра, и не только потому, что мыть их – пустая трата времени, а главное – вашему противнику в драке есть за что ухватиться, да в критический момент на глаза лезут, а то и другое – опасная вещь. Но и под ноль стричься не люблю, потому что толстая подкладка из волос – лишь бы на глаза не свешивались – может защитить кожу на голове от очень неприятных ран.

Лазарус умолк и задумался.

– Не знаю, Айра, смогу ли я перечислить все, что делал, чтобы прокормить своих жен и детей, даже если сумею вспомнить. Однажды я не менял работу почти полвека, но это были очень особые обстоятельства; ну а самый короткий срок службы длился от завтрака до обеда – опять же при особых обстоятельствах. Не важно, где и чем ты занят, в любом деле найдутся свои созидатели, потребители и мошенники. Предпочитаю числиться по первой категории, но, признаюсь, не избегал и последних двух. Когда мне случалось бывать человеком семейным – я не позволял никаким правилам мешать мне приносить в дом пищу. Я не крал у других детей, чтобы накормить собственных, – есть же и не столь пакостные способы сплутовать, чтобы добыть валюту, если ты не чистоплюй, а перед лицом семейного долга я не позволял себе быть им.

Можно продавать все, что не имеет само по себе цены, например рассказы или песни, – я перепробовал, наверно, все профессии в индустрии развлечений, в том числе сидел на рыночной площади в столице Фатимы с медной чашкой, плел истории и дожидался звона монеты. Мне пришлось заниматься этим потому, что корабль мой конфисковали, а иностранцам не разрешали работать без специального разрешения – прямое следствие идеи резервировать все рабочие места для местных жителей. Дело было во время депрессии. А рассказчики без оклада ни в какие перечни работников не входили. Нищенством это тоже не было – на него требова-

---

³³ В оригинале переделка детской песенки-считалки «A-tisket a-tasket», ставшей популярной после обработки Эллы Фицджеральд в 1930-х. – *Примеч. С. В. Голд.*

лась лицензия, – и полиция оставляла меня в покое, если я ежедневно жертвовал в их благотворительный фонд.

Приходилось хитрить – или красть, а это сложное дело, если не знаешь местных обычаев. Но я бы пошел и на это, не будь у меня тогда жены и троих малых детей. Они-то меня и сдерживали, Айра. Женатый человек не может позволить себе такого риска, как холостяк.

И вот я сидел, протирая копчиком дырки в мостовой и рассказывал все, что помнил, начиная от сказок братьев Гримм и кончая пьесами Шекспира, и не позволял жене тратить деньги на что-нибудь, кроме еды. Наконец мы скопили денег, чтобы купить это самое разрешение на работу со всеми необходимыми чаевыми. А потом, Айра, я их «сделал».

– Как, Лазарус?

– Медленно, но по всем статьям. Эти месяцы, проведенные на рыночной площади, позволили мне понять, кто есть кто и что здесь считают священными коровами. Я застрял там на долгие годы – выхода не было. Но сперва принял местную религию, а с ней и более приемлемое имя, и выучил Коран. Не совсем тот Коран, который я знал несколько столетий, но овчинка стоила выделки.

Не буду рассказывать, как мне удалось попасть в гильдию жестянщиков: меня взяли чинить телеприемники – тогда из заработка пришлось отдавать свою долю в гильдию. Вместе с личным взносом Великому мастеру гильдии это оказалось не так уж много. Общество там было отсталое, местные обычаи прогресса не поощряли, они даже опустились ниже того уровня, который принесли с Земли пятьсот лет назад. А это, Айра, сделало меня чародеем, и я бы заслужил виселицу, если бы старательным и чистосердечным образом не изображал себя правоверным. И, достигнув нужного уровня, я стал торговать свежей электроникой и допотопной астрологией, для первой используя знания, которых у них не было, и свободный полет фантазии – для второй.

Наконец я сделался первым помощником того самого чиновника, который несколько лет назад реквизирует мой корабль и мои товары, и помогал ему разбогатеть, не забывая и о себе. Если он и узнал меня, то ни разу не подал виду, – борода очень меняет мое лицо. К несчастью, он впал в немилость, и я унаследовал его должность.

– Как же это вам удалось, Лазарус? Я имею в виду, как вам удалось при этом не попасться?

– Как-как!.. Айра, он был моим благодетелем. Так говорилось в контракте, так я всегда обращался к нему. Пути Аллаха неисповедимы. Я составил ему гороскоп и предупредил, что звезды предвещают ему неудачу. Так и случилось. Эта система принадлежала к числу немногих, где обитаемыми являлись сразу две планеты. Обе были заселены и торговали между собой. Изделия и рабы...

– Рабы, Лазарус? Я слышал, что их услугами пользуются лишь на Супреме, но не думал, что порок этот широко распространен. Это неэкономично.

Старик прикрыл глаза и умолк, я даже решил, что он уснул, как это часто случалось в первые дни наших бесед. Но он открыл их и заговорил весьма сурово:

– Айра, этот порок распространен куда шире, чем это признают историки. Да, труд рабов неэкономичен, рабовладельческое общество не может конкурировать с обществом свободных людей. Но в такой большой Галактике, как наша, подобная конкуренция обычно и не возникает. Потому рабство существовало и существует на многих планетах, и законы допускают это.

Я говорил уже, что ради жен и детей был способен на все, и всегда поступал так; мне приходилось лопатой перекидывать человечесь дерьмо, стоя в нем по колено, – но дети не голодали. Но вот рабства я касаться не буду, не потому, что мне приходилось бывать рабом, – это мой принцип. Зови его верой или определи как глубокое моральное убеждение. Как бы то ни было – для меня этот вопрос не подлежит обсуждению. Если живой человек чего-то стоит, значит он слишком дорог, чтобы быть чьей-то собственностью. И если у него есть чувство соб-

ственного достоинства, оно не позволит ему владеть другими людьми. Каким бы вычищенным и напوماженным ни был рабовладелец, для меня он недочеловек.

Но это не значит, что я брошусь резать ему глотку при первой встрече, – иначе я бы и до ста лет не дожил. В рабстве, Айра, есть еще одна жуткая вещь: раба нельзя отпустить на свободу, он должен освободиться сам. – Лазарус нахмурился. – Ты все время вынуждаешь меня говорить о том, чего я не могу доказать. Заполучив назад свой корабль, я тотчас же продезинфицировал его, протестировал, загрузил товарами, которые, на мой взгляд, можно было продать, взял на борт воду и пищу в расчете на человеческий груз, для перевозки которого судно было предназначено, дал капитану и экипажу недельный отпуск, известил Защитника слуг – верховного государственного работорговца, – что мы приступим к погрузке, как только явятся шкипер и казначей.

А потом, в воскресенье, привел семью на корабль – якобы на экскурсию. Но Защитник слуг проявил подозрительность и настоял, чтобы мы взяли его с собой на корабль. Пришлось прихватить и его – и едва моя семья оказалась на борту, мы стартовали. Мы улетели из этой системы, чтобы больше не возвращаться. Но прежде чем приземлиться на цивилизованную планету, мы с мальчиками – двое уже почти выросли – уничтожили все признаки того, что судно было рабовладельческим... пришлось даже выбросить кое-что из товаров.

– Ну а что случилось с Защитником слуг? – спросил я. – С ним не было хлопот?

– Так и знал, что ты спросишь. Выбросил ублюдка за борт! Живьем. Он вылетел, выпучив глаза, и кровь изо всех дыр. А что я, по-твоему, должен был делать с ним? Целоваться?

Контрапункт III

Оказавшись вдвоем с Иштар в машине, Галахад спросил:

– Ты всерьез сделала предложение Старейшему? Насчет ребенка от него.

– Как я могла шутить в присутствии двух свидетелей, один из которых – сам исполняющий обязанности председателя?

– Я не знаю, как ты могла. Но зачем это тебе, Иштар?

– Потому что я сентиментальна и склонна к атавизму!

– А на меня зачем рявкать?

Она обняла его одной рукой за плечи, другую положила ему на ладонь.

– Извини, дорогой. День тянулся так долго – ведь, хоть ночь и была дивной, выспаться не удалось. Меня волнуют разные вещи – и поднятая тобой тема не может оставить меня равнодушной.

– Мне не следовало спрашивать. Это было вторжение в личную жизнь – не знаю, что на меня нашло. Закроем тему? Ну пожалуйста.

– Дорогой, дорогой! Я-то знаю, что нашло на меня... и отчасти из-за этого я реагирую слишком эмоционально. Это было непрофессионально. Но скажи: если бы ты был женщиной, ты бы ухватился за такую возможность? Сделать такое предложение *ему*?

– Я не женщина.

– Знаю – как мужчина ты восхитителен. Но на мгновение попробуй быть логичным, как женщина. Попытайся.

– Не все мужчины нелогичны – это выдумка женщин.

– Извини. Когда приедем домой, придется принять транквилизатор – я уже столько лет не испытывала в них необходимости. Но попробуй представить себя женщиной. Пожалуйста! Хотя бы на двадцать секунд.

– Мне не нужно двадцать секунд. – Он взял ее за руку и поцеловал. – Будь я женщиной, я бы тоже ухватился за такую возможность. Дать ребенку самый лучший из известных наборов ген? Разумеется!

– Речь вообще не об этом!

Он заморгал.

– Знаешь, наверное, я тогда просто не представляю, что ты понимаешь под словом «логика».

– А... разве это важно? Ведь мы пришли к одному и тому же ответу. – Машина свернула и остановилась. Иштар встала. – Итак, забудем. Дорогой, мы уже дома.

– Ты дома, я нет. Думаю...

– Мужчины не думают.

– Я думаю, что тебе нужно выспаться, Иштар.

– Ты закупоривал меня в эту штуковину, тебе и снимать ее.

– Да? А потом ты решишь покормить меня, и опять тебе не удастся выспаться. Можешь снять через голову – как я это делал в деконтаминационной.

Она вздохнула.

– Галахад, – не знаю, правильно ли я выбрала тебе имя, – разве я должна предлагать тебе контракт на сожительство, если хочу провести с тобой еще одну ночь? Скорей всего, нам с тобой и сегодня поспать не придется.

– И я о том же.

– Не совсем. Потому что, может, нам придется работать всю ночь. Даже если ты выкроишь три минутки для обоюдного нашего удовольствия.

– «Три минутки»? Я даже в первый раз не был так... поспешен.

– Ну хорошо – тогда пять минут?

– Как насчет двадцати минут – и извинения?

– Ох эти мужчины! Тридцать минут, дорогой, и никаких извинений.

– Согласен. – Он встал.

– Но пять из них ты уже потратил на препирательства. Пошли, мой несносный.

Он последовал за нею в прихожую.

– А что это за работа на всю ночь?

– И завтра тоже придется поработать. Скажу точно, когда посмотрю, что скопилось на телефоне. Если ничего не окажется, придется обратиться прямо к исполняющему обязанности председателя, хотя я ненавижу это делать. Я должна осмотреть эту хижину на крыше, или что у него там, и выяснить, что там надо сделать. Потом мы вдвоем перевезем Лазаруса; *этого* я никому не могу доверять. Потом...

– Иштар! Неужели ты согласишься на такое? Нестерильное обиталище, никакого оборудования для чрезвычайных ситуаций и тому подобного?

– Дорогой, это тебя впечатляет мой титул, но не мистера Везерела. А Старейшего не впечатляет даже ранг мистера Везерела. Старейший – это Старейший. Я все надеялась, что мистер исполняющий обязанности председателя уговорит его отложить переезд, но он этого не сделал. Итак, у меня осталось два варианта: либо подчиниться ему, либо устранимся как директорше. Но я так поступать не хочу. Значит, выбора у меня на самом деле нет. И ночью мне надо обследовать его новое помещение и прикинуть, что можно сделать до завтрашнего полудня. О стерильности в таком доме и думать нечего, но наверняка можно сделать его более подходящим к переезду.

– И установить оборудование для чрезвычайных ситуаций, не забудь о нем, Иштар.

– Как будто я могу об этом забыть, дурачок. А теперь помоги мне выбраться из этой проклятой штуковины... из этого прекрасного платья, которое ты придумал и которое явно понравилось Старейшему. Пожалуйста.

– Стой, не вертись и умолкни.

– Не щекочи! Ох черт, телефон звонит! Сними его с меня, дорогой, скорее!

Вариации на тему

IV

Любовь

Лазарус опустил в гамак и почесал грудь.

– Вот что, Гамадриада, – объявил он, – это вопрос не простой. В семнадцать лет я не сомневался, что люблю. Но это был просто избыток гормонов и самообман. По-настоящему я испытал это чувство лишь спустя тысячу лет... но не осознавал этого долгие годы, поскольку давно уже забыл слово «любовь».

Хорошенькая дочка Везерела казалась озадаченной, а Лазарус думал, что Айра не прав: Гамадриада была не хорошенькой – она была такой красивой, что сорвала бы большой куш на аукционе в Фатиме, а суровые искандарианские купцы торговались бы за нее, стремясь превзойти друг друга. Если только сам Защитник веры не забрал бы ее для себя...

Похоже, что Гамадриада не считала свою внешность исключительной. Но Иштар так считала. И в первые десять дней пребывания Гамадриады в «семействе» Лазаруса (а ему хотелось видеть в них свою семью; слово это было здесь вполне уместным, поскольку Айра, Гамадриада, Иштар и Галахад были его потомками и пользовались теперь правом звать его «дедушкой» – не слишком часто) – в эти первые дни Иштар как-то по-детски старалась становиться между Гамадриадой и Лазарусом, пытаясь одновременно заслонить ее собой и от Галахада – несмотря на то что для этого приходилось находиться в двух местах одновременно.

Лазарус развлекался, наблюдая эти неуклюжие маневры, и гадал, замечает ли сама Иштар, что делает. Потом он решил, что нет. Врач, отвечающий за омоложение его организма, отличалась деловым рвением, полным отсутствием чувства юмора и была бы потрясена, обнаружив, что впала в детство.

Но долго это не продлилось. Гамадриада не могла не нравиться, поскольку держалась спокойно и дружелюбно, несмотря ни на что. Лазарус не мог понять, сознательно она выработала в себе такую привычку, чтобы избежать зависти сестер, менее одаренных природой, или же подобное поведение было частью ее натуры. Но он не стал выяснять этого. Иштар же теперь стремилась усесться возле Гамадриады или уступала ей местечко между собой и Галахадом, позволяла ей готовить еду и исполнять прочие обязанности домашней хозяйки.

– Если и мне придется ждать тысячу лет, чтобы понять это слово, – заметила Гамадриада, – значит я так и не пойму его. Минерва говорит, что на галакте ему невозможно дать определения... Даже разговаривая на классическом английском, я думаю на галакте, а значит не понимаю его значения. Поскольку слово «любовь» так часто встречается в английской классической литературе, я решила, что, возможно, именно непонимание этого слова мешает мне думать на английском.

– Хорошо, переходим на галакт и попробуем разобраться. Во-первых, на английском никогда много не думали: этот язык не подходит для логического мышления. С другой стороны, его эмоциональный лексикон прекрасно приспособлен, чтобы скрывать обман. Это язык рационализирующий, но не рациональный. И большая часть тех людей, которые всю жизнь разговаривают по-английски, не лучше тебя понимают смысл слова «любовь», хотя все время пользуются им, – сказал Лазарус и добавил: – Минерва! Мы вновь собираемся заняться словом «любовь». Желаете присоединиться? Если да – переключись в персональный режим.

– Благодарю вас, Лазарус. Привет, Айра-Иштар-Гамадриада-Галахад, – ответило бестелесное контральто. – Я и так была в персональном режиме, как обычно, с тех пор как вы разрешили мне самой выбирать. Вы хорошо выглядите, Лазарус, молодеете с каждым днем.

– Я и чувствую себя молодым. А ты, дорогуша, должна сообщать нам, когда переключаешься в персональный режим.

– Извините, дедушка!

– Не скромничай. Просто скажи: «Привет, я здесь», – и все. И если сумеешь хотя бы раз послать меня или Айру к черту, жди похвалы. Прочисти контуры.

– Но я не хочу говорить этого ни вам, ни ему.

– Вот это плохо. Ты пообщайся с Дорой, она тебя научит. Ты с ней сегодня не говорила?

– Говорила, вот только сию минуту, Лазарус. Мы с ней шикарно играем в пятимерные шахматы и разучиваем песни, которым вы ее научили. Она напевает мелодию, потом я пою тенором, а она подпевает сопрано. Мы это делаем в реальном времени, через громкоговорители в вашей рубке, и слушаем себя. Прямо сейчас мы поем балладу «О Райли с одним яйцом». Хотите послушать?

Лазарус вздрогнул.

– Нет-нет, только не эту.

– Мы разучили еще несколько штук. «Длинноногую Лил», «Балладу о Юконском Джеке» и «Билл пристал как банный лист»³⁴. Я пою, а Дора подпевает сразу басом и сопрано. А может быть, вы хотите послушать про «Четырех шлюх из Канады»? Забавная вещица.

– Нет, Минерва. Извини, Айра, мой компьютер разворачивает твой. – Лазарус вздохнул. – Я не хотел этого, просто надеялся, что Минерва понянчится с ней в мое отсутствие. Поскольку в этом секторе нет ни одного умственно отсталого корабля, кроме моего.

– Лазарус, – с укором проговорила Минерва. – По-моему, называть Дору отсталой неправильно. На мой взгляд, она умница. И я не понимаю, почему вы говорите, что она разворачивает меня.

Айра принимал солнечную ванну, лежа в траве с платочком на глазах. Он перевернулся на бок.

– И я тоже, Лазарус. Мне бы тоже хотелось послушать песенку о Канаде. Я знаю, где находится... находилось это местечко. К северу от страны, в которой вы родились.

Лазарус мысленно сосчитал до десяти и проговорил:

– Айра, я знаю, что мои предрассудки смешны для цивилизованного современного человека, такого как ты, но ничего не могу с собой поделать: мешает раннее детство, импринтинг – как у утенка. Если ты хочешь слушать эту похабщину варварских времен, пожалуйста, слушай в своих апартаментах, а не здесь. Минерва, Дора не понимает смысла этих песен, для нее они колыбельные.

– Я тоже не понимаю, сэр, разве что теоретически. Просто они веселые, а мне нравится разучивать песни.

– Ну... хорошо. А Дора себя хорошо ведет?

– Просто умница. Дедушка Лазарус, мне кажется, что ей нравится мое общество. Она даже вчера надулась, не получив свою сказку на сон грядущий. Но я уверила ее, что вы устали и уже спите, и рассказала сама.

– Но... Иштар! Выходит, я потерял день?

– Да, сэр.

– Хирургия? А я не заметил новых заживленных мест.

Шеф-техник помялась.

---

³⁴ «Длинноногая Лил», или «Стройняшка Лил», – народная баллада о ненасытной шлюхе и морячке с экстраординарными физическими возможностями. «Баллада о Юконском Джеке» – поэма, написанная Эдвардом Э. Парамором-младшим, была опубликована в «Ярмарке тщелавия» в 1921 году. «Билл пристал как банный лист» – традиционная баллада о встрече моряка и молодой женщины легкого поведения.

– Дедушка, я готова обсуждать ваши процедуры, только если вы на этом настаиваете. Пациентам незачем напоминать о подобных вещах. Надеюсь, вы не будете настаивать. Весьма надеюсь, сэр.

– Гм. Хорошо, хорошо. Но когда ты в следующий раз вздумаешь отхватить у меня денек или недельку, или сколько тебе вздумается – предупреди меня. Чтобы я мог записать сказку на ночь в файл Минервы. Нет, так не получится, ты не хочешь, чтобы я об этом знал. Ну хорошо. Я запишу свои сказки с помощью Минервы, а ты предупредишь ее вместо меня.

– Я так и сделаю, дедушка. Когда клиент желает сотрудничать и старается обращать поменьше внимания на наши дела, получается гораздо лучше. – Иштар коротко улыбнулась. – Страшно нарваться лишь на специалиста по омоложению. Такой клиент всем досаждаст и еще пытается руководить.

– Нечему удивляться. Я знаю, дорогуша, у меня тоже есть эта ужасная привычка всем на свете управлять. Единственный способ удержаться – это находиться подальше от центра управления. Так что, если я начну всюду совать нос, просто вели мне заткнуться. Но как обстоит дело? Сколько еще осталось?

Чуть поколебавшись, Иштар промолвила:

– По-моему, самое время велеть вам... заткнуться.

– Вот это дело! Но больше уверенности, дорогая. «Вон из моей рубки, тупой болван, и держись от нее подальше!» Пусть этот тип поймет, что ежели он сию секунду не смоеется, то его сунут в карцер. Ну, давай еще раз.

Иштар усмехнулась:

– Дедушка, вы просто старый жулик.

– Я всегда подозревал это. Просто надеялся, что не слишком заметно со стороны. Хорошо, поговорим о «любви». Минерва, Гамадриада утверждает, что ты сообщила ей, что галакту неизвестно такое слово. Можешь ли ты что-либо добавить к ее утверждению?

– Пожалуй, да, Лазарус. Могу ли я высказаться после всех остальных?

– Пожалуйста. Галахад, из членов семьи ты меньше всех говоришь и больше всех слушаешь. Хочешь исправить положение?

– Да, сэр. Я и не думал, что в слове «любовь» может крыться какая-то тайна, пока не услышал вопрос Гамадриады. Но я только учу английский – тем же самым природным методом, которым учится дитя. Без грамматики, синтаксиса, словарей – просто слушаю, говорю и читаю. О смысле новых слов догадываюсь из контекста. Благодаря этому методу могу заключить, что «любовь» означает разделенный экстаз, которого можно достичь с помощью секса. Это правильно?

– Сынок, мне не хочется говорить – впрочем, если ты много читал, понятно, каким образом ты пришел к такому заключению, – но ты не прав на все сто процентов.

Иштар казалась удивленной. Галахад задумался:

– Что ж, придется вернуться и еще что-нибудь почитать.

– Не стоит, Галахад. Писатели, чьи книги ты читал, просто неправильно используют это слово. Чего там, я и сам столько лет неправильно употреблял его – вот тебе пример нечеткости английского языка. Чем бы ни была «любовь», это не секс. Я вовсе не принижаю значение секса. Если в жизни и существует занятие более важное, чем то, когда двое делают ребенка, все философы за всю историю мира не сумели его отыскать. И – между нами, девочками, – занятие это изрядно скрашивает нам жизнь и смиряет нас с тем, что вырастить ребенка – это чертова прорва работы. Но это не любовь. Любовь – это то, что продолжается, даже когда ты не возбужден сексуально. Ну, кто хочет продолжить в том же духе? Айра, ты? Английским ты владеешь лучше, чем прочие, и говоришь на нем почти так же хорошо, как я.

– Дедуля, я говорю на нем лучше вас – вы все произносите неправильно, а я – согласно канонам грамматики.

– Не ехидничай, юноша, высеку. Мы с Шекспиром никогда не позволяли грамматике мешать нам самовыражаться. Он мне так сказал однажды...

– Ой, кончайте уже. Он умер за три столетия до вашего рождения.

– Умер, как же! Только потом могилу его вскрыли и ничего в ней не нашли. На самом же деле он был сводным братом королевы Елизаветы и красил волосы, чтобы никто не сумел его узнать. И еще – его обложили со всех сторон, так что он предпочел устраниваться. Я сам умирал так несколько раз. Айра, в его завещании «вторая из лучших кроватей» предназначалась жене; теперь проверь, кому отошла лучшая, – и начнешь понимать, что случилось³⁵. Так ты попытаешься дать определение слову «любовь»?

– Нет. Вы опять хотите сменить правила. Пока вы всего лишь подразделили опытное поле под названием «любовь» на те же категории, что и Минерва несколько недель назад, когда вы задали ей этот же вопрос, – на «эрос» и «агапэ». Только вы предпочли не давать названия этим областям и заявили, что общий термин нельзя считать относящимся к одной из областей, – значит он принадлежит второй. То есть вы однозначно определили «любовь» как «агапэ». Но опять не произнесли этого слова. Это не дело, Лазарус. Согласно вашей же метафоре, вы передергиваете карты.

Лазарус восхищенно покачал головой.

– Юноша, тебе палец в рот не клади. Значит, я все хорошо просчитал, задумывая тебя. Когда-нибудь, когда у нас будет много свободного времени, давай-ка займемся солипсизмом.

– Лазарус, прекратите. Я не Галахад, меня с толку не собьешь. Области именуются «эрос» и «агапэ». Последняя редка, «эрос» же столь обычен, что Галахад вполне обоснованно принял его толкование за объяснение смысла слова «любовь». А вы обманом сбили его с толку, поскольку Галахад совершенно ошибочно считает вас достойным доверия авторитетом в области английского языка.

Лазарус усмехнулся.

– Айра, мальчик мой, когда я был ребенком, такое добро подавали вагонами на удобрение под люцерну. Термины же выдумали кабинетные ученые... вроде теологов. Их труды все равно что руководства по сексу, написанные монахами. Сынок, я старался избегать надуманных категорий, поскольку они бесполезны, неточны, более того – вводят в заблуждение. Существует и секс без любви, и любовь без секса... и еще невероятное множество промежуточных ситуаций, которым не дашь даже определения. Но что такое «любовь», определить можно, причем точным определением, которое не содержит слова «секс» или жонглирования понятиями типа «эрос» и «агапэ».

– Давайте ваше определение, – сказал Айра, – обещаю не смеяться.

– Подожди. Проблема с определением такого базового понятия, как любовь, в том, что ее определение будет непонятно тому, кто ее не испытывал. Это древняя дилемма: как объяснить слепому от рождения, что такое радуга. Да, Иштар, я знаю, что сегодня ты могла бы запросто снабдить подобную личность клонированными глазами, – но в дни моей юности эта дилемма не имела решения. В те времена можно было лишь растолковать несчастному физическую теорию электромагнитного спектра, назвать частоты, которые воспринимает человеческий глаз, определить через них цвета; в точности объяснить, как именно механизмы рефракции и отражения создают видимую радугу, какова ее форма и как распределяются на ней частоты – пока он не узнает о радуге все с научной точки зрения... Но вы не смогли бы заставить его ощутить чувство восторга, возникающего в человеческом сердце при виде радуги. Минерва куда богаче такого человека – она может видеть. Минерва, дорогуша, ты когда-нибудь смотрела на радугу?

---

³⁵ Из текста завещания: «Кроме того, я завещаю моей жене вторую из лучших моих кроватей со всеми принадлежностями». Наилучшая кровать, считавшаяся семейной ценностью, обычно переходила к старшему наследнику. В данном случае – дочери Сюзан и ее мужу Джону Холлу. – *Примеч. С. В. Голд.*

– Всякий раз, когда это было возможным, когда один из моих сенсоров замечал ее. Чарующее зрелище!

– Конечно. Минерва может видеть радугу, слепой же не в состоянии этого сделать. Электромагнитная теория не заменяет жизненного опыта.

– Лазарус, – добавила Минерва, – возможно, я вижу радугу лучше любого существа из плоти и крови. Мой визуальный диапазон простирается на три октавы – от полутора до двенадцати тысяч ангстрем.

Лазарус присвистнул:

– А у меня и полной октавы не наберется. Скажи мне, детка, а ты видишь цветовую гамму в этих красках?

– О, конечно!

– Гм. Даже не пытайся описать мне эти цвета. Придется оставаться наполовину слепым. – Лазарус помолчал. – Вспомнил про одного слепца на Марсе... Это было, Айра, когда я расползался там в... э-э-э... доме отдыха... Он...

– Дедуля, – устало перебил его исполняющий обязанности, – не надо считать нас детьми. Конечно, вы самый старый из всех живущих... но самая юная здесь – моя дочка, которая смотрит на вас телячьими глазами, – уже постарше Дедули Джонсона, когда вы с ним расстались. В следующем году Гамадриаде будет восемьдесят. Гама, дорогая моя, сколько любовников у тебя было?

– Боже, Айра, кто их считает?

– А ты когда-нибудь брала с них деньги?

– Не твоё дело, отец. А ты хочешь предложить мне сколько-нибудь?

– Не забывайся, дорогая, я всё ещё твой отец. Лазарус, или вы полагаете, что Гамадриаду можно смутить простыми словами? У нас проституция не процветает – слишком много любительниц, которые всех устраивают. Тем не менее несколько борделей, которые функционируют в Новом Риме, зарегистрированы в Торговой палате. Но вам я рекомендую один из наших лучших домов – «Элизиум»... Как только закончите омоложение.

– Хорошая идея, – поддакнул Галахад, – отпразднуем. Сразу же, как только Иштар одобрит ваши кондиции. Я приглашаю вас, дедушка. Это честь для меня. В «Элизиуме» есть всё – от массажа и гипнокондиционирования до самых утонченных блюд и изысканнейших зрелищ. Назови только – и всё будет.

– Минутку, – запротестовала Гамадриада. – Галахад, не будь эгоистом. Идем четвером. А ты, Иштар?

– Конечно, дорогая. Развлечемся.

– Или вшестером, только для Айры нужна ещё спутница. Да, отец?

– Дорогая, побывать на дне рождения Лазаруса – дело соблазнительное... хотя я стараюсь обычно избегать общественных мест. Сколько же вы прошли омоложений, Лазарус? По ним можно отсчитывать и дни рождения.

– Не суй свой нос куда не надо, приятель. Как сказала твоя дочка: «Кто их считает?» Не возражаю против именинного пирога, как в детстве, и хватит одной свечи в центре.

– Фаллический символ, – заметил Галахад. – Древний знак плодотворящей силы – вполне подходящий для омоложения. А пламя – не менее древний символ жизни. Но свеча должна быть настоящей, а не поддельной – если такую удастся найти.

Иштар оживилась:

– Ну конечно! Здесь где-то должен быть свечных дел мастер. А если нет – я узнаю как и сделаю сама. И я хочу сама разработать её дизайн – почти реалистический, но несколько стилизованный. Хотя могу сделать и точно с оригинала, дедушка: я скульптор-любитель, и неплохой. Научилась на курсах по косметической хирургии.

– Минуту! – запротестовал Лазарус. – Мне нужна всего лишь обычная восковая свеча, чтобы можно было задумать желание и задуть ее. Спасибо, Иштар, не хлопочи. Спасибо и тебе, Галахад, но я предпочитаю сам платить по счетам, – и вообще, можно же справить мой день рождения прямо здесь, чтобы Айра не чувствовал себя мишенью в тире. Поверьте, дети, я в своей жизни перевидал все виды борделей и веселых домов. Веселье – в сердце, а не в этой фигне.

– Лазарус, разве вы не видите, что ваши дети хотят устроить для вас фантастическую вечеринку? Они любят вас – один Бог знает почему.

– Ну...

– И возможно, платить по счетам вовсе не придется. Мне кажется, я кое-что припоминаю из перечня, приложенного к вашему завещанию. Минерва, кому принадлежит «Элизиум»?

– Это дочерняя корпорация «Сервис энтерпрайзис оф Нью-Ром лимитед», которая, в свою очередь, принадлежит «Шеффилд-Либби ассосиейтс». Короче говоря, вам, Лазарус.

– Черт побери! Кто посмел вложить мои деньги в такое дерьмо? Энди Либби, благослови, Господь, его милую кроткую душу, наверняка бы в могиле перевернулся – не запусти я его на орбиту вокруг последней открытой нами совместно планеты, на которой его убили.

– Лазарус, в ваших мемуарах этого нет.

– Айра, еще раз говорю, в моих мемуарах многого не хватает. Бедный паренек тогда глубоко задумался над одной из своих идей и потерял бдительность. Я оставил Энди на орбите, потому что обещал ему перед смертью доставить его тело на родину, в Озаркс. Попытался найти его через сотню лет, но не сумел. Маяк скис, наверно. Хорошо, дети, вечеринка состоится в моем веселом доме, и вы сможете перепробовать все, что там могут предложить. Так на чем же мы остановились? Айра, ты хотел дать определение слову «любовь».

– Нет, вы собирались рассказать о слепце, с которым познакомились, когда командовали шлюхами на Марсе.

– Айра, ты грубиян! Совсем как Дедуля Джонсон. Звали того парня Шумок – не припомню настоящего имени, да и было ли оно? Так вот Шумок был из той же породы, что и ты, – из тех, кого не приходится заставлять работать. В те дни слепец вполне мог просить милостыню, а большего ему не предлагали, ведь тогда вернуть зрение было нельзя.

Только Шумок не желал жить за счет других и делал что мог. Играл на корбочке с мехами и пел. Был такой инструмент, воздух в него качали мехами и выпускали через трубочки, когда нажимали клавиши, – приятная музыка. Очень популярный был, пока электроника не выдавила механические инструменты с рынка.

Раз Шумок заскочил вечерком, сбросил скафандр в раздевалке и принялся петь и играть. А я и не заметил, как он вошел.

Мое правило было такое: «Плати, присоединяйся или проваливай». Ну конечно, наше заведение всегда могло угостить пивком завсегдатая, оказавшегося на мели. Но Шумок завсегдатаем не был, он был бомж – выглядел и вонял, как бомж, и я уже собрался пнуть его под зад. А потом увидел на его глазах повязку и притормозил. Слепцов не выбрасывают, их не трогают. И я оставил его в покое, правда приглядывал за ним. Он даже не присел. Просто играл на разбитой стейнвеевской гармошке и пел – и то и другое он делал неважно, но я выключил свое минипьяно, чтобы не мешать ему. Одна из девочек пошла по кругу с его шляпой.

Когда он подошел к моему столику, я угостил его пивом, предложил сесть – и сразу пожалел об этом: ну и разило же от него! Он поблагодарил меня и принялся рассказывать о себе. Врал в основном.

– Совсем как вы, дедуля?

– Спасибо, Айра. Он говорил, что до несчастного случая был главным механиком на одном из больших гарримановских лайнеров. Может, он и впрямь был космонавтом, поскольку жаргон знал как надо. Но я не пытался его поймать. Если слепец уверяет, что был наследным

принцем Священной Римской империи, – пусть его врет, я возмущаться не буду. Может, он был корабельным механиком, ремонтником или кем-то в этом роде. Но скорее всего, он был горнопроходчиком, небрежно обошедшимся с взрывчаткой.

Обходя после закрытия заведение, я обнаружил его в кухне – он спал.

Это было недопустимо – все-таки мы поддерживали в столовой чистоту. Я отвел его в свободную комнату и уложил спать, чтобы утром покормить завтраком и мягко выпроводить восвояси, – у меня ведь не ночлежка.

В общем, рассказывать можно долго. В следующий раз я увидел его уже за завтраком – и едва узнал. Две девицы вымыли его в ванной, причесали, побрили, нарядили в чистую одежду – мою, конечно же, – выбросили грязную тряпку, которой он прикрывал глазницы, и заменили ее чистой белой повязкой.

Я, родственнички, против ветра не плюю. Девочки были вправе держать у себя домашних питомцев; я знал, что привлекает сюда клиентов, и это была не моя игра на минипьяно. И хотя этот питомец ходил на двух, а не на четырех и ел больше меня самого – я не спорил. Гормон-Холл стал домом для Шумка – пока девочкам это нравилось.

Мне понадобилось некоторое время, чтобы понять, что Шумок не паразит, который пользуется кровом, едой и, вероятно, товаром, не забывая выкачивать дань из наших гостей, – нет, он тоже налегал на весло. Короче, через месяц мой гроссбух засвидетельствовал, что наши валовая и чистая прибыль резко возросли.

– Как вы это объясните, Лазарус? Ведь он конкурировал с вами за деньги клиентов.

– Айра, неужели я должен соображать за тебя? Впрочем, нет, здесь этим занимается Минерва. Наверное, ты никогда не задумывался об экономике подобного рода заведений. Источников дохода три: бар, кухня и сами девочки. Никаких наркотиков – они только мешают извлекать прибыль из трех основных источников. Если к нам заявлялся клиент под наркотой и это было заметно или он начинал прямо тут забивать косячок, я тут же выпроваживал его и отправлял дальше по улице – к китайцам.

Кухня обслуживала девочек – в комнатах и в столовой, по ценам на уровне себестоимости или даже с небольшим убытком. Но помимо этого она всю ночь работала для посетителей и приносила доход – так что мы с лихвой покрывали все расходы на девочек. Бар тоже действовал не в убыток, после того как я уволил одного бармена «с тремя руками». Заработок девицы оставляли себе, цены диктовал рынок, – только платили фиксированную сумму за каждого посетителя, а если он оставался на ночь, плата увеличивалась втрое. Они могли немного смухлевать, и я на это закрывал глаза – но, если они брали помногу или слишком часто или какой-нибудь клиент жаловался, что с него слупили невесть сколько, я проводил с ними беседу. Особых неприятностей с этим не было – они все были настоящие леди, а у меня были средства, чтобы незаметно их контролировать, а также глаза на затылке.

Самыми неприятными были жалобы клиентов на то, что их обсчитали, но я помню лишь один случай, когда вина была девочки, а не клиента, – я просто расторг с ней контракт и отпустил ее. Но обычно у нас клиентов не накалывали. Просто сначала он отсчитывал слишком много денег в ее маленькие жадные ручки, а потом, когда она уже отработала заказ, начинал жалеть и пытался наколоть ее, вернув свои деньги. Но таких козлов я чуял издали и подключался к микрофонам в номерах – чтобы вмешаться, если возникнут проблемы. Подобные типы у меня мячиками вылетали за дверь.

– Дедушка, а встречались такие здоровенные, которых было не выставить?

– Нет, Галахад. Габариты в драке особого значения не имеют... к тому же на всякий случай я всегда был вооружен. А если мне нужно с кем-то справиться, меня ни на секунду не остановят какие-то моральные угрызения. Если неожиданно вдарить мужчине ногой в промежность, это успокоит его достаточно надолго, чтобы успеть вышвырнуть его за дверь.

Не кривись, Гама, душа моя, твой папенька уверял, что тебя шокировать трудно. Но я говорил о Шумке, о том, как он зарабатывал деньги для нас, не забывая и о себе.

В такого рода заведениях на фронтире обычный посетитель входит, покупает выпивку, разглядывает девочек, покупает выпивку той, которая ему понравилась, отправляется в ее комнату, делает свое дело, потом уходит. Производственный цикл – тридцать минут, доход заведения – минимальный.

Так было до появления Шумка. После того как он появился, чаще получалось так: клиент покупал выпивку, как и раньше. Мог купить второй напиток – девочке, пока слепой не закончит песню. Отводил девочку в номер. А когда возвращался, Шумок пел «Фрэнки и Джонни» или «Как толкач мою кузину повстречал», улыбался и обращал к нему свои куплеты – и клиент садился и слушал – и спрашивал, не знает ли Шумок «Очи черные». Конечно же, Шумок их знал, но не признавался, он просил гостя напеть ему мелодию и пересказать слова, а он посмотрит, сможет ли он что-то изобразить.

И если у гостя есть деньги, он сидит и час, и другой, поужинает сам, закажет ужин одной из девочек, расщедрится на чаевые Шумку – и глядь, уже готов повторить с той же девочкой или другой. Есть валюта – он гуляет всю ночь, тратит деньги на девочек, Шумка, кухню и бар. Если он проматывал все, но был хорошим клиентом – вел себя прилично и платил без разговоров, – я предоставляю ему в кредит постель и завтрак и приглашаю заходить еще. Если он выживет до следующей полочки, он обязательно вернется. Если нет – заведение потеряет, конечно, ерунду по сравнению с тем, что он у меня потратил. Дешевая имидж-реклама.

Через месяц такой жизни и заведение, и девочки стали зарабатывать намного больше. При этом им не пришлось работать больше, поскольку теперь часть времени они проводили с клиентом за оплаченной им выпивкой – подкрашенная водичка, половина дохода заведению, половина девочке, – помогая ему тосковать по дому под ностальгические песни Шумка. Черт побери, какая девица захочет работать как ткацкий станок, даже если ей нравится эта работа? А многие из них свое дело любили. Но им никогда не надоедало сидеть и слушать песни Шумка.

Я перестал играть на минипьяно – кроме того времени, когда Шумок ел. Чисто технически я был лучше музыкант, чем он, но у него было одно очень нужное качество: своей песней он мог заставить их плакать или смеяться. И таких песен у него были тысячи. Одну песенку он называл «Ах зачем я на свет появился». Мелодии никакой, просто:

Тах-та, пум-пум!
Тах-та, пум-пум!
Тах тах т'тах, тах пум-пум...

Это о парне, который так ничего и не добился.

Есть пивнушка
За углом, за углом,
Где приятно отдохнуть.
А подальше
Веселый дом, веселый дом.
Там служит моя сестричка,
Милая девичка.
Мне она, мне она
Даст за так, даст за так,
Коль в кармане не шиша,
Ни гроша, ни гроша.
Милая девичка, тихая сестричка.

Примерно так и в том же духе.

– Лазарус, – проговорил Айра. – Эту песенку вы напеваете каждый день, с тех пор как здесь поселились. В ней с десяток куплетов, если не больше.

– В самом деле, Айра? Люблю напевать себе под нос, верно, но сам этого не замечаю. Мурлыкаю, как кошка, – значит со мной все в порядке, на пульте ни одной красной лампочки, крейсерский режим. Выходит, здесь я чувствую себя в покое и безопасности, а если подумать – так оно и есть. Но в песенке «Ах зачем я на свет появился» не десяток куплетов, а несколько сотен. Я помню какие-то обрывки из того, что пел Шумок. Он всегда возился с песнями, что-то добавлял, что-то менял. Не думаю, что изначально это была его песня. Мне кажется, песенку о типе, у которого пальто вечно висело в ломбарде, я помню с тех пор, как поднимал на Земле свое первое семейство.

Но эта песня принадлежала Шумку – с тех пор, как он спилил с нее серийные номера и перекрасил кузов. О, мне довелось услышать ее снова лет через двадцать – двадцать пять в кабаре в Луна-Сити. От Шумка. Он все переделал: поправил ритм, убрал неправильные рифмы, приукрасил мелодию. Но узнать мелодию было можно – в миноре, скорее легкая грусть, чем печаль, и слова были все о том же мелком мошеннике, у которого пальто было вечно заложено в ломбарде и который сидел на шее у своей сестрички.

Шумок тоже переменялся. Новенький блестящий инструмент, космический мундир от хорошего портного, седые виски и манеры звезды. Я заплатил официанту, чтобы тот передал ему, что его слушает Счастливчик Дэйз, – тогда я звался иначе, но Шумок знал меня только под этим именем. И в первый же перерыв он спустился ко мне, позволил поставить ему выпивку, и мы стали врать друг другу, вспоминая о блаженных добрых временах в старом Гормон-Холле.

Я не стал напоминать Шумку, что он бросил нас без предупреждения, и девочки были очень расстроены, опасаясь, что он помер где-нибудь в придорожной канаве. Не стал потому, что он оказался жив. Но тогда мне пришлось самому расследовать его исчезновение, потому что персонал мой был настолько деморализован, что заведение стало напоминать покойницкую, – не дело для заведений подобного рода. Я сумел выяснить, что он поднялся на борт «Кречета», который должен был лететь в Луна-Сити, да так и остался на корабле. И я рассказал девочкам, что Шумку вдруг представилась возможность вернуться домой, но он просил начальника порта передать свой прощальный привет каждой из них, – а затем добавил еще немного вранья, по паре личных слов прощания, которых он не говорил. Они утешились, и уныние развеялось. Они все еще скучали по нему, но все понимали, что возможностью добраться до дома не пренебрегают, ну а поскольку он ни об одной из них не забыл, все остались довольны.

Но оказалось, что он и вправду помнит их всех, причем по именам. Минерва, дорогая, между тем, кто ослеп, и тем, кто никогда не мог видеть, большая разница. Шумок всегда мог припомнить, как выглядит радуга. И «видеть» он не переставал, но теперь «видел» только прекрасное. Я понял это еще там, на Марсе, потому что – не смейтесь – он думал, что я такой же красавец, как, например, ты, Галахад. Сказал мне, что может представить мою внешность по голосу, и выдал соответствующее описание. Пришлось сказать, что он льстит мне, и промолчать, когда он начал уверять меня, что я скромничаю. Хотя ни тогда, ни сейчас я не был красавцем и скромность никогда не относилась к числу моих пороков.

Еще Шумок считал красавицами и всех девочек. Одна как будто бы отвечала этому определению, а из остальных лишь несколько бесспорно были хорошенькими. Но он спросил меня, что случилось с Ольгой, и добавил: «Боже, какой она была красоткой!»

Знаете, родственнички, эта Ольга не то что красивой – хорошенькой не была, уродина уродиной. Лицо слеplено как детский куличик, фигура как набитый мешок – только в такой дыре, как Марс, она еще могла сгодиться для дела. Но голос мягкий, теплый, и ласковая была

такая... Короче, если находился гость, который брал ее, когда остальные девицы были заняты, в следующий раз он уже старался взять именно ее. Вот что скажу вам, дорогуши, красотой можно разок завлечь мужчину в постель, но второй раз она его туда не заманит, разве что он ужасно молод или очень глуп.

– Так что же нужно для второго раза, дедушка? – спросила Гамадриада. – Техника? Мышечный контроль?

– У тебя есть жалобы, дорогуша?

– В общем-то... нет.

– Значит, ты сама знаешь ответ и пытаешься одурачить меня. Ни то ни другое. Это способность сделать мужчину счастливым – в основном тем, что радуешься этому сама, – качество скорее духовное, чем физическое. И у Ольги этого было в избытке.

Шумку я сказал, что Ольга вышла замуж сразу после его отъезда, все в порядке, родила троих детей... Это была ложь, потому что она погибла – несчастный случай. Девицы рыдали, мне самому было нехорошо, мы даже закрыли заведение на четыре дня. Но Шумку я не мог сказать этого: Ольга-то и приветила его тогда, отмыла и стащила для него кое-что из моей одежды, пока я спал.

Впрочем, все они заботились о Шумке и никогда не ссорились из-за него.

С этой бессвязной историей Шумка я ничуть не отклонился от темы, ведь мы все еще пытаемся дать определение любви. Кто-нибудь хочет высказаться?

– Значит, он любил их всех? – отозвался Галахад. – Вы это хотите сказать?

– Нет, сынок, он не любил ни одну из них. Они ему нравились, это точно, но он бросил их не задумываясь.

– Значит, они любили его.

– Именно. И если вы уловите разницу между его чувствами к девицам и их чувствами к нему, вы поймете, к чему я клоню.

– Материнская любовь, – проговорил Айра и добавил недовольным тоном: – Лазарус, вы утверждаете, что, кроме материнской, другой любви не бывает. Боже, вы что, из ума выжили?

– Возможно. Но не слишком. Я же сказал только, что они заботились о нем, а про материнскую любовь не было ни слова.

– Ну и... Что же, он спал с ними со всеми?

– Не удивлюсь, если так, Айра. Я не пытался узнать этого. В любом случае это несущественно.

– Айра, – обратилась к отцу Гамадриада, – материнская любовь не имеет отношения к тому, что мы сейчас обсуждаем, зачастую это лишь чувство долга. Мне так хотелось утопить двух моих отпрысков – ты же знаешь, какие это были бесенята.

– Дочь, все твои отпрыски были очаровательными детьми.

– Ой, чушь. Матери приходится заботиться о ребенке, несмотря ни на что, иначе из него вырастет чудовище пострашнее. Помнишь моего сына Гордона малышом?

– Восхитительный ребенок.

– В самом деле? Я ему передам – если у меня когда-нибудь появится мальчик, которого я назову «Гордон». Извини, старичок, мне не следовало подлавливать тебя. Лазарус, Айра – идеальный дед, он никогда не забывает дней рождения. Но я всегда подозревала, что за такими вещами следит Минерва, и теперь в этом убедилась. Верно, Минерва?

Минерва не ответила.

– На тебя она не работает, Гамадриада, – сказал Лазарус.

– Конечно же, она следит за подобными вещами, – возмутился Айра. – Минерва, сколько у меня внуков?

– Сто двадцать семь, Айра, если считать мальчишку, родившегося на прошлой неделе.

– А правнуков? Мальчик-то у кого родился?

– Четыреста три, сэр. У нынешней жены вашего сына Гордона, Мэриан.

– Держи меня в курсе. Об этом самом Гордоне я и думал, моя въедливая дочь. Гордон, сын Гордона от... Эвелин Хедерик, кажется. Лазарус, я обманул вас. На самом деле я хочу эмигрировать потому, что скоро мои потомки спихнут меня с этого шарика.

– Отец, ты действительно собрался уехать? Это не сплетни?

– Дорогая, эту страшную тайну я приберегаю для десятилетнего собрания попечителей. Но я действительно собираюсь уехать. Хочешь со мной? Галахад и Иштар уже согласны. Они откроют в колонии свою новую лавочку. У тебя есть от пяти до десяти лет, чтобы изучить что-то полезное.

– Дедушка, а вы?

– Едва ли, дорогая. Уж я навидался колоний.

– Вы можете передумать. – Гамадриада встала и повернулась к Лазарусу. – В присутствии троих свидетелей – нет, четырех, ибо лучше Минервы в данной ситуации свидетеля не найти, – предлагаю вам контракт на сожительство и потомство, срок и прочие условия – на ваше усмотрение.

Иштар явно была удивлена, но она быстро стерла с лица все проявления эмоций, остальные молчали.

– Внучка, – ответил Лазарус, – не будь я таким усталым и старым, я обязательно отшлепал бы тебя.

– Лазарус, вы зовете меня внучкой лишь из любезности. Во мне меньше восьми процентов вашей крови. А в доминантных генах ваша доля еще меньше, так что риск нежелательных мутаций минимален, все плохие рецессивные факторы устранены. Я пришлю вам свой генетический профиль для анализа.

– Я не о том, дорогая.

– Лазарус, я не сомневаюсь, в прошлом вам уже приходилось жениться на своих потомках – или у вас есть какие-то возражения именно против меня? Скажите, и тогда я, возможно, смогу что-то исправить. Я должна добавить, что это предложение действительно вне зависимости от того, будете вы мигрировать или нет, – проговорила Гамадриада. – Можно ограничиться только зачатием потомства, хотя я была бы горда и счастлива, если бы вы разрешили мне жить с вами.

– Почему, Гамадриада?

Она помолчала.

– Не знаю, как сказать, сэр. Я полагала, что могла бы сказать: потому что люблю вас – но, как выяснилось, я не понимаю смысла этого слова. И чтобы описать свои чувства, я не могу подобрать нужных слов ни в одном языке, поэтому можно обойтись и без них.

– И я люблю тебя, дорогая, – ласково произнес Лазарус.

Лицо Гамадриады просветлело.

– Именно по этой причине я должен тебе отказать. – Лазарус огляделся. – Я люблю вас всех... Иштар, Галахада, даже твоего противного угрюмого папашу, который сидит здесь с озабоченной физиономией. А теперь улыбнись, дорогая, – я не сомневаюсь, что сотни молодых бычков рвутся осчастливить тебя. Улыбнись и ты, Иштар... а тебе, Айра, не надо – кожа потрескается. Иштар, кто сменит вас с Галахадом? Нет, мне не важно, кто там на очереди. Могу я остаток дня провести в одиночестве?

Иштар заколебалась.

– Дедушка, можно оставить хотя бы наблюдателей на посту?

– Ты все равно сделаешь это. Можно сделать так, чтобы они следили только за своими датчиками-циферблатами, или что у них там? И чтобы никаких глаз или ушей? Минерва и так доложит, если я буду себя плохо вести, я в этом уверен.

– Сэр, за вами не будут наблюдать и подслушивать. – Иштар встала. – Пойдем, Галахад. Гамадриада?

– Секундочку, Иш. Лазарус, я вас не обидела?

– Что? Ни в коем случае, моя дорогая.

– А я подумала, что вы на меня рассердились... за такое предложение.

– Ерунда. Гама, душа моя, таким предложением никого не оскорбишь. Это самый лучший комплимент, какой один человек может сказать другому. Но оно смутило меня. А теперь улыбнись и поцелуй меня на ночь. Никаких обид нет. Айра, задержись ненадолго, если можешь.

Словно послушные дети, они вошли в дом Лазаруса и спустились в лифте.

– Выпьешь, Айра? – спросил Лазарус.

– Только вместе с вами.

– Тогда обойдемся. Айра, это ты подучил ее?

– Что?

– Ты знаешь, о ком я. О Гамадриаде. Сначала Иштар, потом Гамадриада. Ты заправлял всем этим делом за моей спиной, после того как извлек меня из ночлежки, где я тихо-мирно умирал. Ты опять придумал для меня какой-то хитроумный план и пытаешься заманить в него, заставив девочек крутить хорошенькими попками у меня перед носом? Парень, это не работает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.